

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1 9 6 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

1965

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. М. Славин.</i> Из истории создания социалистической Югославии.	3
<i>Е. К. Жигунов, Е. В. Рашковский.</i> Ранние программы социалистического движения в Польше (К истории становления идеологии партии «Пролетариат»).	12
<i>В. В. Аниченко.</i> Вопросы разграничения белорусских и украинских памятников.	25

СООБЩЕНИЯ

<i>В. В. Зеленин.</i> Участие советских людей в народно-освободительной войне Югославии.	35
<i>А. А. Зайцева.</i> «Дневник» Яна Коллара (К вопросу о формировании мировоззрения поэта).	40
<i>Ю. И. Смирнов.</i> Сербская баллада на Русском Севере	54

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры и рецензии

<i>Л. Я. Гибянский.</i> Branko Petranović. Političke i pravne prilike za vreme privremene vlade DFJ.	60
<i>В. Сиполс.</i> «Документы и материалы по истории советско-польских отношений»	64
<i>И. К. Горский.</i> Начало ценного труда.	67
<i>Е. П. Кирилюк.</i> Шевченко и болгарская литература	69
<i>Б. Н. Путилов.</i> «Narodne epske pjesme».	71
<i>П. А. Дмитриев.</i> Новая грамматика сербско-хорватского языка.	72

Заметки о книгах и статьях

<i>В. Д. Королюк.</i> Сборник статей по истории польско-немецких отношений.	73
<i>А. Ф. Носкова.</i> К истории гитлеровской оккупации в Польше.	75
<i>И. Лозинский.</i> Творческий самоотчет критика.	75
<i>Б. С. Шварцкопф.</i> «Проблемы современной филологии».	77

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1965 г. (продолжение)	78
Содержание иностранных журналов.	81

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. Д. Назаров.</i> В Институте экономики мировой социалистической системы	84
<i>И. В. Созин.</i> На кафедре истории западных и южных славян МГУ.	88
<i>А. Виноградова, Н. Пашаева.</i> Научная конференция, посвященная 550-летию со дня смерти Яна Гуса.	89
<i>Л. Н. Смирнов.</i> Дискуссия о культуре языка в Словакии.	92

В Институте славяноведения АН СССР

<i>В. А. Петров, А. К. Ванский, Т. П. Блинова, Л. А. Обушенкова.</i> Защита диссертаций.	95
Хроникальные заметки.	97

Научная жизнь за рубежом

<i>Витольд Якубчик, Ежи Гопольский</i> (ПНР). Познанский исторический центр (Историческая наука в Познани).	98
<i>А. Банк.</i> Две недели в Югославии.	103
Хроника.	103
<i>В. Д. Королюк, А. Н. Рогов.</i> Михаил Николаевич Тихомиров	105
<i>С. А. Пикитин.</i> Александр Бурмов	106
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1965 г.	107

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора),
 Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ,
 Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), М. Н. ТИХОМИРОВ,
 Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Г. М. СЛАВИН

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЮГОСЛАВИИ

1943 год в Югославии был годом подъема народно-освободительного движения, руководимого коммунистической партией. Успешное наступление Советской армии, разгромившей фашистов в великих сражениях под Сталинградом и на Курской дуге, а также капитуляция Италии создали благоприятную обстановку для наступательных действий Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). К концу 1943 г. в НОАЮ насчитывалось около 300 тыс. бойцов¹. Она превратилась в серьезную военную силу и вносила значительный вклад в дело борьбы против фашизма. После ряда успешных операций Народно-освободительная армия и партизанские отряды держали под своим контролем территорию с населением свыше 5 млн. человек².

Во всех краях Югославии — Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине, Черногории и Македонии антифашистская борьба приобретала все больший размах.

1943 год был успешным для освободительного движения в Хорватии, особенно после капитуляции Италии. В Истрии, Далмации, Хорватском Приморье боевые действия НОАЮ сочетались с вооруженными выступлениями народных масс. В результате был освобожден ряд крупных населенных пунктов на Адриатическом побережье.

Коммунистической партии Хорватии удалось привлечь на сторону народно-освободительного движения значительные массы хорватского крестьянства, вырвать их из-под влияния пропаганды усташей и лидеров Хорватской крестьянской партии, сотрудничавших с фашистами.

В Сербии, где в 1941 г. впервые вспыхнуло пламя вооруженного восстания, народно-освободительное движение преодолеvalo значительные трудности. Но ни наличие оккупационных войск, ни кровавый террор квислинговского правительства генерала Недича, ни зверства четников Дражи Михайловича не сломили борцов за свободу народа.

Действуя в глубоком подполье, коммунисты восстановили ряд разгромленных партийных организаций, ставших опорой для дальнейшего развертывания народно-освободительного движения.

В Словении партизанские отряды нанесли в 1943 г. ряд тяжелых ударов квислинговским формированиям — отрядам так называемой «Белой гвардии». Укрепилось единство словенских народных масс. Все политические группы, входившие в Освободительный фронт Словении, признали руководящую роль коммунистической партии³.

¹ «Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941—1945». Drugo prepravljeno i dopunjeno izdanje. Beograd, 1963, s. 641.

² V. S t r u g a r. Rat i revolucija naroda Jugoslavije 1941—1945. Beograd, 1962, s. 208.

³ См. «Četrdeset godina», knj. 7. Beograd, 1961, s. 12.

Основным достижением Коммунистической партии Боснии и Герцеговины в 1943 г. было сплочение трудовых слоев населения края независимо от национальности и вероисповедания — сербов и хорватов, мусульман, католиков и православных. Выдвинутый КПЮ лозунг «Братство и единство» становился все более популярным в этом крае, где оккупанты особенно стремились обострить национальные и религиозные противоречия. Формировались новые партизанские соединения⁴.

Для Черногории 1943 г. также стал годом подъема народно-освободительного движения. Весной и летом соединения НОАЮ нанесли удар войскам оккупантов и четников и прорвались из Боснии в Черногорию⁵.

Создание освобожденных территорий и опорных пунктов НОАЮ в Черногории привело к активизации вооруженной борьбы в этом крае против фашистских захватчиков и их пособников. Партизанские силы перешли в наступление⁶.

В Македонии в 1943 г. усилился приток добровольцев в партизанские отряды, были созданы условия для формирования дивизий, а позднее и корпусов. Наличие значительной освобожденной территории в Западной Македонии способствовало разворачиванию народно-освободительного движения во всем крае⁷.

Народы Югославии в борьбе против фашистских оккупантов объединились в Единый народно-освободительный фронт (ЕНОФ), который возглавила Коммунистическая партия Югославии. К концу 1943 г. ЕНОФ представлял собой массовую, всенародную организацию. В Антифашистский фронт женщин, в молодежные и другие организации, входившие в ЕНОФ, вступали сотни новых членов.

Большим авторитетом пользовался Союз Коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ). Три четверти бойцов Народно-освободительной армии и партизанских отрядов принадлежали к молодому поколению. Большинство из них было членами СКМЮ⁸.

Все более активное участие в народно-освободительном движении принимала прогрессивная интеллигенция, а также патриотические элементы из буржуазных партий, находившихся до войны в оппозиции к режиму.

Во всех краях Югославии на освобожденных, а также неосвобожденных территориях (в подполье) продолжали действовать народно-освободительные комитеты (НОК), пользовавшиеся широкой поддержкой трудящихся.

Комитеты выступали от имени Единого народно-освободительного фронта, который давал всем патриотам возможность участвовать в борьбе против фашистских оккупантов и внутренней реакции.

По мере разворачивания освободительной борьбы усиливался процесс изоляции югославской буржуазии от трудящихся масс, укреплялся союз рабочего класса с крестьянством, все более ясной становилась перспектива не только национального, но и социального освобождения трудящихся.

Героической борьбой народных масс против фашистских поработителей и их пособников руководила Коммунистическая партия Югославии. Генеральным секретарем ЦК КПЮ и Верховным Главнокомандующим Народно-освободительной армии Югославии был товарищ Иосип Броз Тито.

⁴ «Hercegovina u NOV». Beograd, 1961, s. 399.

⁵ «Oslobodilački rat naroda Jugoslavije», knj. I. Beograd, 1957, s. 418.

⁶ «Народноослободилачка борба у Црној Гори». Титоград, 1963, стр. 383.

⁷ «NOV Makedonije». Skopje, 1964, s. 95.

⁸ См. V Конгрес Комунистичке партије Југославије 21—28 јула 1948. Стенографске белешке. Београд, 1949, стр. 155.

Коммунистическая партия Югославии с самого начала вооруженного восстания в стране указывала, что ликвидация оккупационного режима и квислинговских органов власти откроет путь к новому, лучшему общественному строю. Такая перспектива была могучим стимулом для народных масс Югославии. «Призвать народ только к борьбе против оккупантов,— писал И. Броз Тито,— и не дать ему одновременно понять, что в этой борьбе будет завоевано также и нечто новое, значительно лучшее, что старое больше не возвратится,— без этого нельзя бы было ни поднять все народы на борьбу, ни заинтересовать в ней широкие массы, ни выстоять до конца, то есть победить»⁹.

Стремление к новому, лучшему общественному строю нашло свое выражение уже в начальный период народно-освободительной борьбы в создании народно-освободительных комитетов.

Коммунистическая партия Югославии подчеркивала необходимость укрепления органов новой власти — народно-освободительных комитетов. Начиная с осени 1942 г. КПЮ рассматривала народно-освободительные комитеты не как временные, а как постоянные органы народной власти на освобожденных территориях. В директиве Центрального Комитета Коммунистической партии Югославии от 22 сентября 1942 г. партийным организациям было дано указание «не подчеркивать больше временный характер власти Народно-освободительных комитетов, а разъяснить, что Народно-освободительные комитеты являются органами власти и зародышем и основой будущей народной власти»¹⁰.

Эта линия КПЮ отвечала стремлениям трудящихся города и деревни. Они принимали участие в народно-освободительном движении, добиваясь не только освобождения от фашистского гнета, но и надеясь на коренные перемены в жизни страны.

Народно-освободительные комитеты, отстаивая интересы рабочего класса, трудового крестьянства, прогрессивной интеллигенции, укрепляли эти надежды. Всюду, куда приходила НОАЮ, трудящиеся ликвидировали органы власти, образованные оккупантами и их приспешниками, и создавали народно-освободительные комитеты.

К концу 1943 г., наряду с низовыми НОК, действовали также уездные, областные, краевые комитеты, были созданы народные представительства в национальных краях. В Сербии такое представительство — Главный народно-освободительный комитет — существовало еще с 1941 г., в Хорватии было избрано Краевое Антифашистское вече народного освобождения, в Словении создан Словенский народно-освободительный комитет, в Боснии и Герцеговине, а также Черногории — краевые антифашистские вече народного освобождения. В Македонии вел подготовительную работу Инициативный комитет по созыву краевого антифашистского собрания народного освобождения.

Опираясь на низовые комитеты, краевые вече народного освобождения действовали как полноправные органы власти.

Лозунг Единого народно-освободительного фронта гласил: «Вся власть на освобожденной территории принадлежит народно-освободительным комитетам». В комитеты избирались крестьяне, рабочие, трудовые интеллигенты и другие патриоты.

Народно-освободительные комитеты, как отмечал И. Броз Тито, не были формой власти «надуманной, навязанной, неизвестной. Нет, это была известная народам форма народной власти, известная потому, что

⁹ См. Јосип Броз Тито. Изградња нове Југославије, књ. друга. Београд 1948, стр. 175.

¹⁰ См. L. Geršković. Historija narodne vlasti. Београд, 1957, с. 144.

они ее ждали, давно стремились к ней и носили в своем сердце. Это была именно та форма народной власти, которая больше всего подходила народам нашей страны»¹¹.

Постепенно на освобожденных территориях складывалась единая система народной власти, формировался новый государственный аппарат. Его работой руководил Исполком Антифашистского веча народного освобождения Югославии, созданного в ноябре 1942 г.

Сфера действий народно-освободительных комитетов становилась все более широкой. Они вели агитацию и пропаганду среди населения, разъясняя цели и задачи Единого народно-освободительного фронта, обеспечивали снабжение НОАЮ, занимались культурно-просветительной работой, ликвидацией неграмотности, здравоохранением.

Одной из наиболее важных функций народно-освободительных комитетов была организация экономической жизни на освобожденных территориях. Органы народной власти стали все чаще прибегать к конфискации имущества предателей и коллаборационистов. Так как на службу к оккупантам в большинстве случаев пошли средние и крупные буржуа, то конфискации подвергся ряд промышленных предприятий.

Комитеты ликвидировали наиболее грубые формы эксплуатации трудящихся, способствовали уничтожению пережитков феодальных отношений, ограничивали ростовщиков и спекулянтов, предоставляли льготы крестьянам, понавшим в долговую кабалу.

В ходе народно-освободительной борьбы соотношение классовых и политических сил в Югославии менялось. К концу 1943 г. Коммунистическая партия Югославии сумела вовлечь в народно-освободительное движение основные массы трудящихся города и деревни. В активную борьбу против оккупантов включились и те слои населения, которые в 1941—1942 гг. колебались в выборе позиции. Поэтому народно-освободительные комитеты, опираясь на массы, могли более решительно осуществлять революционно-демократические мероприятия.

Своей практикой НОК показывали массам, что победа над оккупантами и их приспешниками принесет с собой не только освобождение от иностранных поработителей, но и откроет путь к избавлению от «своих» угнетателей.

Таким образом, внутривнутриполитическое положение в Югославии к концу 1943 г. определялось боевыми успехами Народно-освободительной армии и партизанских отрядов, повсеместным укреплением народно-освободительных комитетов как органов новой власти, растущим сплочением рабочего класса, трудового крестьянства и прогрессивной интеллигенции, выступавших под лозунгами КПЮ: «Братство и единство», «Смерть фашизму — свобода народу».

Позиции югославской буржуазии были существенно ослаблены в результате успехов народно-освободительного движения. Квислинговские органы власти существовали лишь благодаря вооруженной поддержке оккупантов. Четническое движение шло на убыль. Войскам Дражи Михайловича в Черногории, Герцеговине, Санджаке были нанесены тяжелые удары. «Королевская армия на родине» — армия четников, имевшая целью обеспечить реставрацию монархии и стремившаяся ликвидировать народно-освободительное движение, — не могла не оказаться по одну сторону баррикад с фашистскими захватчиками. Четнические войска по существу стали как бы составной частью оккупационных войск в Югославии.

¹¹ Јосип Броз Тито. Изградња нове Југославије, књ. друга, стр. 378.

Поэтому, нанося удары по фашистским оккупантам и их пособникам, Народно-освободительная армия одновременно была по югославским помещикам и капиталистам, ибо четники защищали их интересы. Партизанская война против фашизма сливалась, таким образом, с войной гражданской против югославских эксплуататоров, действовавших заодно с оккупантами.

Трудящиеся Югославии не хотели гражданской войны, которая мешала направить все силы на борьбу против фашистских захватчиков. Эту войну навязывала югославская буржуазия, опасавшаяся, что народно-освободительное движение подорвет основы ее господства. Открыто перейдя на сторону оккупантов или тайно сотрудничая с ними, югославские помещики и капиталисты сами подписали себе приговор.

И та часть югославской буржуазии, которая сотрудничала с оккупантами, и та, которая ориентировалась на западные державы, олицетворяли старую королевскую Югославию. У сотен тысяч участников народно-освободительного движения крепла решимость не допустить восстановления прежнего режима.

Освободительная война, которую трудящиеся Югославии под руководством коммунистической партии вели против иноземных захватчиков и их пособников, была одновременно народной революцией.

Значительные достижения югославского народно-освободительного движения определили и укрепление его международных позиций.

Советский Союз с первых дней вооруженного восстания в Югославии был на стороне партизан. И. Броз Тито говорил 21 октября 1943 г.: «Мы имеем великого союзника — Советский Союз, который знает нашу борьбу с первых дней, который гордится нами, как своим союзником»¹².

Советский Союз оказывал народно-освободительному движению всю возможную в то время поддержку, решительно выступая против попыток западных держав добиться подчинения партизанских сил ставленнику эмигрантского правительства Михайловичу. Западные державы, не сумев достигнуть этой цели, в марте 1943 г. выдвинули новое предложение. В меморандуме английского правительства, адресованном правительству СССР, говорилось:

«Если бы Советское правительство было бы готово оказать свое влияние на партизан в целях создания общего фронта с другими силами сопротивления, Правительство Его Величества со своей стороны было бы готово убедить югославское правительство и генерала Михайловича пойти навстречу партизанам»¹³.

Но Советское правительство отклонило это предложение. Партизанское командование неоднократно сообщало в Москву о сотрудничестве четников с фашистскими оккупантами. Разумеется, Советское правительство не относилось отряды Михайловича к «силам сопротивления».

Правительства Англии и США, по-прежнему оказывая помощь четникам, в то же время не могли сбрасывать со счета такой существенный военный фактор на Балканах, как народно-освободительное движение в Югославии. В конце мая 1943 г. в Верховный штаб Народно-освободительной армии и партизанских отрядов была направлена английская, а затем и американская военные миссии¹⁴.

Сообщая об этом Советскому правительству, английский посол в Москве писал 4 июля 1943 г. в Наркоминдел СССР, что «в результате этих

¹² Јосип Броз Тито. Борба за ослобођење Југославије. Београд, 1947, стр. 165.

¹³ «Международная жизнь», 1958, № 8.

¹⁴ «Hronologija oslobođilačke borbe naroda Jugoslavije 1941—1945». Београд, 1964, с. 469.

новых связей и недавних событий мое правительство решило пересмотреть свою прежнюю политику и в будущем оказывать свою поддержку всем элементам сопротивления в Югославии независимо от их политической окраски...»¹⁵.

Английское правительство, так же как и правительство США, говоря об оказании поддержки «всем элементам сопротивления», имело в виду лишь материальную помощь народно-освободительному движению. Вопрос об оказании помощи югославским партизанам должен был рассматриваться на Тегеранской конференции союзных держав.

Признавая военное значение операций Народно-освободительной армии, Англия и США волей-неволей содействовали укреплению международных позиций народно-освободительного движения. Но западные державы, как и прежде, подчеркивали, что во всех важных политических вопросах, касающихся Югославии, решающее слово должно принадлежать эмигрантскому правительству. Между тем, это правительство, находившееся на содержании у западных держав и следовавшее во всем их указке, не имело сторонников среди широких трудящихся масс.

Антифашистская война сорвала маску с буржуазных деятелей, эмигрировавших в США и Англию. Эмигрантское правительство было разоблачено как фактический пособник оккупантов. Трудящиеся убедились, что югославские помещики, капиталисты, банкиры, сделавшие ставку на западных союзников, прежде всего преследуют корыстные интересы, стремятся обеспечить условия для захвата власти в стране, сохранить свои капиталы и земли.

Учитывая изменения в расстановке классовых и политических сил в Югославии, коммунистическая партия все решительнее подчеркивала необходимость ликвидации монархического строя, низвержения эмигрантского буржуазного правительства, закрепления успехов народно-освободительной борьбы. Коммунистическая партия Югославии выражала волю трудящихся страны, стремившихся к победе в освободительной войне и народной революции, к созданию нового общественного строя.

2 октября 1943 г. И. Броз Тито сделал следующее заявление от имени Антифашистского веча народного освобождения и Верховного штаба Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии:

«Первое. Мы не признаем ни Югославского эмигрантского правительства, ни короля, потому что они в течение двух с половиной лет и вплоть до сегодняшнего дня поддерживают сотрудника оккупантов, предателя Дражу Михайловича, и поэтому несут всю ответственность за это предательство интересов народов Югославии.

Второе. Мы не разрешим им возвратиться в Югославию, так как это означало бы гражданскую войну.

Третье. Мы заявляем от имени огромного большинства народа о том, что он хочет иметь демократическую республику, опирающуюся на народно-освободительные комитеты.

Четвертое. Единственная законная народная власть в настоящее время — народно-освободительные комитеты во главе с Антифашистским вечаем»¹⁶.

Вопрос о власти был открыто поставлен в воззвании Центрального Комитета Коммунистической партии Югославии в связи с 26-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Отметив роль, кото-

¹⁵ «Международная жизнь», 1958, № 8.

¹⁶ См. «Hronologija oslobodilačke borbe naroda Jugoslavije 1941—1945». Beograd, 1964, s. 567.

рую сыграла Октябрьская революция в освобождении человечества от ига капитала, а также значение выдающихся побед Советской армии для разгрома фашистских орд, Центральный Комитет КПЮ заявил:

«Народы Югославии, которые пролили столько крови и принесли такие жертвы ради освобождения своего отечества, по праву требуют, чтобы не было возврата к прошлому, которое и привело к нынешней катастрофе, чтобы никогда больше не вернулись господа из лондонской антинародной эмиграции... Народы Югославии может сегодня представлять и представляет только Антифашистское вече Народного освобождения Югославии и его органы, так как оно родилось в кровавой борьбе наших народов и именно поэтому призвано быть носителем суверенитета и подлинно народной власти этих народов».

29 ноября 1943 г. в городе Яйце, на освобожденной территории Боснии, по инициативе ЦК КПЮ была созвана вторая сессия Антифашистского вече народного освобождения Югославии. Ее созыву предшествовала большая работа по подготовке проектов решения. Активизировалась деятельность массовых организаций — Народно-освободительного фронта, Антифашистского фронта женщин, Объединенного союза антифашистской молодежи.

На сессии АВНОЮ были представлены все слои населения и все прогрессивные антифашистские политические организации. В докладе И. Броз Тито получила оценку деятельность Антифашистского вече. «Образование Антифашистского вече народного освобождения, — отмечалось в докладе, — является одним из крупнейших завоеваний нашей народно-освободительной борьбы... Заложен фундамент, на котором создается новый, более справедливый строй в югославских землях, заложен фундамент истинного братства и равноправия всех народов Югославии, фундамент настоящей, подлинно демократической народной власти»¹⁷.

В Декларации, принятой сессией АВНОЮ, отмечалось, что народные массы Югославии решительно пошли по пути, который указала народам Югославии коммунистическая партия, и ныне берут свою судьбу в свои руки и приступают к строительству Югославского демократического федеративного государства¹⁸.

В ходе народно-освободительной борьбы, — подчеркивалось в Декларации, — в Югославии создано совершенно новое соотношение сил, которое должно найти соответствующее выражение в управлении страной и государственном руководстве ею.

Осуждая деятельность эмигрантского правительства и монархической клики во главе с королем Петром II, Декларация требовала от союзников прекратить поддержку югославской реакции и признать органы народной власти.

Вторая сессия АВНОЮ приняла решение о высших органах народной власти в Югославии. Антифашистское вече народного освобождения было преобразовано в верховный законодательный орган Югославии. Национальный комитет освобождения Югославии, учрежденный сессией, стал высшим исполнительным органом народной власти — первым правительством новой Югославии.

Председателем НКЮЮ был назначен И. Броз Тито. За выдающуюся роль в борьбе с фашистскими оккупантами, храбрость и мужество товарищу Тито было присвоено звание маршала.

¹⁷ «Прво и друго заседање Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије». Београд, 1953, стр. 181.

¹⁸ «Друго заседање Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије». Београд, 1953, стр. 9.

Сессия АВНОЮ лишила эмигрантское правительство прав законной власти и запретила королю Петру II Карагеоргиевичу до окончания войны возвращаться в Югославию.

Доктор Иван Рибар, который был председателем Антифашистского веча народного освобождения Югославии, в своих воспоминаниях пишет: «Когда мы голосовали за решения, особенно за то, которым королю Петру II запрещалось возвращаться в Югославию, мы сознавали, что закладываем фундамент новой федеративной республики Югославии, что заседание в Яйце — революционная народная скупщина, а Национальный комитет — революционная власть»¹⁹.

Вторая сессия АВНОЮ решила, что новая Югославия должна создаваться на федеративной основе.

«Чтобы осуществить принцип суверенности народов Югославии, чтобы Югославия превратилась в подлинное отечество для всех своих народов и никогда больше не стала вотчиной каких бы то ни было господствующих клик, — говорилось в решении сессии, — Югославия строится и будет построена на федеративной основе, которая обеспечит полное равноправие сербам, хорватам, словенцам, македонцам, черногорцам, народам Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии, Герцеговины»²⁰.

Так было узаконено демократическое решение национального вопроса — одного из наиболее острых для народов многонациональной Югославии.

В период между двумя мировыми войнами и великосербские правящие круги, и буржуазия Хорватии, Словении и других краев Югославии использовали национальные противоречия для того, чтобы разобщить югославские народы.

В годы народно-освободительной войны, сражаясь против общего врага — фашистских захватчиков, народы Югославии сплотились и сблизились между собой. Федеративный принцип построения Югославского государства был залогом равноправия его народов. Утверждая этот принцип, сессия АВНОЮ одновременно подчеркнула, что народы Югославии никогда не признавали раздела страны и совместной борьбой показали твердую решимость остаться и далее объединенными в едином государстве — Югославии²¹.

Отстранение эксплуататорских классов от политической власти и узаконение власти трудящихся, руководимых рабочим классом, — таково существо решений, принятых второй сессией АВНОЮ. Они утверждали переход власти из рук буржуазии в руки трудящихся на освобожденных территориях и предопределяли характер будущей власти на всей территории страны.

Программа Коммунистической партии Югославии, принятая в 1948 г., констатировала: «Основы нового государственного и общественного строя создавались в разгар войны, начиная от первых революционных декретов об образовании народных комитетов до решений исторической второй сессии АВНОЮ в Яйце, в ноябре 1943 г., которые явились результатом уже завоеванной победы народной революции в стране и которые, поддерживаемые Народной армией в несколько сот тысяч человек, нанесли решительный удар старой угнетательской власти буржуазии во главе с монархией и заложили прочный фундамент единой системы народной

¹⁹ «Тако je rodena nova Jugoslavija», knj. 2. Beograd, 1963, s. 133.

²⁰ «Друго заседање Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије». Београд, 1953, стр. 21.

²¹ Там же.

власти от низших до высших органов государственной власти и управления»²².

Вторая сессия АВНОЮ явилась выдающимся историческим событием в борьбе народов Югославии за свободу и независимость. Она создала государственное объединение равноправных югославских народов — демократическую Югославию.

Как отмечено в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», в Югославии к 1944 году действовала выросшая и окрепшая в суровых боях Народно-освободительная армия, которая очистила от врага значительную часть страны. Народные массы стремились полностью изгнать оккупантов и завершить построение новой, демократической, независимой Югославии как федерации равноправных народов²³.

Руководящую роль в этой федерации играл рабочий класс во главе с Коммунистической партией Югославии.

Народно-освободительная война была вместе с тем и революцией, которая развивалась как революция социалистическая. Она уничтожила старый строй и создала условия для перехода Югославии на социалистический путь.

Ровно два года спустя после Второй сессии АВНОЮ, 29 ноября 1945 года, Учредительное собрание в Белграде провозгласило Югославию Федеративной Народной Республикой. День 29 ноября стал Днем Республики — национальным праздником народов Югославии.

В 1965 году народы Югославии торжественно отмечают двадцатилетие со дня провозглашения республики. За эти годы народной власти югославские трудящиеся преобразили свою родину. Отсталая аграрная Югославия превратилась в страну с развитой промышленностью. Из года в год растет национальный доход, улучшается жизнь тружеников города и деревни. Достигнуты значительные успехи в социалистическом строительстве.

На международной арене Югославия выступает за мирное сосуществование и активное сотрудничество между народами, осуждает империалистическую агрессию.

Свои достижения в социалистическом строительстве югославские народы закрепили в Конституции 1963 года. Федеративная Народная Республика Югославии была переименована в Социалистическую Федеративную Республику Югославии.

Народы СССР и народы СФРЮ связывает дружба, имеющая вековые традиции. В годы народно-освободительной войны, когда закладывался фундамент социалистической Югославии, эта дружба окрепла и закалилась в совместной борьбе против общего врага — фашизма.

Ныне народы СССР и Югославии объединяет не только традиционная дружба, но и единая цель, к которой они стремятся, — построение нового общества. Советский народ создает коммунистическое общество, народы Югославии строят социализм.

Отмечая двадцатую годовщину со дня провозглашения Югославии республикой, советские люди выражают уверенность в том, что дружба и сотрудничество между нашими братскими странами будут и впредь развиваться и укрепляться.

²² V Конгрес Комунистичке партије Југославије 21—28 јула 1948. Стенографске белешке. Београд, 1949, стр. 876.

²³ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. IV, М., 1962, стр. 415.

Е. К. ЖИГУНОВ,
Е. Б. РАШКОВСКИЙ

РАННИЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ

(К истории становления мировоззрения партии
«Пролетариат»)

Экономическое развитие Царства Польского, опередившее к концу 70-х годов развитие центральных губерний России, явилось объективной предпосылкой появления рабочего движения и распространения в рабочей среде социалистических учений. Европейское социалистическое движение тех лет отличалось большой идеологической пестротой. Марксизм, вследствие незрелости рабочего класса, с трудом пробивал себе дорогу среди многочисленных школ и доктрин мелкобуржуазного и утопического социализма. В этом отношении Польша не составляла исключения.

В середине 70-х годов польский пролетариат знакомится с идеями социал-демократии (главным образом, через немецких рабочих-эмигрантов, работавших на заводах и фабриках Царства Польского¹). В какой-то степени возрождаются также традиции повстанческой революционной демократии 60-х годов. Новая полоса революционного движения в Польше, естественно, привела к возобновлению революционных связей между подпольем Польши и России.

Через сотрудника народнической газеты «Начало» А. Венцковского деятели польских революционных кружков соприкасались с руководством «Земли и Воли». Об этом пишет в своих воспоминаниях один из пионеров польского социалистического движения К. Длуский².

Многие из польских социалистов прежде чем очутиться среди своих земляков успели пройти школу русского революционного народничества, участвуя, подобно представителям других национальностей Российской империи, в революционной работе непосредственно в России — в «хож-

¹ Рабочий-революционер, деятель партии «Пролетариат», Г. Госткевич вспоминает: «Благодаря исключительным законам в Германии многие с[оциал]-д[емократы] эмигрировали из Германии и поселились в указанных фабричных районах (Госткевич имеет в виду Лодзь, Згеж, Пабянице.— *Е. Ж., Е. П.*). Эти-то пионеры социализма и подготавливали в Польше почву для будущей организации. Правда, эти эмигранты слабо владели польским языком и не имели социалистической литературы на польском языке, но благодаря большому наплыву германских выходцев польские рабочие, в особенности текстильной промышленности, научились немецкому языку, что их и сблизило с немецкими с[оциал]-д[емократами]». См.: «Каторга и ссылка», 1926, № 6, стр. 124.

² «Я познакомился с ним (Венцковским.— *Е. Ж., Е. П.*) в Петербурге, куда приехал в феврале 1878 г. в качестве делегата нашего варшавского кружка, чтобы завязать отношения с петербургскими социалистами. В 1878 г., часто бывая у него и посещая вместе с ним тайные собрания, я познакомился с корифеями тогдашнего русского движения, в частности, с Желябовым и Перовской...». «Niepodległość», 1930, t. 1, z. 2, s. 222—223

дении в народ», устройстве поселений, в «дезорганизаторской» (т. е. террористической) деятельности³.

На раннем этапе польское социалистическое движение иногда полностью заимствовало русские народнические доктрины. Лавристский характер воззрений и пропаганды известной революционерки Ф. Пласковицкой⁴ польские историки разных школ и направлений считают бесспорным⁵.

Даже такие обеспеченные и не привыкшие к физическому труду люди, как К. Длуский и С. Мендельсон, не избежали увлечения «хождением в народ»: оба они проработали короткое время на предприятиях Варшавы⁶.

Русское революционное народничество оказало влияние не только на практическую деятельность первых польских социалистов, но и на их теоретические взгляды, наиболее концентрированно выраженные в программных документах.

* * *

Как известно, появлению программного документа предшествует долгая и кропотливая работа по уточнению, формулировке и обобщению теоретических принципов организации. Первая печатная программа польских социалистов — Брюссельская (октябрь 1879 г.) — имела своих предшественниц: Варшавскую (1878 г.) и Львовскую (конец 1878 — начало 1879 г.) программы. При этом и Варшавская программа была не самой ранней попыткой польских социалистов сформулировать свое мировоззрение и свои цели. С. М. Степняк-Кравчинский, имевший в 70—90-х годах XIX в. контакты с польским социалистическим движением и изучавший его историю⁷, утверждает в своей записной книжке (являющейся кратким конспектом истории социалистического движения в Польше в 70—80-х годах XIX в.), что польский социалистический кружок, основанный в Петербурге в 1874 г., год спустя выработал программу⁸. По всей вероятности, Степняк имеет в виду кружок студентов-поляков из Технологического института и Медико-хирургической академии, куда входили Л. Варыньский, А. Венцковский и др. К сожалению, программа 1875 г. пока еще не обнаружена.

Неизвестный до сих пор⁹ подлинный текст Варшавской программы был найден нами в материалах П. Л. Лаврова¹⁰. Список программы был

³ См. Л. Дейча. Польская и украинская эмиграция в конце семидесятых годов. АДП (Архив Дома Плеханова), АД (Архив Дейча), инв. № 461, л. 1.

⁴ В свое время она оказала большое влияние на Л. Варыньского, самого выдающегося из польских революционеров 70—80-х годов. См.: L. W u d z k i. O Ludwiku Waryńskim. Warszawa, W. P., 1956, s. 17—18.

⁵ См. F. P e r l. Dzieje ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim do powstania PPS. Warszawa, KiW, 1958, s. 57; K. G r ü n b e r g. Cz. K o z ł o w s k i. Historia polskiego ruchu robotniczego, 1864—1915. Warszawa, KiW, 1962, s. 44.

⁶ См. «Niepodległość», 1930, t. 1, z 2, s. 227.

⁷ В письме к О. С. Любатович в начале 1881 г. С. М. Степняк-Кравчинский пишет: «Я учусь теперь усердно польскому языку. Хочу непременно хорошо говорить на нем, п[отому] ч[то] стыдно, зная чуть не все европейские языки, не знать, вдруг, языка своих соседей и товарищей по революции», см.: ЦГАЛИ, ф. 1158 (С. М. Степняк-Кравчинский), он. 1, д. 156, л. 2.

⁸ Там же, д. 124, л. 39.

⁹ См.: L. K u l e z y c k i (Mazowiecki). Historia ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim. Kraków, Biblioteka PPS.—«Proletariat», 1903, s. 27—28. A. P r ó c h n i k. Studia z dziejów polskiego ruchu robotniczego. Pisma. T. 3. Warszawa, KiW, 1958, s. 17. Далеко не совершенный жандармский перевод Варшавской программы на русский язык см.: И. В. В о л к о в и ч е р. Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше. М. — Л., 1925, стр. 48—51.

¹⁰ Текст Варшавской программы (ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, лл. 42—44) приложен к настоящему сообщению.

послан Лаврову кружком варшавских социалистов, связанных с ним через Ю. Узембло-Бесядовского. Варшавские социалисты, глубоко уважавшие Лаврова и поддерживавшие с ним тесные контакты, интересовались его авторитетным мнением.

Касаясь исторических судеб Польши, варшавские социалисты впервые за всю историю польского освободительного движения заявили о принципиальном единстве польских рабочих и рабочих всего мира. По мысли авторов программы, судьба миллионов людей противоречит интересам «шляхетско-капиталистической горстки» нации. Историко-экономический очерк заключается следующими словами: «Мы также глубоко верим, что польский народ, приведенный в движение во имя социально-экономических принципов, проявит непобедимую силу и непреодолимую энергию в борьбе с правительством-захватчиком, которое к экономической эксплуатации добавило неслыханный национальный гнет»¹¹. Этот отрывок, неоднократно рассматривавшийся в польской литературе, отличается известной двойственностью. С одной стороны, здесь чувствуется желание отразить взаимосвязь социального и национально-освободительного движений, с другой стороны — оба эти движения рассматриваются как равноценные, что притупляет классовую направленность документа.

В октябре 1878 г. Л. Варыньский, принимавший активное участие в разработке Варшавской программы, вынужден был эмигрировать в Галицию, где продолжал свои программные изыскания. В феврале 1879 г. он был арестован во Львове. При аресте у него были изъяты два документа: «Projekt federacji dla przygotowania rewolucji socjalnej»¹² и рукопись «Celi polemiki».

Документ под несколько странным названием — «Цели полемики» является самостоятельным программным документом, текстуально близким Варшавской и Брюссельской программам. Разбиравшийся выше отрывок Варшавской программы был радикально пересмотрен составителями Львовской программы: «...мы глубоко верим, что польский народ, поднявшись во имя социальной революции и против своих эксплуататоров, проявит непобедимую силу и непреодолимую энергию. Падут правительства-захватчики, которые надели ярмо на польский народ»¹³. Классовая направленность этого документа по сравнению с Варшавской программой в этом отрывке выражена более четко. Если Варшавская программа допускает разного рода толкования, то Львовская указывает на невозможность национального освобождения Польши без социальной революции.

Первая польская социалистическая программа, увидевшая свет в № 1 журнала «Równość» («Равенство», Женева, октябрь 1879 г.) носит название Брюссельской¹⁴. Публикуя этот документ, Ш. Дикштейн, К. Длуский и Б. Лимановский снабдили его следующим заголовком: «Программа польских социалистов. Отпечатана в Брюсселе». Все историки считают, что такой заголовок принят из соображений конспирации. Это разъяс-

¹¹ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, л. 43.

¹² Изучение полицейской копии этого документа (см. ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 146, Дирекция полиции г. Львова, оп. 4, д. 3716, лл. 35—43) привело нас к выводу, что этот документ является вольным переводом на польский язык одноименного произведения П. Л. Лаврова. См.: ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, д. 134, лл. 48—49.

Факсимиле автографа Варыньского, хранящееся в фонде краевого суда Краковского воеводского государственного архива, см. в кн.: «Historia Polski». Т. 3, cz. 1. Warszawa, 1963, s. 365.

¹³ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 146, оп. 4, д. 3716, л. 33.

¹⁴ Примерно в это же время Брюссельская программа была выпущена отдельной брошюрой на французском языке («Programme des socialistes polonais. 1879, sept.»). Экземпляр этой брошюры был направлен К. Марксу (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 142, стр. 1—7).

нение, на наш взгляд, правильно, но возникает вопрос — почему местом публикации программы указан Брюссель? Нам представляется, что это не случайно: Брюссель ассоциируется у поляков с «Брюссельским отшельником» — И. Лелевелем, выдающимся польским историком, революционером и утопическим социалистом. Именно здесь в 1847 г. Лелевель вместе с К. Марксом и Ф. Энгельсом сотрудничал в интернациональном демократическом обществе.

Таким образом, само название документа — Брюссельская программа — напоминало о старых польских традициях революционной демократии и интернационализма.

Специальных работ по истории создания Брюссельской программы нет, но в исторической литературе имеется большое количество высказываний о ней. Подавляющее большинство публицистов и исследователей указывают на почти полное отсутствие программы-минимум¹⁵. Один из самых серьезных исследователей польского рабочего движения А. Прухник объясняет это стремлением составителей сделать документ применимым для всех трех частей расчлененной Польши. Т. Данишевский обратил внимание на то, что «...Брюссельская программа отвергла не только теорию „органического труда“, но и попытки механического продолжения повстанческих традиций... Идеологии общепольского восстания программа противопоставила лозунг международной солидарности пролетариев»¹⁶.

В Брюссельской программе прямо не указывается на необходимость завоевания Польшей национальной свободы. Это объясняется недостаточной зрелостью польских интернационалистов тех лет. Тем не менее Брюссельскую программу нельзя обвинить в голом национальном нигилизме. В ней сохранено положение, содержащееся в обеих ее предшественницах и, как мы убедимся впоследствии, восходящее к К. Марксу: «Анализ условий жизни нашего общества привел нас к убеждению, что торжество принципов социализма является необходимым условием счастливого будущего польского народа, что активное участие в борьбе с существующим общественным строем — это обязанность каждого поляка, ставящего судьбу миллионов польского народа выше интересов шляхетско-капиталистической горстки нашей нации»¹⁷.

Из мемуаров Лимановского мы узнаем, что формально он был причастен к редактированию Брюссельской программы. Будучи привлечен к изданию первых номеров женевской «Równości» (из редакции этого журнала Лимановский вышел в ноябре 1880 г.)¹⁸, он вынужден был принять участие в дискуссии при редактировании программы, но не нашел общего языка с молодыми интернационалистами. Он пишет: «В известной мере сопротивляясь, я допускал определенные уступки, считая, что жизнь сама

¹⁵ См.: И. В. Волковичер. Там же, стр. 53; И. Дашинский. История социалистического движения в Польше. Перевод с немецкого И. Г., М., «Голос жизни», б. г., стр. 32. W. Stundnicki (Veto). 20 lat walki proletariatu polskiego. Lwów, nakł. Kułakowskiego, 1899, s. 9; B. A. Jędrzejowski. Ludwik Waryński. Warszawa, 1919, s. 16; L. Kulczycki (Mazowiecki). Ibid., s. 36.

¹⁶ A. Próchnik. Studia z dziejów polskiego ruchu robotniczego. Warszawa, 1958, s. 120—121; T. Daniszewski. Historia ruchu robotniczego w Polsce... Rozdz. 2. Warszawa, Szkoła partyjna przy KC PZPR, 1950, s. 10.

¹⁷ «Wielki Proletariat». Materiały i dokumenty. Oprac. T. Daniszewski. Z. 1. Warszawa, KiW, 1950, s. 33.

То же самое положение (с крайне незначительными текстуальными отличиями) см.: в Варшавской программе (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, л. 47, л. 43) и во Львовской программе (ЦИА УССР в г. Львове, ф. 146, оп. 4, л. 3716, л. 33).

¹⁸ B. Limanowski. Pamiętniki. T. 2, Warszawa, 1958, s. 256.

на практике, несколько позже, внесет изменения в программу и что не стоит сталкиваться из-за формулировок и оттенков мысли»¹⁹. Таким образом, глава польских «национальных» социалистов против собственной воли оказался в числе «соавторов» первого программного документа польских интернационалистов.

* * *

Идеал будущего социалистического общества в представлении составителей ранних программ польского социалистического движения вряд ли существенно отличается от идеала значительной части русских революционных народников 70-х годов. Это — обобщественность имущества и обобщественность труда в самоуправляющихся производительных ассоциациях. О тождественности этого идеала с идеалом русских народников говорит и лавровский термин «рабочий социализм», фигурирующий в Варшавской программе.

Единственный принцип программы-минимум в Брюссельской программе — это требование равенства граждан «без различия пола, расы и национальности». Это требование не является социалистическим: оно буржуазно-демократическое по своей природе, хотя вполне достижимо лишь в условиях социализма. Может быть, это единственное требование программы-минимум попало в Брюссельскую программу ввиду его особой важности для условий Польши — страны многонациональной, многорелигиозной, с патриархальным бытом местечек и деревень.

Программа отрицает всякие легальные пути осуществления социалистической революции. Принципы социализма должны осуществляться, по мысли автора программы, «лишь самим народом под моральным предводительством народной партии»²⁰. Может возникнуть вопрос: почему народной, а не пролетарской? Возможны два разъяснения.

Во-первых, в польской семантике слово «народ» (*lud*) означает не народ как таковой, а совокупность его низовых слоев, трудящихся.

Во-вторых, было бы неправильно думать, что концепция единства интересов всех трудящихся перед лицом капитализма являлась атрибутом лишь народничества: в 60-е годы XIX в. ее проповедовали Ф. Лассаль и публицисты Германской социал-демократии, например В. Бракке, чья книга «Долой социал-демократов!» была издана на польском языке в Познани летом 1878 г. в переводе С. Мендельсона. Эту концепцию классового единства всех трудящихся слоев народа разделяла значительная часть польских социалистов в подготовительный период партии «Пролетариат» (1878—1882 гг.)²¹.

Таким образом, если исторически подойти к терминологическому несовершенству формулировки «народная партия», то вряд ли можно увидеть в этой формулировке нечто противоположное классовым устремлениям складывающейся партии «Пролетариат».

В ранних программах — Варшавской и Львовской дается сходный перечень задач «народной партии» (см. приложение).

¹⁹ В. Limanowski. Pamiętniki. т. 2, Warszawa, 1958, s. 213.

²⁰ См.: «Wielki Proletariat...», s. 33—34.

²¹ Это доказывается содержанием «Программы Галицийской рабочей партии» (май 1881 г.), разработанной И. Франко, Л. Инлендером и Б. Червеньским. «Работником, — утверждают галицийские социалисты, — мы называем каждого, кто, не обладая капиталом, за известное вознаграждение (повременное или почтучное) продает свой труд, вне зависимости от того, физический он или умственный. Необходимо также к разряду работников причислить мелких производителей, которые обладают какими-то орудиями труда, но не так, чтобы жить лишь исключительно чужим трудом, а так, чтобы самим трудиться, чтоб жить. Это может быть поденщик, подмастерье, фабричный рабочий, инженер, литератор, а также и мастер-некапиталист, — все это работники». — «Z pola walki». М., 1926, № 1, s. 74.

Брюссельская программа имеет в этом отношении два существенных отличия от своих предшественниц. Программа заявляет о приверженности польских социалистов к идеям I Интернационала и главными средствами воздействия на народные массы считает:

- а) организацию народных сил;
- в) устную и книжную пропаганду основ социализма;
- с) агитацию, т. е. протесты, демонстрации и вообще активную борьбу с существующим общественным строем в духе наших принципов»²².

* * *

Вопрос об интернационалистических устремлениях первых польских социалистов требует серьезного исторического подхода. Эти устремления выражены в несколько упрощенной и наивной форме. Лишь с момента становления партии «Пролетариат» (конец 1882 г.) они стали более аргументированными, более зрелыми.

Уже в Варшавской программе говорится о том, что социалистическая революция, которая «...является делом всех трудящихся независимо от профессии и национальности», должна иметь всеобщий и интернациональный характер. Далее идет следующее любопытное положение: «Признавая солидарность всех народов в деле социальной революции, мы стремимся к полной самостоятельности национальных социалистических партий русинов (т. е. украинцев. — *Е. Ж., Е. Р.*), белорусов и литвинов».

С одной стороны, идея построения социалистических партий по национальному признаку выдает известную незрелость, провинциализм: это было время большой популярности среди польского подполья идей «национального» социалиста Б. Лимановского и украинского национал-федералиста М. П. Драгоманова.

С другой стороны, это было известным шагом вперед по сравнению с великопольскими тенденциями значительной части повстанческой демократии начала 60-х годов XIX в.: будущие основатели партии «Пролетариат» заявили о праве украинского, белорусского и литовского народов самим решать свою судьбу.

Львовская программа отличается от Варшавской большей цельностью и продуманностью. В ней говорится о приверженности польских революционеров к социализму, «...принципы которого в последнее время приняты рабочими Европы и Америки...»²³, т. е. провозглашается идеологическое единство мирового социалистического движения.

Во Львовской программе появилось и такое положение: «Признавая полное достижение наших целей в Польше возможным только при интернациональной солидарности стремлений и усилий социалистов, мы требуем федеративных союзов [с] социалистами соседних национальностей — немецкой, литовской, белорусской, украинской, рус[ской] и вообще других славянских национальностей»²⁴. Наличие этой формулировки отличает львовский документ как от Варшавской, так и от Брюссельской программы.

Брюссельская программа, в которой польская национальная конкретика сведена к предельному минимуму, имеет одно композиционное отличие от двух документов-предшественников: она включает в себя вольный перевод на польский язык вступительной части «Временного устава Международного Товарищества Рабочих» (1864 г.), разработанного

²² См.: «Wielki Proletariat...», s. 34

²³ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 146, оп. 4, д. 3716, л. 33.

²⁴ Там же, л. 34.

К. Марксом²⁵. «...Освобождение рабочих,— говорится в ней,— проблема неместная, не национальная, но социальная, проблема, которая интересует все цивилизованные общества...»²⁶.

Создатели Брюссельской программы восприняли это положение К. Маркса слишком упрощенно и прямолинейно, что выразилось в недостаточной конкретности этого документа в отношении Польши.

Чтобы отрешиться от национализма, проникавшего различными путями в первые социалистические кружки, и вырваться из рамок национальной обособленности, первые польские социалисты вынуждены были на время в какой-то степени отойти от национальной конкретики. Такова была неизбежная диалектика развития рабочего движения в стране.

* * *

В период с конца 1879 г. по первую четверть 1881 г. включительно Брюссельская программа была единственным программным документом всего польского социалистического движения. Позднее появились локальные программы галицийских социалистов и программа социалистического общества «Люд Польский», возглавлявшегося Б. Лимановским, против которого вели борьбу интернационалисты. До появления в августе 1881 г. программы «Люда Польского»²⁷ «национальные» социалисты, находившиеся на территории Царства Польского и преобладавшие в так называемых «Гминах польских социалистов», не имели другого программного документа, кроме Брюссельской программы. Следует отметить также, что до возникновения «Люда Польского» «национальные» социалисты, не составлявшие самостоятельной фракции, считали своим официальным зарубежным органом журнал «Równość». Сотрудник варшавской жандармерии капитан Белановский указывает в отчете по делу о «Гминах польских социалистов» 1880—1881 гг., где преобладали «национальные» социалисты, что «гмины» признают «...до некоторой степени авторитет редакции журнала „Równość“ (Egalité), служащей польскою представительницею внационального социализма»²⁸. Из донесения же Варшавского губернского жандармского управления Департаменту полиции явствует, что одна из «гмин» (Виленская) снабдила деньгами эмиссара «Równości» М. Янковскую, проникшую на территорию Российской империи с документами на имя швейцарской подданной Софьи Шопар и установившую связь с З. Балицким — деятелем головной Варшавской «гмины»²⁹.

Нам кажется, что не следовало бы объяснять поддержку интернационалистской «Równości» «гминами» лишь тем почтением, с которым «национальные» социалисты относились к Лимановскому, одному из ее сотрудников. Вероятно, немалую роль сыграло здесь участие в головной Варшавской «гмине» таких передовых рабочих, будущих деятелей партии «Пролетариат», как Г. Б. Госткевич, П. Домбровский, Г. Дулемба и др. Петербургская «гмина», где немалое влияние имел в то время будущий марксист Т. Рехневский, в своем воззвании по поводу пятидесятой годовщины польского национального восстания 1830 г. трактовала социальное

²⁵ «Wielki Proletariat...», s. 34—35. Русский перевод «Устава» см.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., изд. 2, т. 16, стр. 12—25.

²⁶ «Wielki Proletariat...», s. 34. В русском переводе это положение звучит так: «... освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество...» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., изд. 2, т. 16, стр. 12).

²⁷ Авторизованный русский текст этого документа см.: ЦГАЛИ, ф. 1065 (М. П. Драгоманов), оп. 4, д. 41, лл. 1—2.

²⁸ ЦГАОР, ф. 102 (ДП-3), д. 218/1881, л. 9.

²⁹ Там же, д. 910/1881, лл. 9—10.

освобождение народа как залог его национального освобождения: «...мы желаем национальной независимости, равенства членов общины, самоуправления и равенства общины, но, прежде всего, как определяющего все это, — равенства экономического, которое, в свою очередь, может быть полным лишь тогда, когда орудия труда и земля могут быть коллективной собственностью всего народа, а не отдельных лиц»³⁰.

Анализ печати, публицистики, мемуаров и судебно-следственных материалов этого периода позволяет выявить следующие важнейшие идейные истоки мировоззрения и, следовательно, программных документов польских социалистов-семидесятников:

произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, документы I Интернационала;

программы, публицистика и печать Германской социал-демократической партии;

публицистика польской радикальной демократии 30—60-х годов XIX в.;

произведения западноевропейских мелкобуржуазных социалистов середины XIX в. (П. Ж. Прудона, Ф. Лассаля и др.);

материалы русского революционного народничества.

Объем настоящей работы не позволяет подробно рассмотреть все выявленные группы. Мы имеем возможность лишь конспективно коснуться некоторых материалов первой и последней групп.

Прежде всего — несколько замечаний о влиянии первого программного документа мирового коммунистического движения — «Манифеста Коммунистической партии» на изучаемые нами программы.

В Варшавской программе можно обнаружить следы текстуального влияния «Манифеста». Буржуазия, по словам его авторов, «...не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого, бессердечного „чистогана“... Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли... Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников»³¹.

В несколько видоизмененной форме эти мысли «Манифеста» прослеживаются в той части программы варшавян, где говорится о воздействии капитала на все отрасли жизни.

Но варшавяне более робко ставят вопрос о влиянии капитализма на область науки и морали. Мысль «Манифеста» о том, что буржуазия сама вызвала к жизни новый класс — пролетариат, который уничтожит ее, вооружившись передовой теорией, отражена в Варшавской, Львовской и Брюссельской программах, причем в Брюссельской наиболее отчетливо³².

Мы уже говорили о фрагменте вводной части «Временного устава Международного Товарищества Рабочих», вошедшем в текст Брюссельской программы. Это самое прямое и наглядное доказательство изучения первыми польскими социалистами трудов основоположников научного коммунизма.

Польские эмигранты и варшавское социалистическое подполье имели тесные и дружественные контакты с одним из ведущих теоретиков рус-

³⁰ «Народная Воля» № 4 от 5 декабря 1880 г. См.: «Литература партии „Народная Воля“». М., 1930, стр. 103.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 426—427.

³² См.: «Wielki Proletariat...», s. 32—33.

ского революционного движения — П. Л. Лавровым, с представителями эмигрантской газеты «Работник», а несколько позднее — с редакцией «Общины»³³. Через К. М. Турского польские социалисты были связаны с группой «Набат» и «Обществом для вспомоществования политическим преступникам»³⁴.

Русский революционный орган «Вперед!» — трибуна П. Л. Лаврова — был проводником и популяризатором идей К. Маркса в среде польских социалистов. Выступая на лондонском митинге, посвященном 12 годовщине восстания 1863 г., и касаясь отношения германской социал-демократии к судьбе польских трудящихся на захваченной Пруссией Познанщине, Маркс говорил: «...она знает, что польский крестьянин, работник и каждый поляк, не ослепленный эгоистическим интересом, должен понимать, что Польша имеет в Европе и может иметь только одного сторонника — именно рабочий класс»³⁵.

Отголосок этой мысли Маркса, но уже в другом, общепольском, контексте заметен в разбираемых нами программах: «...торжество принципов социализма является необходимым условием счастливого будущего польского народа, ...активное участие в борьбе со старой формой общества — это обязанность каждого поляка, ставящего судьбу миллионов людей выше интересов шляхетско-капиталистической горстки нашей нации».

Мы не случайно коснулись лавровского органа «Вперед!». К. Длуский писал в своих воспоминаниях: «...большую роль на начальном этапе польского революционного движения сыграла русская социалистическая литература. Не говоря уже о русском переводе I тома „Капитала“ К. Маркса, который ходил из рук в руки, хотя, как мне кажется, не всегда в достаточной мере понимался читателями, расхватывался [журнал] „Вперед!“, издававшийся отдельными томами в Лондоне экс-профессором военной академии в Петербурге Петром Лавровым. „Вперед!“ транспортировался во внушительных количествах через границу в Россию, а с ним — целый ряд изданий, среди которых особенно читались: монографии о Парижской Коммуне³⁶, а также „Исторические письма“ Миртова (псевд. П. Лаврова)...»³⁷.

В нашем распоряжении имеется эпистолярное свидетельство популярности идей Лаврова в Царстве Польском — письмо лавриста Н. Г. Кулябко-Корецкого его единомышленнику В. Я. Воцакину от 29 марта 1878 г.: «Польские наши Parteygenosse[n] придерживаются все нашей впередовской программы... Поляки, как я заметил, очень симпатизируют нам и готовы работать сообща с нами»³⁸.

Популярность П. Л. Лаврова среди польской революционной молодежи не была случайной. Его интернационализм, дружественные связи с вождями тогдашнего революционного мира, его сочувствие угнетенным народам Российской империи, его учение о моральном долге революцио-

³³ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, л. 4.

³⁴ Б. Лимаковский вспоминает, что в это время Турский был «адъютантом» В. Врублевского, повстанца 1863 г., генерала Парижской Коммуны и одного из лидеров польской эмиграции. См.: B. L i m a n o w s k i. Ibid., s. 215. О Турском см.: K. P i e t k i e w i c z. Casper Michał Turski. — «Niepodległość», 1933, t. 1, № 1 (wyd. 2), s. 103—113.

³⁵ «Вперед!», Лондон, 1875, 15 (3) февраля, № 3, стр. 89. Эти же слова приведены в отчете о митинге К. В. Домбровского — деятеля «Союза люда польского» (эмигрантской революционно-демократической организации 1872—1877 гг., руководимой В. Врублевским), помещенном в цюрихском издании эмигрантов «Wici» («Вехи») — см.: J. W. B o g e j s z a. W kręgu wielkich wygnańców. Warszawa, 1963, s. 426.

³⁶ Длуский имеет в виду книгу П. Л. Лаврова «Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.».

³⁷ «Niepodległość», 1930, t. 1, № 2, s. 223.

³⁸ ЦГАОР, ф. 1737 (В. Н. Смирнов), оп. 1, д. 110, л. 1.

нера — были общеизвестны. А то, что Лавров ориентировал революционеров на кружковую работу преимущественно среди городских рабочих, особенно привлекало к нему варшавских конспираторов.

В последнем номере газеты «Вперед!», вышедшем в свет 31 декабря 1876 г. — почти за два года до появления Варшавской программы, опубликован программный документ с перечислением принципов, которые «предлагаются русскому революционному движению»³⁹. Вне всякого сомнения, этот документ был известен в польских революционных кругах. Кроме того, нам известно, что в разработке Варшавской программы принимал участие Ю. Узембло, фактически бывший эмиссаром Лаврова в Польше⁴⁰. Возникает вопрос: мог ли программный документ, вышедший из-под пера П. Л. Лаврова, оказаться одним из идейных и текстуальных источников первых программ польских социалистов?

В Варшавской программе фигурирует лавровский термин «рабочий социализм», термин, который позволял ему ошибочно отождествлять собственное учение о социалистической революции с научным социализмом⁴¹.

Варшавская программа усвоила и некоторые предписания «Впередовской» программы по методике революционной работы. Это особенно наглядно прослеживается при сопоставлении пунктов 6 и 7 «Впередовской» программы и пункта 11-с Варшавской программы.

Пункт 6 гласит: «Разместившись среди народа..., они (т. е. социалисты. — *Е. Ж., Е. Р.*) сгруппируют вокруг себя лучшие силы народа...»⁴². Далее лавровская программа требует от революционеров противодействовать стихийным всплескам недовольства масс и включаться в них лишь тогда, когда исчерпаны все усилия «противодействовать бесполезной трате народных сил»⁴³.

Проблема «поисков доверия в народе» решается составителями Варшавской программы совершенно в духе изложенных выше положений Лаврова.

Подобно «Впередовской программе», Варшавская программа, а вслед за нею и Львовская и Брюссельская решительно отрицают любые возможности легальной деятельности революционеров⁴⁴.

Следуя этической теории П. Л. Лаврова⁴⁵, все три польские программы ставят вопрос о «моральном соответствии намеченной цели со средствами ее достижения»⁴⁶; социалистическая партия трактуется ими прежде всего как моральный руководитель масс⁴⁷.

³⁹ «Вперед!», 1876, 31 (19) декабря, № 48, стр. 789.

⁴⁰ Об участии Узембло в разработке Варшавской программы имеются сведения в его письмах к П. Л. Лаврову (см.: ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, л. 19) и мемуарах — см.: *Uziemblo (Amerykanin). Wspomnienia z 1878 roku.* — «*Z pola walki*». Londyn, wyd. PPS, 1904, s. 54—56.

⁴¹ Наиболее систематизированное изложение лавровской теории «рабочего социализма» содержится в его рукописи «Записка о необходимости тайной социально-революционной организации» (см.: ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, д. 134, лл. 21—24). То, что список этой статьи был направлен польским социалистам, известно из редакционной статьи газеты «*Walka Klas*» (парижского органа партии «Пролетариат»), написанной С. Мендельсоном (см.: «*Walka Klas*». *Paruż*, 1885, styczeń, № 9, s. 14).

⁴² «Вперед!», 1876, 31 (19) декабря, № 48, стр. 790.

⁴³ Там же, стр. 790.

⁴⁴ Ср.: «Вперед!», 1876, 31 (19) декабря, № 48, стр. 789; ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, л. 44; ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 146, оп. 4, д. 3716, л. 34; «*Wielki Proletariat...*», s. 34.

⁴⁵ О «мощном влиянии лавровской этики» на передовую молодежь России и Польши в период создания Варшавской программы говорится в мемуарах Ю. Узембло — см.: «*Z pola walki*». Londyn, 1904, s. 54.

⁴⁶ См. в тексте Брюссельской программы — «*Wielki Proletariat...*», s. 33.

⁴⁷ См. там же.

* * *

1878—1882 гг. — годы становления интернациональной социально-революционной партии «Пролетариат» — были временем ускоренного перехода польского революционного движения на позиции классовой борьбы, где играли ведущую роль элементы научного социализма. Изучение революционных программ этого переходного периода лишней раз убеждает нас в трудности и значительности того пути, который прошли Л. Варыньский и его товарищи, создатели первой рабочей партии в Польше.

ВАРШАВСКАЯ ПРОГРАММА ПОЛЬСКИХ СОЦИАЛИСТОВ

(Варшава, сентябрь 1878)

W terażniejszych społeczeństwach wszystkie niemal urządzenia ekonomiczne, społeczne i polityczne są w ręku niewielkiej mniejszości, która, na mocy ustanowionych praw kapitału do rezultatów posiłkowanej przezeń pracy, ciągnie wyłączne korzyści z tych urządzeń, pomimo że są one wszystkie wynikiem wspólnych potrzeb i wspólnego w ciągu wieków poźycia wszystkich członków społeczeństwa.

Taki stosunek mniejszości, posiadającej kapitał, do większości, dającej pracę, wyraził się ostatecznie w instytucji najmu, t. j. w nadaniu pracy charakteru towaru.

Zredukowanie robotnika do znaczenia towaru jest nową formą niewoli i wyzyskiwania, gdyż robotnik, sprzedający swą pracę wedle ogólnych praw zamiany, nie może w żaden sposób wpłynąć na jej warunki: on daje kapitałowi wartość swej pracy, otrzymując wzajemian jej cenę rynkową, zależną jedynie od ilości rąk roboczych i kosztów zaspokojenia niezbędnych potrzeb życia.

Nadto, odpowiednio do zasady najmu i złożyły się wszelkie inne urządzenia społeczne i państwowe, a kapitał, potężny swym wszechstronnym wpływem, oddziałał nawet na duchowe objawy życia społecznego, na moralność i wiedzę, ustalivszy wolność ekonomiczną jednostki jako przewodnią zasadę powszechnego postępu. Zasada ta w praktyce życia stała się wyrazem walki wszystkich przeciwko wszystkim, — walki, z której silniejszy w środki materialne wychodzi zwycięzca.

Obecny więc kapitalistyczny układ społeczny jest wrogi dla interesów klasy pracującej, postawionej w poniżającym położeniu najemnika, a, jednocześnie, pozbawionej środków i narzędzi do niezależnej pracy, — pozbawionej kapitału.

Taki stan rzeczy wywołał we wszystkich cywilizowanych społeczeństwach usiłowania klasy pracującej, skierowane na użytkowanie urządzeń społecznych na korzyść wszystkich bez wyjątku członków społeczeństwa.

Ostatnim wyrazem tych usiłowań jest współczesny socjalizm robotniczy, dążący do gruntowej zmiany obecnych stosunków społecznych na korzyść pracy, t. j. do rewolucji społecznej.

Rozważanie warunków bytu i naszego także społeczeństwa doprowadziło nas do przekonania, że tryumf zasad socjalizmu jest koniecznym warunkiem pomyślnej przyszłości ludu polskiego, że czynny udział w walce ze starą formą społeczną jest obowiązkiem każdego Polaka, przenoszącego los milionów ludu nad interesy szlachecko-kapitalistycznej części naszego narodu.

Wierzvmy również głęboko, że lud polski poruszony w imię zasad socjalno-rewolucyjnych okaże niezwykłą siłę i niezłomną energię w walce z zaborczym rządem, który do wyzyskiwania ekonomicznego dołączył niesłychany ucisk narodowości.

Zasady, które wyznajemy, są następujące.

1) Społeczeństwo zapewni każdej jednostce możliwy dla niej rozwój sił przyrodzonych.

2) Najem powinna zastąpić praca stowarzyszona w związkach przemysłowych i gminach rolniczych.

3) Środki i narzędzia produkcji powinny przejść z rąk jednostek na wspólną własność pracujących.

4) Każda jednostka ma prawo do korzyści z rezultatów pracy stowarzyszonej, prawo — jak je w przyszłości niezależnie określi każdy związek pracujących.

5) Zupełna równość społeczna wszystkich obywateli bez różnicy płci i rasy.

6) Wolność polityczna i narodowościowa zapewniona przez federację wytwórczych grup ludu polskiego w granicach narodowości.

7) Wprowadzenie w życie powyższych zasad jest sprawą wszystkich pracujących bez różnicy rodzaju pracy i narodowości, zatem rewolucja społeczna musi być powszechną i międzynarodową.

8) Zastosowanie w życiu tych zasad może być dokonane tylko przez sam lud pod moralnym przewodnictwem organizacji ludowej, świadomej jego praw i interesów.

9) Uznając solidarność wszystkich ludów w sprawie rewolucji społecznej pragniemy zupełnej samoistności narodowych partii socjalistycznych Rusinów, Białorusinów i Litwinów.

10) Moralną zasadą naszej działalności jest moralna zgodność środków działania z założonym celem.

11) Za główne środki, przyczyniające się do wzrostu naszej partii uznajemy:

a) ustną i książkową propagandę zasad socjalizmu;

b) agitację, t. j. protesty, demonstracje i czynną walkę w duchu swych zasad z obecnym porządkiem społecznym;

c) pozyskanie wpływu i zaufania u ludu przez czynny udział nawet w tych objawach jego życia, których motywy i cele nie są objęte przez dążenia socjalistyczne byłiby tylko nie były one z niemi sprzeczne.

12) Wobec wypróbowanej bezskuteczności dróg legalnych jak stowarzyszenia wytwórcze, spółki zaliczkowe, kasy oszczędności i t. d., krwawą rewolucję społeczną uważamy za nieuniknioną.

ЦГАОР, ф. 1762 (П. Л. Лавров), оп. 4, ед. хр. 47, лл. 42—44 об. Автограф Ю. Уаэмбло.

В приложенном к тексту программы русском переводе ее второй части, изложенной по пунктам (там же, л. 46—46 об.) П. Л. Лавровым, отмечены красными крестиками пункты 4, 6, 10 и 11-с.

ПЕРЕВОД

В современных обществах почти все экономические, социальные и политические учреждения находятся в руках незначительного меньшинства, которое в силу установленных прав капитала на результаты труда рабочих, монополично использует эти учреждения, хотя последние и являются результатом общих потребностей совместного в течение веков проживания всех членов общества.

Такое отношение меньшинства, владеющего капиталом, к большинству, отдающему труд, выразилось в конечном счете в институте найма, т. е. в придании труду характера товара.

Сведение рабочего до значения товара является новой формой рабства и эксплуатации, когда рабочий, продающий свой труд по общим законам обмена, никоим образом не может влиять на условия обмена: он отдает капиталисту стоимость своего труда, получая взамен его рыночную цену, зависящую единственно от количества рабочих рук и затрат на удовлетворение необходимых потребностей жизни.

Более того, сообразно с принципом найма сложились все прочие общественные и государственные учреждения, а капитал, имея мощное и всестороннее влияние, оказывает его даже на духовные проявления общественной жизни — на нравственность и науку — при помощи установленной им экономической свободы личности как важнейшей основы всеобщего прогресса. В практической жизни этот принцип стал выражением борьбы всех против всех, — борьбы, где побеждает обладатель более сильных материальных средств.

Существующий капиталистический общественный строй враждебен интересам трудящегося класса, поставленного в униженное положение наемника и одновременно лишенного средств и орудий независимого труда, т. е. лишенного капитала.

Такое положение вещей привело во всех цивилизованных обществах к усилению борьбы трудящегося класса за использование общественных учреждений на благо всех без исключения членов общества.

Последним выражением этой борьбы является современный рабочий социализм, стремящийся к коренному изменению существующих общественных отношений в пользу труда, т. е. к социальной революции.

Анализ условий жизни нашего общества привел нас к убеждению, что торжество принципов социализма является необходимым условием счастливого будущего польского народа, что активное участие в борьбе со старой формой общества — это обязанность каждого поляка, ставящего судьбу миллионов людей выше интересов шляхетско-капиталистической горстки нашей нации.

Мы также глубоко верим, что польский народ, приведенный в движение во имя социально-революционных принципов, проявит непобедимую силу и непреодолимую энергию в борьбе с правительством-захватчиком, которое к экономической эксплуатации добавило еще неслыханный национальный гнет.

Мы признаем следующие принципы*:

1. Общество гарантирует каждой личности возможное для нее развитие прирочных ей сил.

* Эта часть программы публикуется по ее русскому переводу, сохранившемуся в документальных материалах фонда П. Л. Лаврова.

2. Наем должен быть заменен коллективным трудом промышленных союзов и земледельческих общин.

3. Средства и орудия производства должны перейти из рук личности в общее достояние рабочих.

4. Каждая личность имеет право пользоваться результатом коллективного труда в том виде, в каком его в будущем самостоятельно определит каждый союз рабочих.

5. Полное общественное равенство всех граждан без различия пола и происхождения.

6. Политическая и национальная свобода гарантируется федерациями производительных групп польского народа в пределах национальности.

7. Проведение вышесказанных начал в жизнь есть дело всех рабочих без различия рода труда и национальности, почему социальная революция и должна быть всеобщей и международной.

8. Применение в жизни этих начал может быть совершено лишь самим народом под нравственным руководством народной организации, понимающей его права и интересы.

9. Признавая солидарность всех народов в деле социальной революции, мы желаем полной самостоятельности национальных социалистических партий русинов, белорусов и литовцев.

10. Нравственное основание нашей деятельности, это — нравственное соответствие употребляемых нами средств с поставленной нами целью.

11. Главными средствами, имеющими способствовать росту нашей партии, мы считаем:

а) Устную и книжную пропаганду начал социализма.

б) Агитацию, т. е. протесты, демонстрации и деятельную борьбу, в смысле наших принципов, с нынешним общественным строем.

в) Приобретение влияния и доверия в народе деятельным участием даже в тех явлениях его жизни, побуждения и цели которых не входят в состав социалистических стремлений, лишь бы они им не противоречили.

12. Ввиду доказанной невозможности достичь цели законными путями, как-то: производительными ассоциациями, ссудными товариществами, сберегательными кассами и т. д. — мы считаем кровавую социальную революцию неизбежной.

В. В. АНИЧЕНКО

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ И УКРАИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В нашем языкознании ставился вопрос и высказывались мнения о необходимости разграничения белорусских и украинских памятников, написанных в период, когда Белоруссия и большая часть Украины входили в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой. К сожалению, до сих пор еще не выработаны определенные принципы, которыми можно было бы руководствоваться при разделении памятников на белорусские и украинские. Решить этот вопрос во всей его полноте станет возможно только тогда, когда детально будет изучено многовековое письменное наследие белорусского и украинского народов и будут оценены языковые факты, а также связи и взаимодействия обоих близкородственных языков — белорусского и украинского — на разных исторических этапах. В данной статье мы обратим внимание только на отдельные вопросы, связанные с оценкой существующих и обоснованием некоторых предлагаемых нами принципов разграничения памятников, возникших в Белоруссии и на Украине в разные исторические периоды.

Распространенным в нашем языкознании является мнение о том, что в некоторых памятниках, написанных в Белоруссии или на Украине, наблюдается смешение белорусских и украинских языковых особенностей и что не всегда легко разграничить такие памятники на белорусские и украинские. Вопрос о разграничении таких памятников неоднократно ставился, но неудачно разрешался многими исследователями. П. Владимиров сделал в свое время попытку составить общий список некоторых важнейших белорусских и украинских памятников без их разграничения до XVII в., обратив при этом внимание на два языковых течения, различавшиеся между собой: одно — «западнорусское, поддерживавшееся официальным правописанием и языком грамот с чертами белорусского наречия, другое — южнорусское с особенностями некоторых малорусских говоров, с правописанием — преимущественно так наз. среднеболгарским»¹. Характеризуя памятники как источники изучения литературы, И. Сумцов пришел к следующему выводу: «Вообще, трудно разобратся в богатом и сложном литературном и культурном наследстве, завещанном нам предками в памятниках литературы и народной словесности»². Позже Е. Карский обратил внимание на древние письменные памятники, различая в них белорусские и украинские языковые черты. Он

¹ П. В. Владимиров. Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст. «Чтения в историческом обществе Нестора летописца», кн. IV. Киев, 1890, стр. 103.

² И. Ф. Сумцов. Речь Ивана Мелешка как литературный памятник.— «Киевская старина», т. XLV. Киев, 1894, стр. 115.

не ставил целью разграничить белорусские и украинские памятники, считая, что «иногда бывает трудно установить границу между теми и другими»³. Поэтому в его работах⁴ перечисляются и комментируются памятники с точки зрения отражения в них языковых черт, характерных для белорусского языка. Е. Карский принимал во внимание также памятники, написанные на украинской территории в древний период, если они не отражали «типичных малорусских особенностей»⁵. Нецелесообразность и трудность разграничения литературного наследия украинцев и белорусов подчеркивает Н. Гудзий⁶.

Разграничение белорусских и украинских памятников было вызвано практической задачей — составлением «Исторического словаря украинского языка». Составители словаря в отборе памятников придерживались только территориального принципа, позволившего включить в словарь памятники не только с украинской, но и «с выразительной окраской белорусской»⁷. В связи с этим Е. Карский предложил Украинской и Белорусской академиям наук «сообща издать один Исторический словарь украинского и белорусского языков или сообща выработать списки авторов и произведений, которые должны войти, с одной стороны, в Украинский исторический словарь и, с другой, — в Белорусский исторический словарь. В противном случае повторения будут неизбежны»⁸.

Впоследствии некоторые лингвисты пытались выработать определенные принципы, которыми в известной степени можно руководствоваться при разграничении белорусских и украинских памятников. Так, И. Огиенко в свое время предложил следующие, по его мнению, основополагающие и исчерпывающие принципы: национальность автора, место возникновения и языковой анализ памятника (включая палеографические и акцентологические особенности)⁹. Эти же принципы разграничения белорусских и украинских памятников позже повторила Л. Гумецкая¹⁰.

Два из этих принципов (национальность автора и место возникновения памятника) нельзя применить ко всем памятникам, потому что во многих случаях неизвестно, кто и где их создавал. Даже если имеются сведения о месте написания некоторых памятников, например деловых (Варшава, Краков, Люблин, Гданьск), то на основании этих данных трудно сразу сказать, являются ли они белорусскими или украинскими. Или еще: «Лексикон» Памвы Беринды, вышедший в свет в 1627 г. в Киеве, с течением времени стал библиографической редкостью и поэтому был переиздан в 1653 г. в Кутейнском монастыре (вблизи Орши). Кутейнские издатели, чувствуя острую потребность в этой книге, стремились «слово въ слово выдать» «Лексикон». Правда, кутейнское издание «Лексикона» местами отличается от киевского, но такие отличия, как несовпадение предисловий, замена в переизданном тексте готического шрифта в латинских словах кириллическим, некоторые графические и главным образом

³ Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, вып. 2. Пг., 1921, стр. 16.

⁴ Е. Ф. Карский. Белорусы, кн. I. Вильна, 1904; Е го ж е, Белорусы, т. III, вып. 2.

⁵ Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, вып. 2, стр. 16.

⁶ Н. К. Гудзий. Традиции литературы Киевской Руси в старинных украинской и белорусской литературах. — В кн.: Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, стр. 15.

⁷ «Историчний словник українського языка», т. I. Харків — Київ, 1930, стр. 111.

⁸ Е. Ф. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, стр. 563.

⁹ І. Огієнко. Розмежування пам'яток українських від білоруських. — «Записки чина святого Василя Великого», вып. 1—2, Львів, 1935, стр. 273—277.

¹⁰ Л. Л. Гумецкая. Принципи створення історичного словника української мови. Київ, 1958, стр. 19.

орфографические варианты, еще не дают основания утверждать, что это два различных словаря, из которых один является украинским, а другой — белорусским.

В силу определенных исторических условий, в которых в свое время оказались белорусский и украинский народы, многим деятелям украинской культуры приходилось жить, писать и печатать свои произведения в Белоруссии, а деятелям белорусской культуры — на Украине. Более того, произведения одного и того же автора нередко возникали на белорусских и украинских землях. Важную роль в осуществлении тесных культурных контактов белорусов и украинцев играли братства Белоруссии и Украины, а также типографии, возникавшие там в связи с распространением книгопечатания¹¹. Лаврентий Зизаний (Густановский) родился, как предполагают, в Галиции, но его «Славянская грамматика» и «Лекси» вышли из печати в Вильне в 1596 г. Мелетий Смотрицкий был родом из подольской Украины, а «Поучительное евангелие», переведенное им «з крещкого и словенского языка на руский», напечатано в Евье (вблизи Орши) в 1616 г. и только в 1637 г. было переиздано в Киеве. В Евье выходила из печати также его «Славянская грамматика» (1618—1619 гг.), а в Вильне — «Фринос» (1610 г.) и «Казанье погребное» (1620 г.). Предполагают, что «Славянская грамматика» 1585 г. была написана в Остроге, а напечатана в Вильне. Андрей Римша родился на Гродненщине, однако его «Хронология» (1585 г.) была издана в Остроге. Франциск Скорина был родом из Полоцка, но печатал свои библейские книги в Праге в 1517—1519 гг. Скорининские издания были широко известны и распространены не только в Белоруссии, но и на Украине. Об этом свидетельствуют рукописные списки некоторых скорининских книг, написанных Василием Жугаевым из Ярославля-Галицкого (1568 г.).

Возникает вопрос: какой из критериев в данном случае считать определяющим — национальность автора или место возникновения его произведения? Одни исследователи (Е. Карский, В. Ластовский, Л. Шаку) такие памятники признают белорусскими, другие (Г. Омельченко, М. Жовтобрюх, Л. Гумецкая, Б. Струминский и др.) — украинскими, а третьи (И. Будовиц) считают нецелесообразным разграничивать древние памятники белорусской и украинской литературы и письменности. Остается, таким образом, непонятным, как руководствоваться этими двумя критериями при делении памятников на белорусские и украинские. Сказанное не означает, что национальную принадлежность автора и место возникновения его произведения не следует учитывать при такой классификации памятников. Этими критериями можно и необходимо руководствоваться применительно ко всем периодам: с большей достоверностью в историко-литературной практике и иногда и с меньшей достоверностью — в лингвистической. Лингвист в первую очередь должен характеризовать языковые особенности памятника, не акцентируя, кто и где написал данный памятник или какую идею он выражает. Литераторов и историков интересует прежде всего не столько язык памятника, сколько его автор (национальная принадлежность), место, где был написан памятник, и его идейное содержание. Все это оправдывает целесообразность учета национальности автора и места возникновения памятника, особенно при лите-

¹¹ Особенно большой спрос на украинские издания и учителей братских школ среди белорусов в конце XVI в. Об этом свидетельствует, например, благодарственное письмо мянского воеводы Богдана Салеги Львовскому братству от 11 октября 1591 г. «за присланную эллино-славянскую грамматику 1591 г. и его просьбу о присылке учителей» (см. Е. Н. М е д ы н с к и й. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI—XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954, стр. 36).

ратурно-исторической классификации. В таком случае произведения белорусов, возникавшие на Украине, а произведения украинцев — в Белоруссии, можно считать культурно-историческим достоянием как белорусского, так и украинского народа.

Нельзя, однако, не заметить, что некоторые украинские исследователи языка место написания памятника и национальность автора при разграничении белорусских и украинских памятников учитывают с предвзятыми оговорками. В частности, это касается произведений украинцев, написанных за пределами Украины — на белорусской территории. Л. Гумецкая, например, возражает против отнесения к числу белорусских памятников произведений Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, напечатанных в Вильне и Евье. Она не склонна считать белорусским памятником и «Диариуш» брестчанина Афанасия Филипповича, поскольку национальная принадлежность его, по ее мнению, неопределенна¹². Но иногда, и зная национальную принадлежность автора, нетрудно ошибиться в разграничении памятников как источников для изучения истории этих языков. Известно, например, что Симеон Полоцкий родился в Белоруссии, но свои произведения писал в основном на церковнославянском языке, которые не могут служить в достаточной степени источником для изучения исторической грамматики и исторической диалектологии белорусского языка, хотя они и являются литературно-историческим достоянием белорусского народа. М. Смотрицкий, будучи по происхождению украинцем, писал некоторые свои произведения на церковнославянском и польском языках. Таким образом, в каждом конкретном случае необходимо учитывать влияние письменной традиции, на которую сильнее или слабее могли опираться пишущие люди.

Третьим критерием разграничения белорусских и украинских памятников являются языковые особенности. Среди некоторых исследователей распространено мнение, что для определения украинских памятников достаточно наличия в них таких языковых черт, как смешение *ѣ* — *и*, *ы* — *и*, замена *о*, *е* на *і* или *у* в закрытых слогах, а белорусских — аканья-яканья, дзеканья-цеканья¹³. Другие исследователи обоснованно считают, что при разграничении белорусских и украинских памятников как источников для изучения истории этих языков языковой анализ должен распространяться на все ярусы, в том числе и на лексику¹⁴.

Совсем очевидно, что кроме аканья-яканья, дзеканья-цеканья — явлений, утвердившихся и в качестве норм белорусского литературного языка, в известной степени необходимо учитывать также особенности, издавна характерные для белорусского и русского языков в отличие от украинского. Обращает на себя внимание прежде всего неодинаковая судьба звука *ѣ*, который в белорусском и русском языках совпал с *е* (*лес*, *хлеб*), а в украинском, как и в некоторых других славянских языках, изменился в *и* (*ліс*, *хліб*).

Одним из надежных критериев разграничения белорусских и украинских памятников многие украинские исследователи считают изменение

¹² Л. Л. Гумецька. Уваги до українсько-білоруських мовних зв'язків періоду XIV—XVII ст. — В кн.: Дослідження з української та російської мов. Київ, 1964, стр. 257; Е е ж е. Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода. «Вопросы языкознания», 1965, № 2, стр. 40, 41. Биографические сведения о жизни и деятельности А. Филипповича подробно изложены А. Ф. Коршуновым в кн. «Хрестаматія па старажытнай беларускай літаратуры», Мінск, 1959, стр. 306—307.

¹³ І. Огієнко. Там же, стр. 281—284; Л. Л. Гумецька. Принципи створення історичного словника української мови, стр. 19.

¹⁴ А. И. Журавский. О подготовке словаря старого белорусского языка. — «Вопросы языкознания», 1963, № 4, стр. 144—145.

Ѣ в е и признают его таким фонетическим явлением, которое свидетельствует о белорусском происхождении памятников¹⁵. В научной литературе высказывалось и противоположное мнение некоторыми украинскими исследователями, которые отражение е вместо Ѣ склонны считать явлением, имеющим основу не только в белорусском языке, но и в украинском, потому что эта черта известна некоторым староукраинским памятникам и сохраняется в современных североукраинских говорах¹⁶. Однако усматривать в этом украинскую фонетическую черту нет оснований. Смещение Ѣ — е в староукраинских памятниках, особенно в языке грамот, обусловлено тем, что, по меткому замечанию П. Житецкого, «такое правописание развилось, очевидно, под влиянием белорусского выговора, который господствует, например, в Библии Скорины (XVI в.) (*вкупє, звери, вечнаго* и проч.). Дело в том, что правительственные центры в Литовском княжестве находились среди населения белорусского, грамоты же давали литовские князья большей частью из белорусских городов»¹⁷.

Из других особенностей, свойственных белорусскому и русскому языкам и не характерных для украинского языка, можно отметить твердость согласного звука ц (не т'): *конецъ, отецъ*, смещение ч и ц, распространившееся в белорусском языке под влиянием северорусского произношения: *очищати, поцекати*; наличие в системе склонения прилагательных и причастий форм множественного числа именительного (винительного) падежа на *-ые, -ие*: *малые, великие, забитые*; употребление форм первого лица множественного числа глаголов настоящего (будущего простого) времени на *-мъ*: *носимъ, просимъ, напишемъ, принесемъ*; наличие сложных (аналитических) форм будущего времени с личными формами вспомогательного глагола *быть* + инфинитив: *буду читать*; использование инфинитивных форм (после гласной основы) на *-ть*: *писать, казать, быть*.

Что касается языковых черт, которые на фоне остальных можно признать специфически белорусскими (аканье-яканье, дзеканье-цеканье), то и их следует дополнить некоторыми фонетико-морфологическими вариантами, способствующими определению белорусских памятников. Смещение я и е — употребление е на месте я (юса малого) в безударном положении после мягких согласных (*видечи, просечи, ходечи, гонечи, паметь*) — является одной из характерных фонетических особенностей белорусского языка, отличающих его от украинского. Эта особенность белорусского языка принимается во внимание в научной литературе, в том числе и в украинской¹⁸. Однако некоторые украинские исследователи, как сказано выше, пытаются усматривать в смещении я — е в безударном слоге явление, одинаково характерное для украинского и белорусского языков, мотивируя это тем, что данная черта сохраняется в североукраинских говорах. С этой точкой зрения нельзя безоговорочно согласиться, если учесть следующее утверждение П. Житецкого по этому вопросу: «Появление из я и после шипящих из а звука е есть уже дальнейшее перегласование а под влиянием предшествующих мягких согласных, особенность,

¹⁵ І. С в е н ц і д к и й. Правописні діхи поділу пам'яток староруского письма. — В кн.: Праці академічнаї конференції па рэформе беларускага правапісу і азбукі. Менск, 1927, стр. 418; «Курс історії української літературної мови», т. I. Київ, 1958, стр. 48; П. П. П л ю щ. Нариси з історії української літературної мови. Київ, 1958, стр. 143.

¹⁶ Л. Л. Г у м е ц ь к а. Принципи створення історичного словника української мови, стр. 19; Е е ж е. Уваги до українсько-білоруських мовних зв'язків періоду XIV—XVII ст., стр. 256; Е е ж е. Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода, стр. 42.

¹⁷ П. Ж и т е ц к и й. Очерк звуковой истории малорусского наречия. Киев, 1876, стр. 74.

¹⁸ «Курс історії української літературної мови», т. I, стр. 48.

вовсе не развитая в украинском говоре. В письменных памятниках мы не встречаем ее, хотя она могла образоваться в давнее время — непосредственно из *я* после мягких согласных»¹⁹. Случаи употребления *е* на месте *я* в североукраинских говорах еще не дают основания видеть в этом основу или типичное явление украинской фонетики. Правильней было бы усматривать в данном случае закономерное влияние южных белорусских говоров²⁰, где смешение *я* — *е*, именуемое еканьем, является достаточно устойчивой особенностью, охватывающей «весь лексический состав данных говоров»²¹. Следовательно, мнение о смешении *я* — *е*, имеющем основу в украинском языке, является в известной степени бездоказательным.

К числу морфологических черт, отраженных в старобелорусских памятниках и сохранившихся в белорусском языке до настоящего времени, относится употребление форм на *-а* существительных мужского рода единственного числа именительного падежа типа *злочинца*²², отражение форм родительного падежа женского рода единственного числа прилагательных, причастий и неличных местоимений в виде *-оe (-еe)* (*светлоe, синее, прочитаное, нашеe, своеe*)²³.

Нуждается также в уточнении и вопрос об украинских языковых чертах, противопоставляемых соответствующим белорусским чертам. Здесь необходимо отметить отражение форм именительного падежа мужского рода единственного числа некоторых существительных на *-о* (*батько, дядько*); употребление в дательном падеже единственного числа существительных мужского рода окончания *-ови (-еви)* (*братови, коневи*); наличие форм родительного падежа единственного числа прилагательных и причастий женского рода на *-ои (-еи)* [не *-ой (-ей)*]: *великои, принесенои, синей*; наличие стяженных форм именительного (винительного) падежей единственного числа среднего и женского рода и именительного (винительного) множественного числа прилагательных: *нове, нова, нову, нови*; использование в первом лице множественного числа глаголов настоящего (будущего простого) времени и повелительного наклонения окончания *-мо: читаемо, будемо, скажимо*; препозитивное и постпозитивное употребление личных форм вспомогательного глагола *имѣти* в составе формы будущего времени: *иму ходити, ходитиму*; наличие форм второго лица множественного числа повелительного наклонения на *-ѣте: несѣте, берѣте, ведѣте*; употребление инфинитивных форм на *-ти: писати, брати, быти*; сохранение причастных оборотов типа *его привезено, его забито*.

Приведенные языковые факты в той или иной степени способствуют разграничению памятников белорусской и украинской письменности как источников для изучения истории этих языков самих по себе, их исторической грамматики и исторической диалектологии. Следует, однако, огорчить ряд особых случаев, когда на основании этого критерия не всегда

¹⁹ П. Ж и т е ц к и й. Там же, стр. 282.

²⁰ Иллюстративный материал и территорию распространения этой черты в современных белорусских говорах см.: «Дыялекталогічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963, карта № 7 и комментарий к ней, стр. 329—332; «Нарысы па беларускай дыялекталогіі». Мінск, 1964, стр. 65, 94.

²¹ «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», стр. 65.

²² Подробнее о формах этого типа как выразительных белорусизмах см.: Ф. А. Н е п и й о д а. Система відмінювання іменників в «Актовій книзі Стародубського міського уряду 17 століття». Наукові записки Черкаського держ. пед. ін-ту, т. XII, вип. IV, 1958, стр. 97.

²³ Формы существительных и прилагательных типа *злочинца, светлоe, синее* известны современному белорусскому литературному языку: первые из них составляют грамматическую норму, а вторые (*-оe* под ударением и *-аe, -яe* не под ударением) «составляют только 9,2% от общего количества форм родительного падежа единственного числа женского рода» (М. Г. Б у л а х а ў. Прыметник у беларускай мове. Мінск, 1964, стр. 78).

удается безошибочно провести гранцу между белорусскими и украинскими памятниками, поскольку в некоторых из них наблюдается заметное смешение белорусизмов и украинизмов. Это закономерное явление, обусловленное тем, что белорусы и украинцы в составе Литовского, а затем Польско-Литовского государства практически пользовались определенное время общим литературно-письменным языком, в котором белорусизмы и украинизмы на разных исторических этапах взаимодействовали между собой. Известную роль в этом отношении играла также миграция политических и культурных центров белорусского и украинского народов (Вильно — Киев), связанная с определенными изменениями в тогдашней исторической обстановке.

Белорусизмы и украинизмы не представляли в письменности орфографической нормы, потому что буквенное письмо было «не в состоянии передать черты живой речи писавшего во всем их объеме и многообразии»²⁴. Писцы обычно руководствовались таким правописанием, которое бы могло найти определенные соответствия в белорусском и украинском языках. Стремясь к тому, чтобы литературно-письменный язык был одинаково понятным для белорусов и украинцев, писцы вынуждены были отдавать предпочтение языковым чертам, общим белорусскому и украинскому произношению. По этой причине в белорусских памятниках древнего периода непоследовательно представлено аканье-яканье, дзеканье-цеканье, а в украинских — смешение *ѣ* — *и*, *ы* — *и*, употребление *і* или *у* в закрытых слогах на месте исконных *о*, *е*. При этом необходимо учитывать мнение и некоторых украинских исследователей о том, что в Литовском княжестве «территориальное распространение старого книжного белорусского языка... было ббльшим, чем украинского, и что старая украинская письменность в некоторых случаях, особенно в графике, испытала значительное белорусское влияние»²⁵. Позднее же, когда политический и культурный центр переместился из Белоруссии на Украину, украинский язык оказывал известное закономерное влияние на белорусскую письменность.

Языковой анализ памятников нельзя проводить недифференцированно, без учета хронологической последовательности их появления. Преобладание, например, инфинитивных форм на *-ти* в ранних старобелорусских или глагольных форм на *-мъ* в ранних староукраинских памятниках следует объяснять не столько влиянием украинского или белорусского языка, сколько отражением традиционных правописных норм. Поэтому в подобных случаях необходимо разграничивать памятники древнейшего периода, в которых преобладают особенности письменной традиции, и позднейшие памятники, в которых наличие определенных языковых черт могло поддерживаться живым украинским или белорусским языками.

На отражение некоторых языковых черт в белорусской и украинской письменности влияла и другая стихия, которая совпадала по своим результатам с аналогичными явлениями в истории других славянских языков. Сказанное относится прежде всего к переводным памятникам Белоруссии и Украины, оригиналами для которых послужили польские источники. Наличие, например, существительных мужского рода единственного числа в именительном падеже на *-а* типа *справца*, *продавца* в украинских или дательного падежа мужского рода единственного числа на *-ови* (*-еви*) в белорусских памятниках еще не дает основания считать их выразительными белорусизмами или украинизмами. В таких случаях

²⁴ О. А. Князевская. Орфография и отражение в письме явлений языка. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964, стр. 59.

²⁵ П. Д. Тимошенко. Ян Бодуен де Куртене і українська мова. — «Українська мова в школі», 1960, № 1, стр. 35.

следует учитывать также влияние языковой стихии польского оригинала, с которого был сделан перевод.

Следует обратить также внимание на графические особенности, которые в известной степени помогают определить место написания некоторых памятников. Буквы *ѣ* и *ь*, например, встречаются в белорусских и украинских памятниках, однако в употреблении их белорусские и украинские писцы нередко придерживались разных принципов. Для белорусских писцов написание *ѣ* и *ь* находилось в зависимости прежде всего от их звукового качества: после твердых согласных они обычно писали *ѣ*, а после мягких — *ь*. Украинские же писцы преимущественно в середине слов употребляли *ѣ*, а в конечных слогах, независимо от твердости или мягкости согласных, часто писали *ь*. Такое несоответствие в употреблении *ѣ* и *ь* в конце слов наблюдается, в частности, при сравнении тех печатных изданий Ф. Скорины, рукописные списки с которых были сделаны В. Жугаевым: *философъ* — *философь*, *писалъ* — *писаль*, *былъ* — *быль*, *знаидень* — *знаидень*, *гукъ* — *гукь* («Премудрость»); *просилъ* — *просиль*, *своемъ* — *своемь*, *сонъ* — *сонь*, *низъ* — *низь*, *слюбилъ* — *слюбиль*, *азъ* — *азь* («Притчи»); *женихъ* — *женихь*, *злыхъ* — *злыхь*, *годень* — *годень*, *хлебъ* — *хлебь* («Еклезиасть»); *покивалъ* — *покиваль*, *накъ* — *накъ* («Иов»); «Евангелия» в переводе В. Тяпинского (около 1580 г.) и «Пересопницкого евангелия» (1556—1561 гг.): *ворогъ* — *ворогь*, *отышолъ* — *отишоль*, *спалъ* — *спаль*, *пустилъ* — *пустиль*, *нашолъ* — *нашоль*, *давилъ* — *давиль*, *онъ* — *онь*, *всадилъ* — *всадиль*, *своимъ* — *своимь*, *долгъ* — *долгь*; белорусской «Псалтыри» XVI в. (рукопись Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве, № 335) и украинской «Псалтыри» 1609 г., рукопись Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, № 1/136): *законъ* — *законь*, *голосъ* — *голось*, *ведлоугъ* — *ведлоугь*, *оучинковъ* — *оучинковь*, *полнилъ* — *полниль*, *потѣшенъ* — *потѣшень*, *такъ* — *такь* — и других памятников.

В белорусском полууставном письме, как и в скорописном XV—XVI вв., возможно самостоятельно, а возможно под влиянием южнославянских рукописей, для передачи несмягченного гласного звука *e* в некоторых словах, преимущественно иностранных, часто употреблялась буква *э*. При этом необходимо отметить, что такое написание многих из этих слов без заметных изменений сохранилось в белорусском языке до настоящего времени. Буква *э* изредка встречается в религиозно-бытовом сборнике XV в.: *эксеквие*, *эморроиса* («Страсти Христовы»); *эксъцельсисъ* («О трех королях-волхвах»); в старопечатном «Литовском статуте» 1588 г.: *секрѣтарь*, *тѣстаментъ*; чаще пишется *э* в «Литовском статуте» 1566 г.: *такжэ*, *грэцэскому*, *грэцкую*, *потрэба*, *срэбро*, *чэрэзь*, *рэчь*, *чэсть*, *шэстьдэсятъ*, *гэтманъ*, *вышэй*; в светских повестях XVI в.: *рыцэры*, *дѣвцэ*, *опецэ*, *ласцэ*, *сэрцэ*, *вжэ*, *цэркви* («Тристан»); *старцэм*, *хочэм*, *помрѣти*, *речэ* («Бова»); *назавтрэ*, *солнцэ*, *Тэодорык*, *Дэтрык*, *Эуропы*, *Францэи* («Атыла»); в белорусских летописях XVI в.: *весэле*, *ласцэ*, *цэсара*, *пэвэн*, *бэзпечонъ*, *мѣстцэ*, *цэлого*, *жэлѣзныи*, *гэтманъ* («Рачинский список») и других памятниках.

В украинских памятниках употребление буквы *э* вместо *e* обычно не отражалось. Это явление не обнаружено нами, например, в украинском переводе «Повести о Бове королевиче» XVIII в.

Заслуживает внимания мнение некоторых исследователей, что место возникновения некоторых памятников можно установить, учитывая определенные палеографические особенности, свойственные белорусским и украинским писцам²⁶. В белорусском письме, как и в украинском, кроме общих черт имеются и некоторые различия, проявляющиеся в начер-

²⁶ И. Огієнко. Там же, стр. 284—285.

таниях отдельных букв. Заметные отличия белорусского полууставного письма от украинского наблюдаются в начертаниях букв *ѡ, у, ц, х, з*. Белорусские писцы в отличие от украинских нередко перечеркивали в хвостах эти буквы. Такое написание их встречается, например, в «Летописи Авраамки» 1495 г., «Виленском списке летописи» 1495 г., Барколабовской летописи (XVI в.), Псалтыри XVI в. (№ 335), сборниках «Житий святых» XVII в. — рукописи Библиотеки АН Литовской ССР (№ 81) и Государственного исторического музея в Москве (№ 752).

При рассмотрении некоторых белорусских памятников (грамот, летописей, печатных изданий Ф. Скорины, «Литовского статута» 1588 г.) Е. Карский обратил внимание на частое употребление в них значка ¹ вместо ^ъ в положении между согласными. На основании рассмотренных им письменных источников он заключил, что наличие ¹ на месте ^ъ является характерной чертой белорусского письма²⁷. Не вдаваясь в историю параллельного употребления значка ¹ и ^ъ в украинских и белорусских памятниках, мы имеем основание считать, что употребление этого значка в целом более свойственно белорусскому письму, чем украинскому, хотя некоторые памятники и не создают такого представления. Ср. с этой точки зрения белорусские памятники, которые позже переписывались или печатались на Украине, например печатные издания Ф. Скорины с рукописными списками В. Жугаева, белорусский список «Диариуша» А. Филиповича с текстологически совпадающим украинским списком XVII в., «Дидаскалю» С. Косова (Кутейн, 1665 г.) с переизданием ее в Клеве в 1657 г. под названием «О сакраментях». Многие слова, которые в белорусских текстах пишутся с ¹, в украинских употребляются без этого значка или передаются посредством ^{ъ, ь}: *въз¹дыхали* — *въздыхали*, *з¹наидены* — *знаидены*, *щед¹ръ* — *щедръ*, *напер¹веи* — *напръѣви*, *тер¹пеніе* — *тръпеніе*, *спер¹ва* — *спръва* («Иов»); *с¹творена* — *створена*, *греш¹ники* — *грѣшники*, *задер¹жало* — *задръжало*, *потер¹пи* — *потръпи* («Сирах»); *совокуп¹леніе* — *съвъкоупленіе*, *воз¹духъ* — *въздохъ*, *оутвер¹женіе* — *оутвърженіе* («Премудрость»); *с¹трание* — *странѣ*, *выш¹ла* — *вышла*, *содер¹жи* — *сѡдръжи* («Пригчи») — (Скорина — Жугаев); *з¹рымом* — *з рымом*, *чернигов¹скій* — *чернѣговскій*, *з¹наку* — *знаку* («Диариуш»); *мает¹* — *маеть*, *тѣлом¹* — *тѣломъ*, *жад¹ное* — *жадное*, *инших¹* — *иншихъ* («Дидаскалия») — «О сакраментях»).

Несовпадение в употреблении значка ¹ имеет место также в тех памятниках, которые вначале печатались на Украине, а позже переиздавались (полностью или частично) в Белоруссии. Показательным в этом отношении является сравнение киевского издания «Лексикона» П. Беринды с кутейнским, а также острожского издания «Лекарства на оспалый умысл человечій» 1607 г. с напечатанными разделами его в Евье в 1618 г. под названием «Киновион»: *также* — *так¹же*, *ропустныхъ* — *ропуст¹ныхъ*, *розумѣтя* — *розумѣт¹ся*, *плѡтка* — *плѡт¹ка*, *весь* — *в¹весь*, *болшій* — *бол¹шій* («Лексикон»); *в мори* — *в¹мори*, *иншого* — *ин¹шого*, *завтра* — *зав¹тра*, *земный* — *зем¹ный*, *в пошанованью* — *в¹ пошанованю* («Лекарство») — «Киновион»).

Однако нельзя сказать, что украинские памятники не отразили попыток употреблять значок ¹ чаще, чем в белорусских памятниках. Правда, эти попытки касаются только некоторых памятников, написанных на территории Украины. Здесь можно назвать украинскую «Псалтырь» 1609 г., вышедшую из-под пера некоего Мартина из Неженковичей (Галиция). Эта рукопись находится в текстуальной зависимости от предшествующего

²⁷ Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, вып. 1, Варшава, 1908, стр. 52.

ей белорусского списка «Псалтыри» XVI в. (№ 335), но между этими текстами наблюдаются и определенные различия, в том числе и несовпадение в употреблении значка¹. Многие слова в белорусском списке передаются без значка¹, тогда как в украинском они пишутся с¹: *пріємна* — *прієм'на*, *вбче* — *вбч'не*, *невинности* — *невин'ности*, *оучинковъ* — *оучин'ковъ*, *крьвды* — *крьв'ды*, *вспомогъ* — *в'спомогль*, *з невинными* — *з невин'ными*.

Некоторые исследователи утверждают, что начертание буквы *в* подобно греческой фите (Ϝ) принадлежит к числу специфических черт украинского скорописного письма²⁸. К другому выводу пришел Е. Карский, который написание *в* в виде греческой фиты считает особенностью также и белорусской скорописи²⁹. Мысль Е. Карского находит свое подтверждение в скорописных белорусских памятниках, например в списке «Диариуша» А. Филиповича и неполном московском списке «Александрии», переписанном мозырским диаконом Василием Ивановичем Менжинским в 1697 г., в которых *в* пишется в форме, напоминающей греческую фиту.

Среди тех, кто касался вопроса о старобелорусском и староукраинском скорописном письме, можно назвать Л. В. Черепнина, который в своей работе по русской палеографии определенное место отвел специфическим особенностям этих почерков. По его словам, «наибольшие отличия белорусской скорописи от украинской замечаются в начертании букв *в*, *е*, *ж*, *з*, *м*, *р*, *у*, *ф*, *ѳ*»³⁰. Насколько правильной является высказанная мысль, этого вопроса мы теперь не будем рассматривать в связи с тем, что начертания перечисленных букв, приведенные Л. Черепниным в соответствующих таблицах³¹, по техническим причинам трудно передать в данном тексте. Можно только сожалеть, что все эти различия не подкреплены в работе Л. Черепнина соответствующим фактическим материалом или ссылками на использованные источники, хотя автор, надо полагать, не без основания пришел к такому выводу.

Рассмотренные критерии (национальность автора, место возникновения памятников письменности, некоторые языковые и графико-палеографические особенности) свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что они в известной степени помогают классифицировать памятники на белорусские и украинские. При этом необходимо иметь в виду, что национальность автора, место возникновения памятника, а также палеографические особенности являются надежными критериями обычно для определения историко-литературной принадлежности памятников. Если же говорить о делении памятников на белорусские и украинские как источников для изучения этих языков (исторической грамматики и исторической диалектологии), то, кроме отмеченных критериев, в каждом конкретном случае необходимо учитывать совокупность языковых фактов, позволяющих различать белорусские и украинские памятники определенных периодов их возникновения.

²⁸ И. Каманин. Палеографический сборник. Материалы по истории южно-русского письма в XV—XVIII вв. Киев, 1899, стр. 14; I. Огієнко. Там же, стр. 285; Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 378.

²⁹ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 183.

³⁰ Л. В. Черепнин. Там же, стр. 386.

³¹ Там же, стр. 379—380, 382—385.

В. В. ЗЕЛЕНИН

УЧАСТИЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ ЮГОСЛАВИИ

Тесная дружба связывает народы Советского Союза и Социалистической Федеративной Республики Югославии. Эта дружба особенно окрепла и закалилась в годы второй мировой войны. Встретившись на берегах Дуная в конце сентября 1944 г., Советские войска и соединения Народно-освободительной армии Югославии 20 октября освободили югославскую столицу — город Белград, а через полгода праздновали победу над фашистской Германией, завоеванную ценой невиданных жертв и героических усилий.

О боевом содружестве Советской Армии и Народно-освободительной армии Югославии в годы второй мировой войны имеется значительная литература, пополнявшаяся особенно за последние годы рядом интересных работ, преимущественно благодаря огромному творческому и организационному вкладу, сделанному в разработку этой темы безвременно погибшим Маршалом Советского Союза С. С. Бирюзовым. Большое количество статей, очерков, воспоминаний и других материалов, написанных и по горячим следам событий и по прошествии длительного времени, позволяет воссоздать эту страницу советско-югославской дружбы с достаточной полнотой, хотя, разумеется, и в этой области исследователям предстоит сделать многое.

Практически совсем не исследованной оказалась другая форма советско-югославского боевого содружества. Имеется в виду участие советских людей, вырвавшихся из фашистской неволи, в боях против фашизма непосредственно в рядах Народно-освободительной армии Югославии.

В СССР в последнее время появились отдельные материалы по этой теме в форме кратких воспоминаний и газетных статей¹. В сжатой форме этот вопрос освещен в обобщающей работе В. И. Клокова². В чрезвычайно обширной югославской литературе всех жанров, посвященной народно-освободительной борьбе, до сих пор нет работ, затрагивающих интересующий нас вопрос.

По существу почти единственным материалом такого рода является документальная повесть Жики Тадича, опубликованная в Новосадском «Дневнике» в начале этого года.

¹ См. сборник воспоминаний участников движения Соппротивления «О чем не говорилось в сводках». М. Госполитиздат, 1962; В. З е л е н и н. Герои русской бригады. «Советская Россия», 4 июля 1964 г. и др.

² В. К л о к о в. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939—1945). Киев, 1961.

До последнего времени наиболее обстоятельно был освещен боевой путь Советской ударной бригады 9-го корпуса НОАЮ, сражавшейся в Словении³.

В сентябре 1943 г. из советских людей, бежавших из гитлеровских лагерей военнопленных, с принудительных работ и из рабочих команд, размещенных на территории Австрии, Италии и Югославии, во 2-ом батальоне 18-й Сочской бригады 9-го корпуса НОАЮ была создана советская (или, как ее называли, — русская) рота. Возглавил ее бывший моряк-подводник, позднее украинский партизан Анатолий Игнатьевич Дьяченко. Вскоре рота выросла в батальон, который к началу 1945 г. насчитывал около 2000 бойцов. В марте 1945 г. на базе «русского» батальона была развернута бригада в составе 5 батальонов, получившая название 1-й Советской ударной бригады Югославской народной армии. Свой славный боевой путь бригада завершила в Триесте в мае 1945 г.⁴

1-я Советская ударная бригада 9-го корпуса была самой крупной, но далеко не единственной воинской частью Народно-освободительной армии Югославии, сформированной из советских людей. Во многих бригадах, сражавшихся в самых различных районах страны, имелись «русские» батальоны и роты.

В составе 3-й Словенской бригады им. Ивана Градника, действовавшей по соседству с 18-й Сочской бригадой, с конца 1943 г. появилась русская рота. В ее составе действовал прославленный партизанский разведчик-подрывник азербайджанец Мехти Гусейн-заде, известный под кличкой «Михайло». Вместе со своим боевым другом Мирдамадом Сеидовым, известным под именем «Иван Русский», и словенскими разведчиками он совершил ряд крупных диверсий в занятом немцами Триесте⁵.

В самой отдаленной от Словении области Югославии, на крайнем юго-востоке страны, сражались македонские бригады. В мае 1944 г. сюда перешла большая группа советских людей, действовавшая с 1943 г. как русская рота в 13-м полку ЭЛАС. Первоначально советские бойцы составили роту во 2-й македонской бригаде. Позднее, когда была сформирована 5-я македонская бригада, из советских бойцов (их было около 120 человек) и югославских подразделений был сформирован 1-й батальон имени Рокоссовского⁶. Командиром батальона стал Иван Васильевич Барсуков, комиссаром — Дмитрий Алексеевич Ромахов.

Батальон имени Рокоссовского участвовал в боях за освобождение македонских городов Прилеп, Битола, Крушево, завершив свой путь в Скопле. 27 декабря 1944 г. бойцы батальона выехали на родину.

Лишь недавно стало известно о славных боевых делах русского батальона в составе 7-й Воеводинской бригады.

7 мая 1944 г. из команды грузчиков при немецкой автоколонне в с. Батайнице (севернее Белграда) бежало 10 человек. Группу возглавил Виктор Александрович Студнев. При содействии югославских патриотов советские люди скрывались в Босутских лесах, а затем перешли на Фрушку гору, где влились в 6-ю Воеводинскую бригаду. 2 июля была сформирована 7-я Воеводинская бригада в составе 3 батальонов, насчитывавшая

³ В. К л о к о в. Там же, стр. 273, 408—410; Г. Ж и л я е в. В боях и походах. Баку, 1962; Е г о ж е. Ударная бригада. В сб.: «О чем не говорилось в сводках», стр. 122—141.

⁴ В. К л о к о в. Там же, стр. 408—410; Г. А. Ж и л я е в. Ударная бригада, стр. 122—123, 140.

⁵ М. А. С е и д о в. На берегах Адриатики. В сб.: «О чем не говорилось в сводках», стр. 152—162.

⁶ И. В. Б а р с у к о в. Русская рота. Там же, стр. 243—244.

в момент формирования 600 бойцов. В ней была создана русская рота. 2 августа в бригаде был сформирован 4-й (русский) батальон. Возглавил его капитан Советской Армии Петр Максимович Оранский, попавший в плен во время обороны Севастополя и бежавший со строительства моста через р. Саву. В. А. Студнев стал комиссаром 2-й роты. Батальон насчитывал 200 бойцов.

Русский батальон 7-й Воеводинской бригады отличился в боях за освобождение Илока, Шаренграда и других городов и сел Воеводины. Осенью 1944 г. он влился в ряды Советской Армии. П. М. Оранский и его товарищи сражались в Венгрии, а день Победы встретили в Австрии⁷.

В годы войны в Славонском Броде фашистами был создан лагерь для советских военнопленных. Но они там долго не задерживались. Группами и поодиночке советские люди при активной помощи югославских подпольщиков убегали из лагеря и вливались в различные боевые части и соединения Народно-освободительной армии.

В июне 1943 г. из Славонского Брода бежала группа советских военнопленных численностью 64 человека. Все они были зачислены в русский батальон Осиекской бригады 10-й дивизии, насчитывавший 378 бойцов (из них две роты были укомплектованы советскими бойцами и одна — югославскими)⁸.

В течение длительного времени лагерь в Броде «поставлял» бойцов для НОАЮ. При активной поддержке населения из лагеря в Броде весной 1944 г. бежала новая группа военнопленных численностью около 60 человек. В мае 1944 г. в Бродской бригаде была сформирована русская рота.

В 1944 г. по инициативе командира 5 корпуса НОАЮ генерал-майора Славко Родича в 8-й ударной Краинской бригаде была создана 1-я отдельная ударная русская рота численностью 130 человек. Командиром роты стал бежавший из Брода в апреле 1943 г. Анатолий Алексеевич Болотов, комиссаром — Мирко Джурич. Русская рота отважно сражалась в Боснии. В жестоком бою под Банья Лукой 15 сентября 1944 г. А. А. Болотов был тяжело ранен.

В апреле 1944 г. в 1-й бригаде 6-й Ликской дивизии прославленного 1-го Пролетарского корпуса был сформирован 5-й (русский) батальон. Заместителем командира батальона стал уроженец Тбилиси, бывший офицер-связист Джуаншер Иванович Джеджеелава, известный под партизанской кличкой «Ваня». Д. И. Джеджеелава участвовал в разгроме воздушного десанта, сброшенного гитлеровцами 25 мая 1944 г. на центр народно-освободительного движения Югославии город Дрвар. Там он был тяжело ранен.

Приведенный перечень частей и подразделений, состоявших главным образом из советских людей, далеко не полон. Предстоит еще много работы по выявлению всех «русских» рот и батальонов. Эта работа может быть успешно проведена в тесном контакте советских и югославских историков и ветеранов войны.

Многие советские люди сражались в рядах НОАЮ небольшими группами, а часто и в одиночку. Так, в 1-м взводе 3-й роты 1-го батальона 3-й бригады 7-й ударной дивизии НОАЮ имелось русское отделение. Его составила группа советских военнопленных, бежавших из эшелона во время его движения из Германии через Хорватию. С риском для жизни А. Черноморов, Н. Бурко, Г. Усачев, Б. Моргунов, И. Павлюк, Н. Пе-

⁷ «Известия», 25, 26 февраля и 9 марта 1965 г.

⁸ Г. К. П л а т о н о в. По сигналу красной ракеты. В сб.: «О чем не говорилось в сводках», стр. 145.

рекогти, И. Голенихин, Н. Бабиченко и Н. Коваленко, проломив пол в вагоне, выпрыгнули на полотно дороги из движущегося поезда ⁹.

Единственным гражданином СССР в своей части был бывший харьковский студент-историк Сергей Леонидович Каиров, в рядах 2-й Пролетарской дивизии участвовавший в освобождении Белграда. В рядах Топлицкого партизанского отряда сотни километров прошел по Пуста-Реке, Ябланице, Копаноику бывший сапер Роман Бездольников, бежавший из немецкого лагеря в Албании. И таких было очень много. Задача историков выявить их, пролить свет на их боевые дела.

Советские люди хорошо знали, на что они идут, готовясь бежать к югославским партизанам, что ждет их в случае неудачи. Но воля к борьбе, ненависть к фашистам были сильнее угрозы самых изощренных пыток, применявшихся гитлеровскими изуверами по отношению к людям, осмелившимся бежать. Не могла, например, испугать узников в Броде даже виселица, специально установленная гитлеровцами перед казармой, превращенной в тюрьму.

Огромную помощь и поддержку попавшим в фашистскую неволю советским людям оказывали югославские патриоты. С риском для собственной жизни, для жизни своих близких они скрывали беглецов, выводили их к партизанам, предоставляли им пищу и одежду, а нередко и оружие. Долг советских и югославских историков выявить имена славных югославских патриотов, протянувших братскую руку помощи советским людям в тяжелую для них пору.

Эта братская помощь и поддержка были ярким проявлением солидарности народов Советского Союза и Югославии в борьбе против фашистской коричневой чумы, действенным выражением их братской дружбы. Советские люди, не щадя своей жизни, сражались за общее дело на далекой от родины югославской земле, внося достойный вклад в дело разгрома врага.

В рядах Народно-освободительной армии Югославии сражалось немало героических советских женщин. В батальоне, а затем бригаде, которой командовал А. И. Дьяченко, наряду с мужчинами все тяготы многотрудной и опасной партизанской жизни стойко переносили юные санитарки Антонина Гончарова, Мария Коротун, Анна Лазько и Александра Бинько. В горах Словении встретились и на всю жизнь связали свою судьбу Анатолий Игнатьевич Дьяченко и Нина Михайловна Кузьмина. Стойко несла нелегкую службу санитарки в батальоне, которым командовал Петр Оранский, Евгения Мошенская.

Бойцы и офицеры НОАЮ проявляли огромный интерес к советской жизни, к русскому языку, и советские люди стремились удовлетворить его, насколько это позволяли условия. В перерывах между боями они рассказывали о жизни в советской стране, о тех огромных успехах, которых советский народ добился в годы предвоенного строительства. Участник освобождения Белграда комиссар инженерной роты Первой пролетарской дивизии Радоня Вешович рассказывал в своих воспоминаниях, что штаб его роты немного научился русскому языку от одного русского — Владимира, который вступил в дивизию в районе Бихача, где группа советских людей бежала из немецкой неволи, уничтожив перед тем немецкий склад горючего ¹⁰.

У московского инженера Виктора Александровича Студнева сохранился документ, выданный Новосадским Комитетом Единого Народно-

⁹ А. Н. Черноморов. Прорыв. В сб.: «О чем не говорилось в сводках», стр. 163—169.

¹⁰ «Grad borbe i slobode. Beograd 1941—1944». Za štampu pripremio i uredio Radovan Blagojević. Kultura, 1964, s. 420—421.

освободительного фронта Югославии, в котором Комитет ЕНОФ выражает благодарность комиссару 2-й роты 4-го батальона 7-й Воеводинской бригады В. А. Студневу за успешное руководство курсами русского языка. Участвуя в общественной и культурной жизни своих частей, советские люди знакомили югославских друзей с советской культурой.

В рядах Народно-освободительной армии Югославии сражались представители многих национальностей Советского Союза — русские и украинцы, грузины и азербайджанцы, буряты и калмыки, татары и казахи и многие другие.

В ноябре 1944 г. погиб отважный разведчик Мехти Гусейн-заде. Советское правительство посмертно присвоило ему звание Героя Советского Союза. Орденом Красного Знамени награжден Дьяченко, орденом Отечественной войны II степени — Джеджелава.

Рождавшаяся в огне народно-освободительной борьбы новая, народная Югославия также высоко оценила отвагу и мужество советских бойцов, сражавшихся плечом к плечу с сынами народов Югославии на югославской земле.

Тремя орденами «За храбрость», двумя орденами «Партизанской звезды» III степени и орденом «За заслуги перед народом» награжден Анатолий Алексеевич Болотов. Тремя наградами СФРЮ отмечены боевые заслуги А. И. Дьяченко, а сам он вручил свыше тысячи орденов и медалей 256 бойцам и командирам 1-й Советской ударной бригады.

Здесь за немногими исключениями перечислены лишь ныне здравствующие участники незабываемых событий. Но многие пали смертью храбрых. Наш священный долг перед ними, перед их родными и близкими приложить все силы к тому, чтобы славные имена героев, их боевые дела сделать достоянием всех, кому дорога память о незабываемых днях героической борьбы против фашизма.

«ДНЕВНИК» ЯНА КОЛЛАРА

(К вопросу о формировании мировоззрения поэта)

«Дневник» Яна Коллара, крупнейшего поэта и деятеля чешского и словацкого культурно-национального Возрождения, представляет исключительный интерес. Записи Коллара, относящиеся к 1815—1819 гг., позволяют полнее представить процесс формирования его мировоззрения, рост его национального самосознания, пока еще недостаточно изученный в обширном «коллароведении». Они характеризуют и общественные идеалы, воззрения прогрессивной интеллигенции того времени.

Долгое время период жизни Коллара до Иены явно не дооценивался. Определяющим этапом в развитии национально-патриотических и общественных взглядов поэта было принято считать годы учения Коллара в Иене (1817—1819), когда он получил возможность непосредственно познакомиться с новейшими философскими системами, литературной и культурно-политической жизнью Германии.

Лишь сравнительно недавно в ряде работ современных чехословацких литературоведов и философов — Ф. Вольмана, А. Мраза, М. Пишута, К. Розенбаума, Е. Вароссовой и др. — была выдвинута иная точка зрения. Не отрицая значения «иенского» периода в жизни Коллара, исследователи считают неправомерным рассматривать духовное развитие поэта, генезис его творчества в целом в отрыве от социально-политической и культурной жизни Словакии начала XIX века. Они отмечают, что общественные идеалы Коллара, его литературно-эстетические взгляды складываются еще на родине — во время пребывания в Братиславе и Банской Быстрице. Небезынтересно в этой связи напомнить, что русский славист И. И. Срезневский, лично знавший Коллара и являвшийся одним из первых популяризаторов его творчества в России, уже в середине прошлого века свидетельствовал, что миросозерцание поэта формируется еще до обучения в Иенском университете. Срезневский писал: «Литературную деятельность свою начал он еще до выезда в Германию опытами поэтическими и собиранием памятников народной словесности. Под влиянием своих учителей и возродившейся в то время литературы чешской он развил в себе е щ е т о г д а любовь к своему народу и вообще к соплеменникам»¹.

Хотя эта точка зрения в настоящее время стала как будто общепринятой, практически она до сих пор не получила достаточно развернутого обоснования — «доиенский» период жизни Коллара продолжает оставаться неисследованным. Можно найти работы, повествующие о детских годах поэта², о его пребывании в Иене³, но нет ни одной, в которой было

¹ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 905. (Разрядка моя. — А. З.)

² См., например, P. K r i ž k o. Jána Kollára detinský vek a školárenie v Mošovcach i Kremnici. В сб.: «Jan Kollár (1793—1893)». Viedeň, 1893, s. 3—24; Krivdou prebudeny. Z básnickych prvotin Jána Kollára v Baňskej Bystrici z. r. 1812. Ibid., p. 25—29.

³ J. J a k u b e c. Jan Kollár v Jeně.— Osvěta, 1893, roč. XXIII, D. II.

бы показано, а главное доказано, значение «быстрицких» лет для формирования личности поэта.

Обычно при характеристике первых этапов биографии Коллара ссылаются на его «Воспоминания», написанные в середине 30-х годов XIX в., когда Коллар уже стал прославленным поэтом. Было установлено, что при подготовке «Воспоминаний» Коллар опирался на свои ранние дневниковые записи, получившие отзвук и в других его работах. Но этот факт не привлек к себе внимания, и ценный первоисточник фактически остался неизученным. «Дневник» был частично использован лишь Я. Якубцом в его работах, относящихся к концу прошлого века: «Ян Коллар в Иене» (1893) и «О поэтической эрудиции Коллара» (1895)⁴. Якубец, однако, относился к числу исследователей, заведомо убежденных в том, что Коллар и как мыслитель и как патриот-просветитель формировался прежде всего под воздействием иенских влияний. Дневниковые записи Коллара он употребил для подкрепления своей концепции, несколько исказив при этом общий смысл документа. К тому же Якубец вообще пренебрег такими важными аспектами «Дневника», как, например, записями Коллара о крестьянстве, выписками, характеризующими его литературные вкусы и патриотическое отношение к национальной литературе, рядом замечаний Коллара о французской революции...

* * *

Рукопись поэта лишь очень условно, вслед за Колларом, можно называть «Дневником». По преимуществу это выписки из самых различных источников. Коллар был беден и покупать дорогостоящие книги ему было не по средствам. В «Дневнике» Коллара можно встретить конспекты и цитаты из различных работ, немалое количество стихов, библиографические сведения, краткие справки о писателях и ученых, записи по теории литературы и эстетике, выписки богословского характера, понравившиеся ему сентенции и даже анекдоты. В отдельных случаях Коллар заносит в «Дневник» и свои собственные суждения и мысли, изредка делая при этом на полях пометку «meum». В основном «Дневник» велся Колларом на немецком языке, часть страниц — на французском и латыни. Некоторые записи сделаны на итальянском и греческом языках. Материалы на чешском языке занимают незначительное место.

Изучение «Дневника» Коллара позволяет предположить, что он состоит из двух частей (это отражает и пагинация — двойные листы 1—43 и 1—125), причем первая часть рукописи, по всей вероятности, относится к периоду жизни Коллара в Банской Быстрице, т. е. к 1815—1817 гг. Что позволяет сделать такое предположение?

В «Воспоминаниях», описывая быстрицкие годы, Коллар приводит в качестве свидетельства самостоятельности своего мышления уже в те годы следующее рассуждение: «Мои мысли однажды ночью 27 октября 1815 года. Доказательства, что не дозволен никакой вид смертной казни, как бы ни была велика вина». И дальше он указывает, что этот отрывок взят им из «Дневника», «сохранившегося с тех времен»⁵. Действительно, на 13 листе «Дневника» встречается эта запись о недопустимости смертной казни. Кроме того, в первой части «Дневника» содержатся записи о Вольтере, выдержки и цитаты из некоторых его произведений, выписки из Виланда, а также длинный перечень произведений писателей и философов (Р. Бойля, Д. Дидро, Н. Фрере, Ж. Мармонтеля, Ж. Ж. Руссо, Г. Болингброка, Т. Гоббса и др.), имена которых Коллар приводит и в «Воспоминаниях»,

⁴ J. J a k u b e c. O Kollárovi erudici básnické.— ČSM, 1895, roč. LXIX, sv. I.

⁵ «Vybrané spisy Jana Kollára», sv. II. Praha, 1956, s. 147.

отмечая, что он знакомился с их произведениями, живя в Быстрице. Именно в этой первой части «Дневника» многие записи Коллар ведет на чешском языке: среди них небольшой отрывок из «Мышейды» Красицкого (возможно, в переводе С. Рожнаи), «Элегия» Палковича, стихотворение Раутенкранца, патриотическое обращение к чешским писателям (из приложения к «Виденьским новинам» Громадки), большое героикокомическое стихотворение «Похвала вину», различные афоризмы и другие выписки⁶. Весь этот первый раздел «Дневника» завершается занимающим несколько листов (листы 41—43) собранием чешских, словацких и даже польских пословиц и поговорок. Очень сомнительно чтобы Коллар в Иене стал делать в своем «Дневнике» записи подобного характера.

С другой стороны, вторая часть «Дневника» (пагинация которой, как уже указывалось, снова начинается с первой страницы) открывается конспектом лекций по эстетике Генриха Людена, т. е. материалами, бесспорно относящимися уже к иенскому периоду. Косвенным доказательством того, что вторая часть «Дневника» была начата Колларом в Иене, является и ряд записей, несомненно отражающих отношение либеральных кругов иенского общества к усилению реакции после Вартбургской манифестации студенчества. Такова, например, запись о необходимости свободного развития науки и о недопустимости ограничения сферы преподавания (л. 19), протест против введения полицейского надзора в университетах (л. 21), опровержение «лживых» слухов о иенском студенчестве (л. 23) и др. Записи подобного рода Коллар мог сделать в конце 1817—начале 1818 г.

Известно, что Коллар, едва прибыв в Иену, вместе с несколькими студентами из Австро-Венгрии принял участие в Вартбургских торжествах (организованных немецким студенчеством в честь трехсотлетнего юбилея реформации и дня «битвы народов» у Лейпцига), призванных символизировать религиозное и национальное освобождение Германии. Вартбургская манифестация студенчества 18 октября 1817 г., во время которой на костре были сожжены сочинения ненавистных писателей-реакционеров Коцебу, Галлера, «Кодекс жандармерии» Кампица, § 13 «Союзного акта» и др., вызвала беспокойство реакционных правительств Священного союза. В Иену для специального расследования приехал австрийский посланник в Пруссии граф Циши (Zichy). В течение некоторого времени, пока велось следствие, венгерским студентам было запрещено посещение Иенского университета и каждый из них, как указывает Коллар в «Воспоминаниях», направил на родину церковным властям объяснительное письмо. В этом плане представляет интерес пометка Коллара в начале второй части на 22 листе «Дневника», также, по-видимому, сделанная в результате всех этих событий. Коллар записывает на немецком языке: «На этом я кончаю свой дневник». — И дальше уже на французском: «Il y a dans certain tableau une partie qu'il faut laisser dans l'ombre!». И действительно, в дальнейшем Коллар избегает делать на страницах «Дневника» записи, которые могли бы скомпрометировать его. Видимо, не случайно подавляющее большинство последующих выписок Коллара касается в основном вопросов литературно-эстетического или религиозно-богословского характера. Тем большим интерес представляет первая часть «Дневника», относящаяся, судя по всему, к периоду его жизни в Банской Быстрице и позволяющая судить о кругозоре будущего поэта, характере его общественно-политических взглядов и литературных вкусах. Она-то и рассматривается в данной работе.

⁶ Во второй части «Дневника» записей на чешском языке почти нет. Исключение составляют лишь выписки из материалов, присланных в Иену П. Шафариком.

* * *

Приезд Коллара в Банскую Быстрицу в 1815 г. вряд ли можно считать случайным. Он охотно принимает место воспитателя в семье зажиточного горожанина Кольбенгауера прежде всего потому, что в Быстрице жил С. Рожнаи. Знакомство и дружба Коллара с патриотом-просветителем, «словацким Младонем»⁷ С. Рожнаи, несмотря на всю кратковременность (Рожнаи вскоре умер), несомненно, способствовали развитию патриотических настроений у будущего поэта. «Рожнаи был первым, — писал Коллар в «Воспоминаниях», — кто понял меня, а я его; более всего, однако, меня радовало то, что я с моими патриотическими стремлениями и запросами отныне не чувствовал себя одиноким на свете, найдя душу столь же глубоко, как я, чувствующую и думающую. В садах и долинах быстрицких не раз мы скорбели и радовались, размышляя о судьбах нашего народа: скорбели о его тяжком настоящем, радовались его будущему»⁸. Возможно, что именно под влиянием дружбы с С. Рожнаи, вспоминая о котором, Коллар подчеркивал такие его качества, как «скромность, преданность своему народу — душой, телом, всей своей жизнью», в «Дневнике» Коллара появляются записи, свидетельствующие о его отвращении к «хлебным» должностям. Коллар, например, делает несколько выписок из И. Гаманна (немецкого богослова и философа, оказавшего сильное влияние на лучшие умы своей эпохи — Гёте, Гердера и др.), отвечавших, видимо, его пониманию идеи служения родине. «Тот, кто не умеет жить без подачек и милостыни, — записывает он, — кто не умеет отказать от всего ради борьбы, тому не суждено служить истине: он слишком рано станет благоразумным и послушнейшим человеком на свете, выучится кланяться и лизать тарелки. Правда, на всю свою жизнь он будет избавлен от голода и жажды, пегли и колеса» (ч. I, л. 40). Коллара несомненно привлекает в Гаманне его бескорыстное «служение истине». Он записывает (возможно, выражая свое собственное мнение о Гаманне) в «Дневнике»: «...всякое исполнение любви, приносящей доход службы он считал ограничением собственной свободы, насилием над собой» (ч. I, л. 39).

Главы из «Воспоминаний», в которых Коллар описывает свою жизнь в Быстрице, в известной мере дают представление о его патриотических настроениях уже в этот период. Но значительно ярче и многостороннее эти устремления Коллара раскрывает его «Дневник», где особое внимание привлекают записи о французской революции.

* * *

В годы жизни Коллара в Быстрице в памяти современников еще не изгладились события недавнего прошлого — освободительные антинаполеоновские войны и предшествовавшая им Великая Французская революция, оказавшая глубокое и многостороннее влияние на все страны Европы, повсюду способствовавшая общественно-политической активизации народных масс. В работах чешских историков — К. Мейдржицкой, К. Косика — убедительно показывается, как воспринималась французская революция в различных слоях населения, какой широкий отклик она вызвала, пробудив в народных массах надежды на освобождение. В то же время слухи об «ужасах» революционного террора постепенно отталкива-

⁷ «Младонь» — так Коллар называет в поэме «Дочь Славы» главу молодого поколения писателей Й. Юнгмана.

⁸ «Vybrané spisy...», sv. II, s. 142.

ли от нее представителей чешской и словацкой интеллигенции, и с течением времени отношение к ней даже среди угнетенных слоев народа (в сознании которых захватнические войны Наполеона и связанные с ними различные разорительные налоги и поборы ассоциировались с войнами французской революции) становится отрицательным. К. Косик указывает: «Известно, что в период французской революции и еще долго после нее среди чешских идеологов не нашлось никого, кто бы понял ее значение и солидаризировался с ней. Зато даже среди передовых деятелей возрождения не было недостатка в тех, кто был напуган ее ужасами и публично ее осуждал»⁹.

Столь категоричный вывод нуждается, однако, в уточнениях. Нельзя не учитывать особенностей политической атмосферы, заставлявшей чешских просветителей быть особенно сдержанными в своих высказываниях по общественно-политическим вопросам. Система Меттерниха искусственно удерживала Австрию в состоянии мертвящего «покоя». Всем было хорошо известно, что Меттерних учредил цензуру писем. Неудивительно, что отклики на актуальные события того времени, в частности на французскую революцию, действительно являются редкостью и их можно встретить лишь в документах, не предназначенных для печати.

В этом смысле «Дневник» Коллара с открыто сочувственными записями о французской революции представляет уникальный интерес. Эти записи встречаются преимущественно в первой части «Дневника» и, следовательно, относятся к быстрицкому периоду его жизни, т. е. к 1815—1817 гг.

Довольно трудно, а подчас просто невозможно установить, что является выписками, а что суждениями самого Коллара. Лишь в отдельных случаях имеются ссылки на источник, откуда взята та или иная мысль. Но несомненно одно — в записях отражается глубокий непредвзятый интерес Коллара к французской революции. Так, с пометкой «Из мыслей Жана Поля по поводу Нового Года» Коллар фиксирует: «Преходящее зло революций поправимо, потому что оно в сущности все-таки закладывает основу человеческого счастья» (ч. I, л. 38). В другом месте он выписывает, повидимому, из книги «Du congrés de Vienne» (1815—1816) (у Коллара помечено: «D. Pradt, über Congres») французского государственного деятеля, убежденного монархиста и апологета Священного союза Доминика Дюфура Прадта отрывок, в котором содержится вынужденное признание того, что французская революция вызвала отклик во всем мире: «Когда французская революция, громко заявив о себе, преобразовала общественный порядок, ее поддержали голоса, рассеянные по всему миру, и их приглушенный отголосок можно было повсюду услышать» (ч. I, л. 39).

Записи Коллара в «Дневнике» подтверждают, что еще в Быстрице начинает складываться его историческая концепция, причем, возможно, не только под воздействием западноевропейских философско-исторических теорий, но и непосредственно под влиянием окружающей действительности. Так, Коллар записывает: «Человеческий род неустанно стремится вперед. Остается лишь руководить движением, которое несет его вперед» (ч. I, л. 40). Там же, в «быстрицкой» части «Дневника», Коллар делает выписку с указанием «Вероятно, Иог. фон Мюллер»: «Бывают равнодушные времена, но то, что смело, всегда дождетя своего часа» (ч. I, л. 14). Аналогичный характер носит цитата из неизвестного источника, также в

⁹ K. K o s í k. Česká radikální demokracie. Praha, 1958, s. 84.

первой части «Дневника»: «Божественный промысел призван указывать путь, коим человеческие поколения, пребывая под вечной волей божества, должны следовать вперед — к лучшему, к добру. Он должен знать, что все зло, происходящее во времени, им же и уничтожается. Благодаря чему снова открывается возможность для возникновения свободного добра» (ч. I, л. 38).

Как отмечает Е. Вароссова, «центральная идея западноевропейского просветительского понимания истории, т. е. идея прогресса, непрерывного развития разума, вошла как основная посылка и в концепцию истории словацких просветителей»¹⁰. Так, еще до знакомства с немецкой философией Коллар (а вслед за ним и Штур) испытал влияние Вольтера и Руссо. «В их взглядах прочно укоренилось под влиянием изучения этих мыслителей сознание неизбежности изменений и отмирания старого в истории»¹¹. Лучшим доказательством того, что эти идеи были органичны для Коллара, что он разделял оптимистический взгляд на историческое развитие человеческого общества, верил в неизбежность прогресса является его дальнейшее поэтическое творчество. Так, например, спустя несколько лет поэт с огромной силой выразил эти идеи во «Вступлении» к поэме «Дочь Славы»:

Cäs vše mění, i cäsý, k vítězství on vede pravdu,
Co sto věků bludných hodlalo, zvrtné doba.

Время все меняет, и самые времена, к победе оно ведет правду,
Что сто веков блудных свершило — изменит само же время¹².

В то же время неразвитость общественных отношений в Чехии и Словакии начала XIX века, сам уровень политической жизни эпохи обуславливают историческое своеобразие взглядов Коллара. Слабость экономических позиций чешской и словацкой буржуазии исключала возможность ее революционного выступления в начале XIX века. Развитие, как убедительно доказывает К. Косик, могло происходить лишь путем реформ, путем подрыва феодализма «изнутри», причем «движущей силой, собственно, являлся даже не класс, а относительно узкий... слой интеллигенции»¹³. Естественно, что и Коллар, воспитанный на просветительских идеалах своего времени, хотя и верит, что прогресс является основным законом развития, в то же время считает, что он может быть достигнут мирным путем без революционных взрывов, жертв и кровопролития с помощью постепенных реформ. Революция неизбежна, по мнению Коллара, лишь в том случае, если правители перестают считаться «с требованиями времени». У Коллара есть запись, где говорится, что французская революция пала не из-за своих недостатков, а из-за «злости людей, которые хотели быть более республиканцами, чем сама республика». Но особенно интересен последующий ход рассуждения: если «республика пала благодаря якобинцам республики», то «монархия падет, благодаря якобинцам монархии» (ч. I, л. 41). Поскольку эта запись сделана, когда никаких «якобинцев республики» уже не было, весь ее пафос, естественно, оказывается направленным против «якобинцев монархии», т. е. наиболее твердолобых реакционеров, сторонников деспотизма. После Венского конгресса

¹⁰ E. V a r o s s o v á. Slovenské obrodenecké myslenie. Bratislava, 1963, s. 165.

¹¹ Ibid., p. 167.

¹² Я. Якубец, также цитируя в своей работе эти выписки Коллара, использует их как доказательство влияния на Коллара иенской среды, господствовавших в то время в Иене философских систем Канта, Фриза, Людена и др. См.: J. J a k u b e c. Jan Kollár v Jeně, s. 767—775.

¹³ K. K o s í k. Ibid., p. 79.

подобное суждение было как нельзя более актуальным и смелым, поскольку оно логически вело к мысли о неизбежности революции при существующих деспотических порядках, подводило к признанию ее закономерности.

В этом плане еще любопытнее запись, выделенная Колларом специальным заголовком: «Р а д и к а л ь н о е с р е д с т в о п р о т и в р е в о л ю ц и и». Не представляется возможным установить — является ли данный отрывок выпиской или он принадлежит самому Коллару. Но в любом случае эта запись красноречиво свидетельствует о направлении мысли самого Коллара. В ней говорится: «Следует удовлетворять потребности, возникающие в соответствии с нашим общественным порядком, в соответствии с идущим вперед развитием человеческого духа. Следует придать нашему общественному порядку ту форму, которая отвечает нашей сегодняшней ступени развития». И дальше конкретно перечислены институты, соответствующие данной «ступени развития»: «Представительная конституция, равное (под этим, возможно, подразумевается — пропорциональное.— А. З.) распределение налогов, свобода печати». Причем подчеркивается, что «всё это — насущные потребности времени, а не просто идеи праздных умов» (ч. I, л. 38)¹⁴.

В этой записи интересен не столько перечень реформ, предлагаемых Колларом (хотя они и являются весьма прогрессивными для того времени), сколько признание неизбежности и закономерности революционного переворота без соблюдения определенных условий.

Это ощущение необходимости остро назревших преобразований передает еще одна запись в первой части «Дневника»: «Революцию в... (одна буквенная аббревиатура неразборчива.— А. З.) могли бы пожелать только политические фанатики. Реформ же желает каждый скромный, честный гражданин, каждый государственный служащий, не впавший в рабскую зависимость, каждый разумно настроенный деятель, которому мишурный блеск орденов, крестов и пурпура не ослабил зрения, слуха и голоса сердца» (ч. I, л. 41).

Несмотря на известную противоречивость приведенных отрывков, в целом они позволяют судить о прогрессивности, даже радикальности формирующихся воззрений будущего поэта. Не случайно именно Коллар в начале 20-х годов в своем «Патриоте» призывает с оружием в руках бороться за права народа и его свободу, а его поэзия становится символом революционного протеста в чешской и словацкой литературе.

Записи Коллара дают представление о состоянии умов передовой интеллигенции того времени, в какой-то степени корректируя установившийся взгляд на то, что чешская и словацкая интеллигенция не в состоянии была понять и положительно оценить события Великой Французской революции.

* * *

В «Дневнике», преимущественно во второй его части, есть немало выписок, в которых ярко выступает характерное для идеологии молодой буржуазии, для ее формирующегося буржуазного сознания отрицание сословных привилегий.

¹⁴ Я. Якубец в своей работе «Ян Коллар в Иене» также цитирует запись «О радикальном средстве против революции» (у Якубца — «О радикальных средствах»). Однако он помещает этот отрывок в главе: «О том, как у Коллара в Иене вырабатываются поэтические и социальные взгляды», относя, таким образом, совсем к иному периоду начало формирования общественно-политических идеалов Коллара.

На страницах «Дневника», в частности, встречается такое ядовитое определение сословных привилегий, как «наследственный грех». «Можно поставить 20 против одного, — записывает Коллар в другом месте, — что дворянское звание — это заслуга человека, который 500 лет как уже мертв» (ч. II, л. 16). Там же, во второй части, Коллар приводит любопытный политический анекдот, отражающий общественную атмосферу того времени: «Разве не справедливо и не целесообразно, чтобы память о добродетелях тех, кто оказал услугу отечеству, распространялась бы и на потомков, вознаграждаемых за заслуги отцов?» — «Но в соответствии с таким принципом, повесив преступника, следует перевешать и всех его потомков!» Этот обмен репликами Коллар заключает следующей фразой: «Об этом должны подумать все те, кто опирается на заслуги своих предков, как больной подагрой на костыли» (ч. II, л. 26).

Еще более резкое выражение эта проблематика находит в первой части «Дневника», где, наряду с вопросом о сословных привилегиях дворянства, рассматривается вопрос о правах народа вообще и его низшего слоя — крестьянства, в особенности.

Часто цитируются взятые из «Воспоминаний» слова Коллара о том, что «по мере накопления опыта и знакомства с более привольной жизнью мещан в Венгрии» в нем постепенно рождалась «ненависть к угнетателям и вымогателям, скорбь над убогим, в тяжком подданстве рыдающим людом»¹⁵. Тем не менее принято обычно считать, что в силу присущей ему исторической ограниченности Коллар проходил мимо социальных противоречий. Записи в «Дневнике» (хотя они и носят типично просветительский характер), однако, доказывают, что дело обстоит совсем не так просто. Приведем наиболее яркую из них.

На листе с пометкой «Trenk» Коллар выписывает небольшой стихотворный отрывок, трактующий вопрос о правах крестьян: являются ли и они людьми, пользуются ли они плодами своего труда и, если они по происхождению не обладают преимуществами привилегированных сословий, отличаются ли они по существу хоть чем-нибудь от них? (ч. I, л. 14). Вторым стихотворения, согласно пометке Коллара, вероятно, является Фридрих Тренк (1726—1794). Характеризуемый в старых русских энциклопедиях как «австрийский авантюрист», Тренк на деле был незаурядной личностью с необыкновенной судьбой. В своей реформаторской деятельности Иосиф I опирался на некоторые его идеи, Франклин и Сен-Жермен приглашали его переселиться в Америку. Трехтомная «Автобиография» и другие литературные и публицистические произведения Тренка, особенно его политические брошюры, в которых он выступал с критикой общественного устройства и крепостничества, делают Тренка — редактора еженедельника «Друг Человечества» и газеты «Aachen Zeitung» — одной из колоритнейших фигур своего времени. На крестьянские волнения 70-х годов XVIII в. и французскую революцию Тренк откликается рядом политических брошюр, некоторые из них стали известны и в Чехии. Как отмечает Ф. Кутнар в брошюре «Meine Gedanken über die unsichtbare Leibeigenschaft des Königreichs Böhmen» (Prag, 1872), Тренк выступил за социальное и духовное освобождение крестьян, считая это необходимым условием процветания общества¹⁶.

Записанное Колларом стихотворение интересно не столько само по себе, сколько теми примечаниями (четыре пункта), которыми оно сопровождается. Скорее всего, текст, следующий за стихотворением, также яв-

¹⁵ «Vybrané spisy...», sv. II, s. 35—36

¹⁶ См. «Sb. vysoké školy pedagogické v Olomouci». Historie II. Praha, 1955, s. 32—33.

ляется выдержкой из какой-либо брошюры Тренка, хотя полностью не исключено, что его автором мог быть и сам Коллар¹⁷.

В первом пункте этого рассуждения говорится об обязанностях дворянина по отношению к обществу. «По какому праву дворянин может считать себя свободным от всех государственных повинностей...»¹⁸ Почему не требовать от дворянина, чтобы он с еще большим усердием, чем крестьянин, выполнял обязанности по отношению к государству? Коллар записывает: «Что же его (дворянина. — А. З.) поставило в привилегированное положение по отношению к неотъемлемой, самой необходимой и самой большей части народа, на которой все держится, что позволило так ее унижить? Революция во Франции доказала, в какую пропасть может слететь дворянство, если оно слишком перетянет тетиву».

Во втором пункте вопрос о положении крестьян ставится еще более резко. «Как может добрый и гуманный человек, христианин и друг человека жить со спокойным сердцем и наслаждаться благополучием, покоящемся на страдании и унижении добрых людей, питаемым слезами обездоленных подданных». И дальше автор в ярких образах рисует тягостное положение крестьянина: «Какой же добрый человек может хладнокровно вкушать за богато накрытым столом от тельца, которого отец семейства всего два часа тому назад должен был принести в господскую кухню на собственном горбу. Тельца, которого он выпил молоком своей единственной коровы, отрывая пищу от своих голодных детей. Отдайте же ему по крайней мере шкуру, чтобы холодной зимой смог он прикрыть свои босые ноги...»

В третьем пункте указывается, что «грубые злоупотребления уже неприемлемы для нашего времени» — предел им положен «просвещенными руководителями народа».

В четвертом пункте звучит требование, выражающее интересы нового класса, выходящего на арену истории, — класса молодой буржуазии: «Так заботьтесь же о том, чтобы в вашем государстве процветали искусства, науки, промышленность, торговля, мануфактуры, воспитывайте достойных последователей! Не делайте исключения для крестьян» (ч. I, л. 14).

Таким образом, проблема взаимоотношений дворянства с остальными слоями населения со всей определенностью решается в пользу наиболее угнетаемого класса — крестьянства. Разумеется, эти выписки еще не доказывают полного совпадения с ними взглядов Коллара. Однако они являются несомненным свидетельством его интереса к острейшим общественным и социальным проблемам, показателем демократической направленности мышления, критического отношения к господствовавшей общественной системе.

* * *

Немалую роль в процессе становления мировоззрения Коллара — его философских и религиозных взглядов — сыграло его знакомство с произведениями французской и английской материалистическо-атеистической литературы XVIII века, просвещавшей головы для приближавшейся революции¹⁹.

¹⁷ Запись «Тренк» находится в «Дневнике» непосредственно за рассуждением о недопустимости смертной казни, которое, как указывалось выше, принадлежит самому Коллару.

¹⁸ Здесь и далее подчеркнуто у Коллара.

¹⁹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II. 1955, стр. 107.

В «Воспоминаниях» Коллар уделяет целую главу своему соседу в Быстрице — М. Змешкалу. «Это был так называемый натуралист или свободомыслящий, — пишет о нем Коллар, — его библиотека по преимуществу состояла из книг, направленных против религии, либо сочинений так называемых мудрецов природы. Здесь были почти все произведения Вольтера, Руссо, Бейля и др. Не довольствуясь своим собранием, он одалживался еще и у знакомых... С каждой новой книгой он с нетерпением спешил ко мне, восклицая: „Опять у нас есть кое-что новенькое для чтения!“ Так случилось, что я за полтора года, благодаря пану Змешкалу, познакомился почти со всеми атеистами, натуралистами, деистами и бог знает еще с какими „истами“»²⁰. Этому признанию Коллара, однако, как-то не придавалось особого значения, поскольку далее в «Воспоминаниях» он указывал, что просветительско-атеистическая литература не оказала на него глубокого влияния, что она «скорее возбуждала любопытство, чем проникала в глубины духа...»²¹. Но сам Коллар мог недооценивать или просто даже не осознавать этого влияния. К тому же «Воспоминания» относятся к гораздо более позднему периоду, когда Коллар мог уже что-то утратить из идеалов молодости.

«Дневник» и тут помогает внести ясность. В нем имеется длинный перечень произведений тех философов и писателей, с трудами которых Коллар знакомится в Быстрице. Здесь же и краткие справки о писателях, а также выписки из отдельных произведений. То, что интерес Коллара к произведениям просветительско-атеистической литературы не был случайным, доказывает и вторая часть его «Дневника». Так, например, не только в Быстрице, но и в Иене Коллар делает выписки из Руссо. Причем Коллара интересует не только философия природы Руссо, но и такие общественно-политические проблемы, как отношение к частной собственности, происхождение неравенства и т. д.

В «Воспоминаниях» Коллар довольно резко отзывается о Вольтере. По поводу его «Поэмы о катастрофе в Лиссабоне» Коллар, например, пишет, что с отвращением отбросил ее, едва начав читать²². Записи в «Дневнике» показывают, однако, что наиболее основательно Коллар знакомится именно с творчеством Вольтера — длинный список его произведений приводится на страницах «Дневника». Кроме того, в «Дневнике» можно найти как записи Коллара о Вольтере (причем не все они носят отрицательный характер), так и выписки из его произведений. Одной из наиболее обширных является как раз выдержка из «Поэмы о катастрофе в Лиссабоне», приведенная и на французском, и на немецком языках (ч. I, л. 6—7).

Коллар выписывает строки, в которых Вольтер со свойственной ему беспощадной прозией выражает сомнение в «благости» творца, его мудрости, в целесообразном устройстве мира вообще, поскольку «этот лучший из миров» — мир чудовищных страданий и несправедливости, а его законом является непрестанное взаимное уничтожение. То, что мысль Вольтера о неразрешимом противоречии между идеей гуманного, мудрого бога-творца и существованием бессмысленного, ничем не оправданного зла и страданий на земле, привлекала внимание Коллара, доказывают и другие выписки, сделанные им из Вольтера. Так, например, Коллар фиксирует в «Дневнике» отрывок из стихотворения Вольтера «За и против» («Послание к Урании») — протест-проклятие христианству; четверостишие, обличающее церковников, из драмы «Эдип» и др.

²⁰ «Vybrané spisy...», sv. II, s. 144.

²¹ Ibid.

²² Ibid., p. 145.

В период реакции, наступившей во времена Священного союза, когда вновь усилились позиции католицизма, Вольтер своим призывом «раздавить гадину!», своими антиклерикальными и антиабсолютистскими идеями с новой силой воздействует на умы. Коллар, возможно сам не сознавая, испытывает на себе освободительное влияние идей «фернейского философа». То, что атеистические настроения у Коллара в этот период не были случайными, доказывает, например, воспроизведенный Колларом в «Дневнике» бунтарский афоризм Георга Кристофора Лихтенберга: «Наш мир, чего доброго, станет когда-нибудь столь утонченным, что верить в какого-то бога будет так же смешно, как теперь — верить в привидения» (ч. I, л. 15). Коллар помечает, что этот афоризм выписан им из «Потерянных записок» (том неразборчиво). Можно предположить, что Коллар был более широко знаком с сочинениями этого выдающегося немецкого просветителя XVIII века, одного из немногих верно оценивших значение французской революции, смелого мыслителя, последовательно выступавшего с острой критикой современного ему общественного устройства.

Нужно отметить, что влияние, оказанное иенской средой, не во всех аспектах могло быть благоприятным для Коллара. В частности, в плане формирования религиозных представлений Коллара немецкая идеалистическая философия и господствовавшие в то время в Германии различные теологические системы могли сыграть отрицательную роль, заглушить элементы складывавшегося у Коллара материалистическо-атеистического мирозерпання.

Нет никаких оснований утверждать, что Коллар стал теологом не в силу внутренних склонностей. Правда, как уже отмечалось словацкими учеными, например Е. Вароссовой, в условиях отсталой Словакии не было почвы для развития естественнонаучных интересов, бесспорно характерных, особенно в молодости, для Коллара. Кроме того, профессия теолога для юноши, не имевшего средств, была почти единственной возможностью получить образование. Тем не менее, как показывает переписка Л. Мушицкого с Вуком Караджичем, Коллар, уже заканчивая богословский факультет в 1817 г., пытался получить место секретаря у Вука Караджича²³. Во всяком случае отвращение к ханжеской религиозности всегда было присуще Коллару. С детства он восстает против лицемерия тирана-отца, мучившего всю семью непомерной набожностью. В молодые годы, еще твердо не зная, какой путь он изберет, Коллар формулирует свой взгляд на миссию священника. Понимая ее как долг просветителя, будителя своего народа, в конце своего пребывания в Иене он пишет по-чешски в «Дневнике»: «Церковь, священники и религия лишь настолько в наши времена имеют цену, насколько они стремятся раствориться в жизни и, распространяя эстетические, нравственные и духовные красоты, проложить путь подлинной человечности» (ч. II, л. 121).

Несомненно одно, хотя сам Коллар мог этого и не сознавать, круг его прогрессивно-демократических взглядов складывался не только под влиянием непосредственных жизненных впечатлений и опыта, очень сильных в Словакии гуманистическо-просветительских тенденций, но также и под влиянием знакомства с произведениями ведущих идеологов просветительства, представителей французского материализма и атеизма XVIII века, на сочинения которых в Австрии периодически налагались цензурные запреты.

²³ Письмо Л. Мушицкого В. Караджичу от 28 октября 1817 г. — L. S t o j a n o v i ć. Vukova prepiska. Beograd, 1907—1913, s. 198.

* * *

В начале XIX века в Чехии и Словакии остро встает проблема развития национального языка и литературы. Передовые деятели культуры — патриоты-будители направляют усилия на развитие национального языка, стремятся «поднять» литературу до общеевропейского уровня. Дневниковые записи показывают, что и Коллар, готовящийся вступить в литературу, полон тем же патриотическим чувством. Ряд заметок в «Дневнике» отражает пристальное внимание Коллара к языковым проблемам. Коллар записывает не только пословицы и поговорки, но и просто отдельные, видимо ранее ему неизвестные чешские слова, славянские имена и т. д.

Уже в Быстрице Коллар стремится сформулировать, каким должен быть язык вообще, чтобы удовлетворять требованиям высоко развитой литературы. Коллар подчеркивает, что язык должен быть «совершенным», «богатым различными выражениями для одного и того же предмета», «способным выразить тоньше и точнее всего движение души», должен быть «приближающимся к музыке» (ч. I, л. 37).

Не менее интересны записи Коллара, отражающие его раздумья о путях развития национальной культуры. На страницах «Дневника» Коллар не раз предостерегает от излишнего увлечения заимствованиями, которое могло нанести урон самобытному характеру еще только складывающейся национальной культуры: «совершенно естественное последствие — слишком большой прирост чужих идей уменьшает продвижение своих собственных» (ч. I, л. 39). С иронией помечает он под заголовком «На парижском реноме»: «С контрабандой мыслей все происходит так же, как при Наполеоне с контрабандой сахара и кофе; за все платят втридорога, зато наслаждаются с преувеличенным удовольствием» (ч. I, л. 40). Характерна также выписка, несомненно отражающая отношение самого Коллара к наследию античной культуры (впоследствии это получило развитие в его взглядах): «Значение древности в том, что она позволяет нам познать наше настоящее. Бездумные почитатели греков причинили много вреда. Смысл нашего образования не в погоне за всеми прекрасными установлениями, какие только можно найти, а в возможности способствовать естественному проявлению нашего своеобразия» (ч. I, л. 39; подчеркнуто у Коллара. — А. З.). Эти записи несомненно связаны с первыми практическими шагами Коллара на ниве национального языка и литературы. Как раз в эти годы в Банской Быстрице Коллар подготавливает задуманные с широкими патриотическо-просветительскими целями книги для детей — «Букварь» и «Читанку» (книгу для чтения). Изданные в 1825 г., они служили затем учебным пособием для детей в начальных школах чуть не до конца века. Именно к периоду жизни Коллара в Банской Быстрице относится и начало его литературной деятельности — его первые поэтические опыты на чешском языке.

Характерной чертой чешской и словацкой литературы эпохи Возрождения было стремление обосновать право своего народа на национальную самобытность. Этими тенденциями отмечены наиболее значительные произведения тех лет: сборники А. Пухмайера и его группы, «Муза со словацких гор» Ю. Палковича, «Поэзия» Б. Таблица и др. В этой атмосфере складываются и литературные вкусы будущего поэта. «Каждому сердцу гореть за язык свой!» — цитирует Коллар в «Дневнике» Далимилову хронику. Он выписывает и ряд стихов патриотического содержания: «В памятную книгу» И. Раутенкранца с темой любви к родине (ч. I, л. 10), патриотическое обращение к чешским писателям из приложения к «Ви-

деньским новинам» Громадки (ч. I, л. 12):

Wlastenci, Wy! uměňjm nad giné wznessenj
Dopregtež mi, a vlasti toho potěssenj,
Ze gste w sidelnjm městě řjsse rakouské
Pilně wzdelawali slawné řeči české!

О вы, патриоты! Возвышающиеся над другими своим искусством
Доставьте же мне и родине такую радость, —
В столице австрийской империи
Усердно пестуйте славную речь чешскую!

[Известное распространение в чешской литературе в этот период получает анакреонтическая поэзия, хотя для западноевропейской литературы она в этот период уже является пройденным этапом. В молодой чешской и словацкой поэзии галантная, пасторальная лирика открыла новую тему для литературы — прославление радостей жизни, способствуя процессу эмансипации сознания от религии. Особенно важной была роль анакреонтической поэзии для Словакии, где господство церкви и иезуитов в области духовной жизни было более прочным, чем в Чехии. Коллар также отдает дань увлечению анакреонтической поэзией в этот период. Он записывает большое героикомическое стихотворение, которое представляет собой юмористическую, шутливую пародию на стихотворение Б. Таблица «Кофе и вино»²⁴.

Mne gen wjno božský nárog sluge,

W nemž se dúch mug zmýwá...
Wjno piže božskym ohnem hořjm

Tuť pak w rozhorlenj
Muzy ljbam, Milostenkam dvořjm
při žertjeh a pěňj...
Mne gen wjno w nebe presazuge
Když mi v oči swjtj.

Для меня — лишь вино божественный
напиток,

Оно омывает мою душу...
Распивая вино, я горю божественным
огнем,

И разгорячившись,
С шутками и песнями —
Я целую муз, ухаживаю за красотками...
Лишь вино меня переносит на небо,
Когда оно светится у меня перед
глазами.

[Дерзкое прославление вина как одной из радостей жизни является ведущим мотивом этого стихотворения, так и называющегося «Похвала вину». Достаточно представить себе время, когда было написано стихотворение, для того чтобы оценить всю кощунственность таких, например, его строк, в которых приводится сопоставление Бога с Бахусом:

Stárj lidé nebylĭt to blázni
kterýž wjnko pili
ba u gmenem Bacha s přjsnou zbázny
gako Boha ctĭli.

Предки не были дураками
Они вино попивали
И имя Бахуса с надлежащим страхом
Нравне с Богом почитали.

И в более позднее время, в 1821 г., цензура исключила из сборника Коллара «Стихи» сонет, в котором поэт осмелился сравнить свою возлюбленную с Мадонной и Венерой одновременно.

Автора стихотворения Коллар не указывает (им мог быть С. Рожнаи, писавший стихи такого плана), да и само стихотворение из 18 четверостиший, возможно, неизвестно, так как, судя по всему, оно не предназначалось для публикации и могло дойти до нашего времени лишь благодаря какой-нибудь записи, как, например, в «Дневнике» Коллара.

Выписывает Коллар и ряд произведений немецкой и французской анакреонтики. Например, с безошибочным вкусом он выбирает из эпикю-

²⁴ В. Таблица. Poezye. D. IV. Wacow, 1812, s. 70—72.

рейской поэзии Вольтера ее лучшие, ставшие всемирно известными образцы. Почти в одно время с А. С. Пушкиным Коллар переводит знаменитое стихотворение Вольтера «A la Princesse Ulrique de Prusse»²⁵, выписывает в «Дневник» строки, посвященные маркизе дю Шатле: «Si vous voulez que j'aime encore...»²⁶, послание, с которым Вольтер отослал Фридриху Великому назад камергерский ключ и орден, и др.

Приведенные выписки, наряду с некоторыми другими материалами первой части «Дневника», не использованными в данной статье (например, рядом стихотворений на немецком языке, преимущественно сентименталистских), дают представление о литературных интересах Коллара в тот период.

* * *

В целом дневниковые записи позволяют более точно очертить круг духовных интересов молодого Коллара. Они убедительно свидетельствуют о том, что годы, проведенные в Банской Быстрице, действительно сыграли важную роль в процессе формирования его творческой личности. «Дневник» является бесспорным доказательством бурного духовного развития будущего поэта и мыслителя, вырастающего на национальной почве. Сам Коллар, оценивая впоследствии значение этого периода своей жизни, писал: «Это был переход от школьной жизни к подлинной; переход, наполненный борьбой мыслей и чувств, полный брожения; период становления основ и принципов»²⁷.

²⁵ Как указывает К. Н. Державин, на русский язык это стихотворение перевели четыре поэта: П. А. Сумароков, кн. И. А. Хованский, Д. А. Нелединский-Мелецкий и А. С. Пушкин («Недавно обольщен прелестным сновиденьем», 1817).³ К. Н. Д е р ж а в и н. Вольтер. Изд-во АН СССР, 1946, стр. 51.

²⁶ Это стихотворение также привлекло внимание А. С. Пушкина («Ты мне велишь пылать душою», 1817). Вслед за Пушкиным его переводил В. Туманский. Там же, стр. 52.

²⁷ «Vybrané spisy...», sv. II, s. 137.

СЕРБСКАЯ БАЛЛАДА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

В 1865 г. поэт Н. Ф. Щербина издает сборник хрестоматийного типа «Пчела», предназначенный «для народного чтения и для употребления при народном обучении»¹. В состав сборника, помимо молитв, отрывков из летописей, образцов русского фольклора, произведений русских писателей, работ русских историков, вошли и славянские материалы, включая переводы памятников славянского фольклора. В их числе был и перевод сербской баллады «Йова и Мара»².

Этот сборник очень скоро был замечен правящими кругами царской России. И если, осуществляя первое его издание, Щербина столкнулся с большими финансовыми трудностями, то за переиздания его он уже мог не беспокоиться³. Выполненный в духе официальной народности, сборник был рекомендован министерством просвещения в качестве обязательного пособия для начальных школ, в особенности для сельских приходских школ и воскресных школ при духовных семинариях⁴. Тираж только первых трех изданий составил соответственно 6, 8 и 10 тыс. экземпляров.

Подчеркивая реакционную направленность сборника Щербины, мы вместе с тем должны выделять в нем и такие материалы, которые сами по себе идеологически безразличны к взглядам самого составителя. К ним, в частности, относятся переводы образцов славянского фольклора, включая балладу «Йова и Мара». Ее сюжет достаточно широко известен среди индоевропейских, некоторых тюркских и других народов⁵. Его знают все южнославянские и восточнославянские народы. Русской национальной версией является баллада «Василий и Софья», в подавляющем большинстве случаев фиксировавшаяся на Севере и до сих пор там популярная.

Тем удивительнее на первый взгляд может показаться факт фоль-

¹ «Пчела». Сборник для народного чтения и для употребления при народном обучении. СПб., 1865. Историю и цели создания сборника см.: Н. О. Л е р н е р. Н. Ф. Щербина. — «Исторический вестник», СПб., 1906, № 10, стр. 226—227. Современную оценку «Пчелы» см. во вступительной статье И. Айзенштока: Н. Щ е р б и н а. Стихотворения. (Малая серия библиотеки поэта). Советский писатель, 1937, стр. 22—23.

² Впервые сербская народная поэма появилась в переводе Николая Щербины в 1860 г. Ср. сходный вариант из сб. Вука Караджича «Омер и Мейрима» в переводе Анны Ахматовой: «Сербский эпос». Составление и комментарии Н. И. Кравцова. Переводы под редакцией М. А. Зенкевича, т. II. М., 1960, стр. 397—402.

³ Последующие издания выходили в 1866, 1869 (при жизни Щербины), в 1875, 1877, 1878, 1882 гг. Полный комплект всех изданий «Пчелы» находится только в ленинградской Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, как это установила по нашей просьбе библиотекарь Ин-та славяноведения АН СССР М. А. Тимофеева.

⁴ См. приложенные к изданию 1869 г. документы Министерства народного просвещения.

⁵ См. обзор распространения этого сюжета в работах: В. Я. Е в с е в. Карельская баллада о гибели влюбленных. — «Вопросы литературы и народного творчества», Петрозаводск, 1962, вып. 35, стр. 80—91; Д. М. Б а л а ш е в. Василий и Софья (баллада о гибели влюбленных). Там же, стр. 92—106.

клорного распространения сербской национальной версии этого сюжета в переводе Щербины на Русском Севере ⁶. 16 августа 1871 г. в д. Немята ⁷ на Кенозере А. Ф. Гильфердинг записал от крестьянки М. Г. Меньшиковой «старинку» про Йову и Мару. «От кого, — спрашиваю, — ты этой старинке научилась? — Да от стариков наших слыхала, отец и другие певали. — Этот ответ показывал, что певица уже не отличала Йовы и Мары от других „старин“, которые она заимствовала от родителей...» ⁸ Гильфердинг предполагал, что сборник Щербины привезли из Петербурга грамотные муж и сын сказительницы. Однако это предположение вполне равноценно другому, что «Пчела», к 1871 г. выдержавшая три издания, могла быть доставлена на Кенозеро по официальным каналам. Кстати, д. Немята расположена совсем недалеко от кенозерского погоста, где ранее помещалась и единственная в округе приходская школа.

«Но знаменателен факт усвоения этой поэмы, — писал далее А. Ф. Гильфердинг, — безграмотною кенозерскою крестьянкою, несмотря на чуждый русскому уху склад стиха, на непонятные слова, которыми поэма пересыпана. Несмотря на все это, она в состоянии была пропеть всю сербскую поэму так же плавно и без запинки, как какую-нибудь родную былинку. Она применяла сербский стих к нашему эпическому складу, протягивая его хорейское окончание, так что оно занимало темп дактиля, она преисправно произносила слова „тамбура“, „горная вила“, „родимая майка“ и проч. Не показывают ли эти факты, что там, на Кенозере, воздух, так сказать, еще пропитан духом эпической поэзии, что эта поэзия там не только не вымирает, а даже еще ищет себе новых предметов?...» ⁹ К сожалению, А. Ф. Гильфердинг не попытался выяснить подробно историю явно местной обработки перевода баллады, исполненной М. Г. Меньшиковой, и обнаружить других возможных исполнителей ее. Опубликованные А. Ф. Гильфердингом текст сказительницы и текст Щербины позволяют сделать вывод, что текст сказительницы выглядит стройнее, в нем удалены многие «лишние» велеречивые места ¹⁰. Но о всем тексте М. Г. Меньшиковой мы не имеем представления, так как А. Ф. Гильфердинг опубликовал лишь его начало, где излагается завязка конфликта.

После поездки А. Ф. Гильфердинга долгое время о судьбе сербской баллады на Русском Севере не было никаких сведений. Лишь в 1910 г. крупный исследователь эпической традиции на берегах Белого моря А. В. Марков, наконец, сообщил: «В Сумском посаде ¹¹, представляющем собою довольно видный культурный центр Поморья, я напал на следы любопытного факта, отмеченного Гильфердингом... В Сумском посаде лет 35—40 тому назад (т. е. примерно в 1870-х гг. — Ю. С.) дети распевали эту былинку по книге „Пчела“; что же касается напева, то он кем-то был придуман и передавался от одних детей к другим. В 1903 г. я слы-

⁶ Следует отметить, что пространный перевод Щербины отличается литературными реминисценциями, подражающими стилю русского фольклора. Поскольку нахождение рукописного списка сербской баллады, с которой сделан перевод, пока неизвестно, то мы вынуждены сдержанно относиться к подлинно фольклорному происхождению оригинала и к точности сделанного перевода.

⁷ Даем современное название этой деревни ныне Каргопольского р-на Архангельской обл., у Гильфердинга — Немятова.

⁸ А. Ф. Г и л ь ф е р д и н г. Онежские былины. Изд. 4-е, т. I. М. — Л., 1949, стр. 46. Записанные от М. Г. Меньшиковой былины «Илья Муромец и голи кабацкие», «Хотен Блудович» и раннюю историческую песню «Щелкан Дудентьевич» см.: Там же, т. III, № 281—283.

⁹ Там же, стр. 47—48.

¹⁰ Там же.

¹¹ Сумской посад расположен на южном берегу Белого моря. Ныне входит в состав Беломорского р-на Карельской АССР.

шал эту же старинку на Терском берегу, в с. Поное»¹². Однако, судя по этому сообщению и публикациям А. В. Маркова, ему не удалось записать балладу. Впрочем, это не помешало собирателю утверждать, будто «Йова и Мара» попали как на Кенозеро, так и Терский берег из культурного центра, каким является Сумской посад, имеющий даже мореходное училище¹³. Утверждение А. В. Маркова выглядит частным вариантом теории распространения сюжета из одного центра и не выдерживает никакой критики. В данном случае А. В. Марков совершенно не учел ни обстоятельств распространения «Пчелы», ни того факта, что через Кенозеро, практически никогда не имевшее прямых связей с Сумским посадом, со времен незапамятных и вплоть до революции проходил петербургский тракт на Архангельск. Поэтому «культурное» влияние Сумского посада на Кенозеро выглядит более чем сомнительным.

Летом 1930 г. Е. М. Тагер подтвердила сообщение А. В. Маркова, записав на Терском берегу, тоже в с. Поной, «стих»¹⁴ про Йову и Мару. Стих записан от местной неграмотной жительницы, лет 20 перед этим перенявшей его в местной же среде. Таким образом, текст непосредственно идет от традиции, зафиксированной А. В. Марковым. Но он не был опубликован и его местонахождение неизвестно¹⁵.

Несколькими годами ранее, в 1925 г., О. Э. Озаровская записала сказку про Моряжку от слепой 70-летней Т. О. Кобелевой в д. Юбра Труфаногорской волости, что на р. Пинеге¹⁶. Сама собирательница относит происхождение этой сказки за счет бытования баллады «Йова и Мара». На наш взгляд, это предположение весьма условно. В сказке наличествуют как раз те элементы и мотивы, которые могут ее сближать равным образом и с сербской национальной версией в виде баллады «Йова и Мара», и с русской национальной версией в виде баллады «Василий и Софья». К тому же, как правильно замечает собирательница, на сказке отразилось влияние стиха об Алексее, человеке божьем, и жития (или стиха) о Петре и Февронии. Опираясь на сказанное, мы предпочитаем не связывать данный текст с балладой «Йова и Мара».

Лишь летом 1957 г. были сделаны первые после А. Ф. Гильфердинга записи, о которых мы можем судить уже не понаслышке.

В августе 1957 г. Д. М. Балашов записал опять-таки на Терском берегу в д. Тетрино Терского р-на Мурманской обл. начало стиха про Йову и Мару от А. Е. Елисейевой¹⁷. По сведениям, сообщенным нам Д. М. Балашовым, исполнительница считает текст стихом и поет напевом, типичным для русских баллад «Князь, княгиня и старицы», «Князь Михайло»,

¹² А. В. Марков. Отчет о поездке в губернии Пермскую и Архангельскую летом 1909 г. СПб., 1911, стр. 8 (Отд. оттиск «Известий ОРЯС имп. Академии наук», 1910, т. XV, кн. 4). Терским берегом называется южная оконечность Кольского полуострова, ныне входящего в состав Мурманской обл.

¹³ Там же, стр. 8.

¹⁴ Стихами или старинками на Русском Севере обычно называют произведения любых эпических жанров — былин, ранних исторических песен, баллад, духовных стихов.

¹⁵ Сообщение о записи Е. М. Тагер взято из книги О. Э. Озаровской «Пятиречье», Л., Academia, 1931, стр. 409.

¹⁶ О. Э. Озаровская. Пятиречье. № 2, стр. 31—32, прим. к тексту стр. 409—410. Нам неизвестно современное административное положение этой деревни, находившейся в 30-х годах в Пинежском р-не Архангельской обл. Повторную запись «Моряжки» сделала в 30-х годах Н. И. Рождественская. См. ее сборник «Сказки и сказы Беломорья и Пинежья», Архангельск, 1941, № 26.

¹⁷ Первое сообщение об этом см.: Д. М. Балашов. Новые записи фольклора на побережьях Белого моря. — «Русский фольклор. Материалы и исследования» Т. IV. М. — Л., стр. 418—420. Текст, любезно присланный нам Д. М. Балашовым, см. в приложении.

«Дмитрий и Домна», т. е. баллад, до сих пор бытующих на Терском берегу.

В шоле того же 1957 г. автору этих строк вместе с Ю. А. Новиковым довелось попасть в крохотную деревушку Гбляницы, расположенную на островке в северо-западной части Водлозера¹⁸. Там мы встретили 90-летнего В. В. Воробьева, слепого и почти глухого, который сам предложил сказку «про доброго молодца Ово и красную девушку Мару». Тогда мы ничего не знали об этой балладе, кроме записи А. Ф. Гильфердинга. Поразило нас, что в сказке В. В. Воробьева совершенно заметно присутствовали обороты, свойственные эпосу. При расспросах В. В. Воробьев сообщил, что сказку он, наверное, слышал от людей в Ладожском Скиту¹⁹, где воспитывался до 16 лет, т. е. до 1887 года.

Через эту деревню, основанную по преданиям беглыми солдатами во времена Петра I, еще в 30-е г. XX в. проходил почтовый тракт, соединяющий Пудогу с побережьем Белого моря. Но обычно связь Ладожского Скита с внешним миром всегда проходила через деревни восточного побережья Онежского озера, от которого он находился примерно в 40 км. Ладожский Скит был крупным, в несколько десятков дворов поселением, была там и собственная приходская школа. Поэтому занесение сюда «Пчелы» Щербины представляется более вероятным, нежели, скажем, влияния какого-то отдаленного, вроде Сумского посада, культурного центра.

К большому сожалению, запись, сделанная от В. В. Воробьева, спустя несколько месяцев была потеряна. Но сам факт записи текста, генетически не связанного с записями А. Ф. Гильфердинга и других предшественников, к тому же в новом районе, несомненно важен. Участники последующих фольклорных экспедиций МГУ с 1958 г. на всех маршрутах опрашивали жителей и о сюжете баллады «Йова и Мара». Но ни летом 1958 г., зимой и летом 1959 г. на Кенозере, ни летом 1960 г. в восточной Карелии от б. Данилова монастыря до границы с Вологодской обл.²⁰, ни летом 1961 г. на Каргопольщине не удалось наткнуться на следы сербской баллады. Только летом 1962 г. в новом лесопунктовском поселке Октябрьский, расположенном в 10 км к северу от восточной части Кенозера, участница экспедиции И. Носкова записала сказку «Ваня да Маня» от неграмотной 67-летней Е. И. Тишиной, уроженки кенозерской д. Першпахта. Сюжет баллады «Йова и Мара» здесь отчетливо заметен. В сказке имеются как раз элементы, присутствующие в переводе Щербины, и именно этими элементами она отличается от баллады «Василий и Софья», кстати, также записанной от Е. И. Тишиной²¹. К сожалению, молодая собирательница упустила возможность спросить, от кого переяла эту сказку Тишина. Можно лишь утверждать, что сказочница переяла ее именно на Кенозере, поскольку она никуда не выезжала. Но неизвестно, был ли текст переят от кого-то из местных жителей или услышан от приехавших людей.

Резюмируя, можно сказать, что перевод Щербины получил определенную популярность в основных районах бытования русского эпоса. Эта баллада фиксировалась, независимо от качества, в котором она представлялась, на Кенозере, на Водлозере, в Сумском посаде, на Терском берегу. В пяти случаях из семи имела место запись текста. Один текст опублико-

¹⁸ По административному делению входит в состав Пудожского р-на Карельской АССР.

¹⁹ Поселение, находившееся примерно в 30 км к северу от Водлозера. Ныне не существует.

²⁰ Летом 1960 г. были опрошены все родственники и знакомые В. В. Воробьева, умершего в марте.

²¹ Тексты сказки и, для сравнения, баллады «Василий и Софья» см. в приложении.

ван, местонахождение другого неизвестно, третий утерян, четвертый и пятый публикуются здесь впервые. Не следует удивляться немногочисленности записей, так как никто из собирателей, кроме участников экспедиций МГУ с 1958 г., не ставил сознательной целью поиск этой баллады.

Чем же объяснить несомненный интерес жителей Русского Севера, в особенности Поморья, к переводу Щербины? Почему ими была воспринята именно баллада «Йова и Мара», а не другие переводы, например, сербские песни кралемарковского цикла?

Если сказать в самом общем плане, что в русский эпос и на стадии его отмирания продолжали включаться переработки сюжетов, заимствованных из местных преданий, сказок, лубка и книг, то этого будет недостаточно. Ведь речь идет о судьбе конкретного сюжета.

Обращает на себя внимание давно замеченный собирателями факт, что в репертуаре Поморья баллада «Василий и Софья» отсутствует. За всю собирательскую практику только в Кеми удалось записать один вариант, но и тот собирательница считает занесенным из Заонежья²². Видимо, баллада стала там забываться не позже, чем начала распространяться книга Щербины. Познакомившись с этой книгой, поморы Сумского посада и Терского берега, вероятно, попытались компенсировать утрачиваемый стих усвоением «Йовы и Мары». Случаи компенсации или восстановления забываемого, главным образом былинных сюжетов, вообще нередки. К книге прибегают во всех районах Русского Севера, однако далеко не всюду и не всегда былинные сюжеты из книг считали культурным, чужеродным явлением. Лишь там, где эпос совсем забыт в естественной форме бытования, былина из книги воспринимается как культурное явление.

Относительно текста, происходящего из Ладожского Скита, мы затрудняемся дать какое-либо объяснение, поскольку почти ничего не известно о характере и репертуаре эпической традиции этого поселения.

Что же касается Кенозера, где баллада «Василий и Софья» очень популярна, то там «Йова и Мара» не смогла прижиться и, если текст Е. И. Тишиной местного происхождения, к чему мы склоняемся, то баллада довольно скоро превратилась в сказку.

Характерно также качество текстов, записанных Д. М. Балашовым и И. Носковой. Собирателю ныне чаще всего встречаются эпические произведения именно в виде отрывков, пересказов и сказок. Сербская баллада, попав на Русский Север, пережила в рамках местной традиции ту же судьбу, что и русские эпические произведения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1. (Йова да Мара)

Стих-то он долгой-то, он красивый был, а теперь не знаю...

Жил-был Йова да Мара,
С малолетства они в любви жили,
И с малолетства, со третьего года
Оне друг друга любили.
В одной школы они учились,

В одной умываленке умывались,
В одной купеленке купались,
В одно полотенце утирались.
Задумал Йова жениться

Как он богатый был, а она нужна²³, так не давали ему жениться.
Потом он к венцу пошел, а она умерла.

(Запись Д. М. Балашова в августе 1957 г. в д. Тетрино Терского р-на Мурманской обл. от Анны Ермолаевны Елисейевой, 49 лет. «Бабка пела этот стих, не от нее ли записан? У нее записывали стихи», — сказала при записи А. Е. Елисейева).

²² «Былины Севера». Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой, т. II. М. — Л., 1951. стр. 710.

²³ Нужна — бедная (Прим. наше. — Ю. С.).

№ 2 (Валя да Маня)

Жили два юных Валя да Маня. С трех лет любви выростали, одной водицей умывались, одним полотенцем вытирались, один сон ночью видели, одну псню вицерами пивали. И вот уже выросли, им стало по двадцать лет. Вот уже этого Иванушку надь женить отцу да матери. Валя вишь был купцёв сын, а Маня вдовы доць. А вот ему невеста никака не пада, ёму пада одна Маня. А йим не пада: «Есть невеста, во лбу, говоря, солнышко пекё, под косою луна блестит». И вот оны поехали, отец и мать, сватацы, а ён не поехал, ушел к Мане. Вот оны сватались, а невеста сказала: «Что, говорит, за день, как солнышко не пекё! А что за ночь, как луна не сияет! А что за свадьба, как жониха нет!» А вот мать сказала: «Вот, говорит, моя дорогая, у нас в поле есть вилы²⁴. А чтобы они не пали да не убило нашего сына, потому и не взяли его». Ну, вот и сосватали. Привезли невесту домой. А ёго тут не было, ён был у Мани. Ну вот, ён пришел домой, нын у них свадьба пируют. И ён с пиру-то туды сходил, к Мане, А ёна сидит, вышивает: «Мама, розой пахнёт²⁵: милый идет». — «Не глумись, моя дорогая. Твой милый давно уж другую целует, об тебе уже и думать не хочёт». А ён и был у нее. Дак вот нынече пир прошел, вот мать повела спать с молодой женой, а та, Маня, осталась. А ночью-то послал ён жою к матери своей за бумагой, черниллом и пером. Ну вот, етого ён написал: «Оденьте мне рубашку, котору Маня мне по любви вышивала, оденьте мне те башмаки, которы мне Маня по любви выбирала». Он в подушку пал и жив не стал. На утро мать прибежала: «Вставайте, дити, мой дорогие, высоко солнце на небе». Невестка открыла, а мать ей заругала: «Почёму решила моёго единого сына?» А она записочку ей подала, в ей написано, что «оденьте мне рубашку, котору Маня мне по любви вышивала, оденьте мне башмаки, которы мне Маня по любви выбирала». Мать егу записочку прочитала. Ваню понесли хоронить, а Маня и говорит: «Мама, розой пахнёт: мой милый иде». А мать говорит: «Не глумись, моя дорогая. Твой милый давно уж другую целует, об тебе уж и думать не хочёт». Маня выбежала на дорогу, увидела, что Ваню мертвого несут. «Кладите, говорит, его на дорогу. Мы с трех лет любви выростали, одной водицей умывались, одним полотенцем вытирались, один сон ночью видали, одну псню вицерами пивали и до двадцати лет вместея гуляли, а не целавливались. Дайте мне его поцеловать». Поцеловала и кончилась. Вот их похоронили, вместе руками сложили, в бору похоронили. На иной могиле вырос бор, на другой — борица²⁶. Кто по етому бору и борице ходит, тот егу старуху прокликает, будё проклинать ета старуха: двух милых разлучила, не дала им любви.

№ 3. (Василий и Софья)

У царя да у цярщи
 Было тридцать три девицы,
 Да все ёны во грамотку повыуцёны,
 Все ёны пошли да по божьим церквам,
 Все ёны сказали: да господи мой.
 А одна была Софиюшка промолвиласи,
 А Софиюшка сказала: Васильюшка мой.
 Васильева мать да догалывая была
 А на гривёнку кúпила зелёного вина,
 А на другую кúпила да зелья лютого,
 Василью подавала зеленó вино,
 А Софии подавала зельё лютоё:
 — Ты, Василий, испивай да Софии не давай,
 Ты, Софи́я, испивай да Василью не давай.
 А Василий испивал да Софии подавал,
 А Софи́я испивала да Василью подавала,
 А к утру, к свету и преставилиси,
 А Василья понесли все на гóловах,
 А Софию понесли да на правых на пляцах,
 А Василья хоронили по праву руку церкви,
 А Софию хоронили по леву руку церкви,
 На Васильи выростала золота верба,
 На Софии выростало кипаричной древо.

Тексты № 2, 3 записаны И. Носковой в августе 1962 г. в пос. — Октябрьский Каргопольского р-на Архангельской обл. от Екатерины Ивановны Тишиной, 67 лет, неграмотной, уроженки кенозерской д. Першлахта).

²⁴ Явно местное переосмысление. В переводе Щербины речь идет о «горной виле» (лесной русалке).

²⁵ Этот эпизод присутствует в переводе Щербины.

²⁶ Этот эпизод также имеется в переводе Щербины. Сербские слова «бор» и «борица» (рус. — сосна) сохранились, правда, приобрета русский смысл.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

BRANKO PETRANOVIĆ. *Političke i pravne prilike za vreme Privremene vlade DFJ*. Beograd, 1964, 232 s.

БРАНКО ПЕТРАНОВИЧ. *Политическое и правовое положение Югославии в период Временного правительства ДФЮ*

Если народно-освободительной борьбе югославские историки посвятили большое количество работ, то совершенно иначе обстоит дело с изучением периода после второй мировой войны. История развития социалистической Югославии по существу еще только начинает исследоваться в югославской историографии. Именно поэтому вызвали интерес появившиеся в последнее время статьи Б. Петрановича, посвященные первым послевоенным годам народной Югославии¹. Но эти статьи были посвящены лишь отдельным, а иногда и частным вопросам. Поэтому выход в свет монографии Петрановича, рассматривающей целый комплекс проблем политического, экономического и государственного развития Югославии в период деятельности Временного правительства, т. е. с весны 1945 г. по начало 1946 г., явился значительным событием в югославской исторической науке.

Петранович впервые вводит в научный оборот много нового материала. Автор использовал такие архивные собрания, как фонды Президиума Народной скупщины и Президиума правительства ФНРЮ, Народного фронта Югославии (НФЮ), Комиссии по строительству народной власти при ЦК КПЮ, ряда министерств и других руководящих органов. Широко использованы также пресса и различные опубликованные источники.

Работа Петрановича своеобразна. С одной стороны, автор подошел к ряду исследуемых проблем как историк. С другой — монография написана под сильным влиянием политико-юридического направления, распространенного в югославской литературе². И хотя в отличие от принадлежащих к этому направлению

работ Л. Гершковича, Ф. Чулиновича, В. Симовича, в которых в той или иной степени затрагиваются те же сюжеты³, она является в несравненно большей степени историческим исследованием, специфически правовой анализ занимает в ней подчас значительное место. Особенно это сказалось в некоторых разделах первых двух глав.

Книга открывается обзором революционных преобразований, осуществленных в Югославии в ходе народно-освободительной борьбы. Петранович констатирует, что в военно-политическом плане буржуазия к концу войны была уже разбита (стр. 22). Власть в стране принадлежала трудящимся массам, создавшим в ходе освободительной борьбы под руководством КПЮ новое, демократическое государство. Правда, в созданное 7 марта 1945 г. Временное правительство ДФЮ во главе с маршалом Тито вошли также некоторые эмигрантские лидеры, что было следствием соглашения Тито — Шубашич, представлявшего известный компромисс с частью буржуазии, а также рекомендаций Ялтинской конференции. Руководство народно-освободительным движением пошло на этот компромисс, не затрагивавший, однако, основ народной власти, в интересах упрочения международного положения новой Югославии. Разумеется, это не могло остановить развития социалистической революции, помешать осуществлению политических и экономических преобразований, назревших в стране весной 1945 г.

Первая глава книги посвящена исследованию экономических проблем. Петранович отмечает катастрофическое состояние страны к концу войны. Было

¹ См.: «Новая и новейшая история», 1964, № 3, стр. 171—172.

² Кстати, книга написана на основе докторской диссертации, защищенной автором на юридическом факультете Белградского университета.

³ L. Geršković. *Historija narodne vlasti. II dio. Od osnivanja AVNOJ-a do Ustavotvorne skupštine DFJ (1942—1945)*. Beograd, 1955; F. Čulinović. *Stvaranje nove jugoslavenske države*. Zagreb, 1959; V. Simović. *AVNOJ. Pravno politička studija*, Beograd, 1958.

уничтожено 10,8% населения страны и еще почти столько же — угнано оккупантами или вырвано из хозяйственной жизни (стр. 23). Промышленность, транспорт, сельское хозяйство подверглись разрушению, целые районы голодали, не хватало предметов первой необходимости. Все это усугублялось дезорганизацией рынка, спекуляцией, валютным хаосом. Автор подробно рассматривает организационные и экономические меры, направленные на восстановление хозяйства. Он подчеркивает решающую роль народного государства и значение революционного энтузиазма широких народных масс в восстановлении страны (стр. 29 и др.). Отдавая должное помощи ЮНРРА Югославии, Петранович справедливо выступает против ее переоценки, как это делается на Западе (стр. 31). Серьезным недостатком книги является, на наш взгляд, то, что в ней ничего не говорится о помощи Советского Союза в преодолении тяжелых последствий войны и разрухи.

Восстановление хозяйства было тесно связано с революционными преобразованиями в общественно-экономической структуре страны, с экспроприацией буржуазии. Внимательно рассматривая этот важнейший процесс социалистической революции, Петранович подчеркивает, что социалистический сектор создавался в Югославии не путем «классической национализации», а в результате конфискации имущества оккупантов и их пособников и наложения секвестра на собственность отсутствующих лиц. Петранович верно замечает, что все эти меры давали тот же результат, что и национализация (стр. 44). Они распространялись и на иностранные предприятия и на большую часть собственности югославской буржуазии.

Однако едва ли правильно прямо отождествлять, как это делает автор книги, отдельные экспроприационные меры в ходе войны с широким наступлением на капитал в 1945 г. (стр. 216). Если ограниченная экспроприация во время войны вызывалась чисто практическими соображениями и еще не была направлена против буржуазии как класса, то в 1945 г. речь шла о социалистической революции в экономике, хотя осуществлялась она в тех же общедемократических формах.

Петранович подробно анализирует различные меры, связанные с экспроприацией, и проблемы, возникавшие в связи с их осуществлением. Но обращая особое внимание на правовые аспекты, он упускает из вида другие важные моменты или ограничивается их констатацией. Так, он лишь мимоходом говорит, что многие местные органы медленно осуществляли меры, предусмотренные законом о конфискации (стр. 51), не объясняя причин этого явления. Между тем это весьма важная проблема. И не случайно срыву установленного законом срока — до

15 сентября 1945 г. — центральный орган КПЮ «Борба» посвятила специальную редакционную статью⁴.

Очень интересен и удачен раздел, посвященный аграрной реформе. Этот вопрос уже освещался в ряде работ, прежде всего в исследовании В. Стипетича⁵. В отличие от своих предшественников, занимавшихся в основном сугубо экономическими аспектами реформы, Петранович рассматривает ее в неразрывной связи с политическими процессами, с развитием классовой борьбы, особенно отмечая бешеное сопротивление католической церкви. В силу определенных условий в Югославии (как, кстати, и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы) не была осуществлена национализация земли. Автор справедливо указывает, что в результате мероприятий, сопровождавших реформу 1945—1948 гг. (создание государственных хозяйств и кооперативов, передача в социалистический сектор почти половины аграрного фонда и т. д.), она вышла за обычные буржуазно-демократические рамки (стр. 62). Тем не менее применяемая им для характеристики реформы формула «социалистическая мера» (там же) звучит, на наш взгляд, излишне категорично, предвзято грядущие события.

Много места уделяется в книге изучению смешанной, многоукладной системы югославского хозяйства, соотношения государственного, кооперативного и частного сектора, роли государства и общественных организаций в управлении экономикой. Отмечает автор и важность установления рабочего контроля (стр. 78—79).

Важнейшим процессом в общественной жизни Югославии было укрепление и развитие революционных органов власти (глава II). Остановившись на различных моментах, связанных с образованием Временного правительства ДФЮ и началом его деятельности, Петранович указывает на большое значение для укрепления международного положения и безопасности Югославии советско-югославского Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве (11 IV 1945 г.). Он справедливо подчеркивает, что СССР своим влиянием препятствовал действиям империалистических держав против Югославии (стр. 105). А это было тем более важно, что с первых же шагов новому правительству пришлось столкнуться с попытками Запада оказать на ДФЮ давление, вплоть до

⁴ «Како треба спровести у живот закон о конфискации». — «Борба», 13 IX 1945. Между прочим, Петранович считает этот срок нереальным (стр. 51), ничем, однако, не подкрепляя свой тезис.

⁵ V. Stipetić. Agrarna reforma i kolonizacija u FNRJ godine 1945—1948. Zagreb, 1954.

вооруженного. Проявлением этого явился триестский кризис в мае-июне 1945 г., которому уделяется в книге особое внимание (стр. 105—107).

Кризис закончился компромиссным соглашением, что было обусловлено необходимостью сохранения антигитлеровской коалиции в условиях, когда вторая мировая война еще не была закончена на Дальнем Востоке, и стремлением СССР, Югославии и других миролюбивых сил не допустить вооруженного столкновения между союзниками.

Верно вскрыв причину кризиса, спроводированного Англией и поддержанного США, Петранович, однако, ошибочно считает, будто СССР занял в этот момент пассивную позицию, что якобы и заставило Югославию пойти на компромисс с Западом (стр. 106). Петранович не приводит никаких аргументов в защиту такой точки зрения, довольно распространенной в югославской литературе. Между тем ряд авторов, в частности, Д. Пленча, монография которого широко используется в работе Петрановича, доказывают этот тезис тем, будто СССР лишь 21 июня 1945 г., т. е. уже после заключения в Белграде 9 июня 1945 г. компромиссного соглашения между Югославией и Западом, выступил со своей позицией по вопросу о Триесте⁶. Такая трактовка свидетельствует, очевидно, о незнании фактов. Так, еще 22 мая 1945 г., т. е. почти за три недели до Белградского соглашения, Председатель Совета Министров СССР направил президенту Трумэну послание⁷, текст которого был сообщен и Черчиллю⁸. В этом послании не только самым категорическим образом были поддержаны права Югославии, армия которой освободила Триест, но и подчеркивалась законность созданной в ходе народно-освободительной войны местной югославской администрации, т. е. народных комитетов⁹.

Больше всего, как нам представляется, удалась автору III глава, посвященная важнейшему событию политической жизни Югославии летом 1945 г.— III сессии АВНОЮ, преобразованного во Временную народную скупщину (7—26 ав-

густа 1945). Скупщина не только подтвердила основные решения II сессии АВНОЮ, но и развила их дальше применительно к новым условиям, созданным победоносным завершением освободительной борьбы и углублением социалистической революции в стране. На основе ее решений были проведены выборы в Учредительную скупщину, предусмотренные соглашением Тито—Шубашич. Вместе с тем Временная скупщина явилась ареной острой борьбы с буржуазной оппозицией. Подробно анализируя работу скупщины, Петранович убедительно показал, что все выступления оппозиционной группы во главе с вице-премьером М. Гролом означали по существу игнорирование революционных завоеваний, отрицание принципов Декларации II сессии АВНОЮ. Это особенно проявилось в отказе признать народные комитеты органами власти (стр. 113) и в яростном сопротивлении решению о федеративном устройстве новой Югославии (стр. 148—153).

Причину необыкновенной активности, развитой во Временной скупщине крохотной по численности оппозицией, объединявшей немногим более десятка депутатов, Петранович справедливо видит в ставке Грола и его группы на поддержку Запада (стр. 145, 221). Вдохновляемый контрреволюционной деятельностью террористов и реакционной буржуазии внутри страны и в эмиграции и рассчитывая на колебания части буржуазных союзников НФЮ, Грол стремился к созданию широкого оппозиционного блока (стр. 146). Отсюда и его внимание к Хорватской крестьянской партии (там же). Но все эти попытки оказались тщетными. Оппозиция потерпела во Временной скупщине решительное поражение, и 20 августа 1945 г. Грол подал в отставку с поста вице-преьера.

Тем не менее некоторые моменты политической борьбы во Временной народной скупщине остались не вскрытыми в работе Петрановича. Так, мимоходом упоминая, что кроме группы Грола все буржуазные депутаты поддержали в основном программу НФЮ (стр. 145), он никак не объясняет этого любопытного явления. Остаются, в частности, неясным вопрос, почему группа Шубашича—Шутея не выступила в скупщине вместе с группой М. Грола.

Исследуя законодательную деятельность АВНОЮ и Временной народной скупщины, автор отмечает влияние на нее советской юридической доктрины, что «было вполне понятно, принимая во внимание опыт СССР в строительстве социалистического государства и общества» (стр. 164). При этом Петранович подчеркивает, что советский опыт перенимался не механически, а в соответствии с условиями развития новой Югославии (стр. 164—165).

⁶ D. P l e n č a. Međunarodni odnosi Jugoslavije u toku drugog svjetskog rata. Beograd, 1962, s. 401.

⁷ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Т. II, М., 1957, стр. 233—234.

⁸ Там же, т. I, стр. 363—364, 365. К сожалению, ни Петранович, ни Пленча не используют «Переписку», являющуюся важным источником.

⁹ См. также «Историю Югославии». Т. II, М., 1963, стр. 252.

В освободительной борьбе и революции, в победе сил демократии и социализма и создании новой Югославии важнейшую роль сыграл руководимый коммунистами Народный фронт. Его организация и деятельность рассматриваются в последней IV главе монографии. Новые условия выдвигали необходимость дальнейшего политического и организационного развития Народного фронта, образованного еще в ходе войны. Этой цели и был посвящен состоявшийся 5—7 августа 1945 г. I съезд НФЮ. Он объединил в единое целое существовавшие отдельно организации НФ федеральных частей Югославии, создал центральное руководство Фронта, принял программу и устав. К сожалению, Петранович уделил неоправданно мало внимания работе съезда, посвятив его решениям лишь две с небольшим страницы (стр. 181—184), и фактически не проанализировал этого весьма важного события в развитии социалистической революции. Это тем более досадно, что автор имел в своем распоряжении материалы фонда НФЮ в архиве Института по изучению рабочего движения в Белграде.

Определенную ошибку Петранович допускает, на наш взгляд, и в оценке положения Народного фронта летом 1945 г. Справедливо отмечая, что НФЮ оставался единой организацией, а не был коалицией партий (стр. 178—179, 180, 183), автор не прав, когда утверждает, что коалиционные черты, присущие руководству Фронта в 1945 г., были «несущественными» (стр. 179) и лишь «формальными» (стр. 180). Именно в этот период в силу как внешних, так и внутренних факторов коалиционный аспект играл в НФЮ немалую роль. Он был результатом той сложной и гибкой политики, которую проводила КПЮ с целью закрепления и дальнейшего развития революционных преобразований в стране. Именно эта политическая линия, сочетавшая единство НФЮ снизу с коалиционностью в верхах, решительность в отстаивании завоеваний революции с осторожностью, умеренностью и необходимыми компромиссами¹⁰, нашла отражение и в программе и в уставе Фронта, которым в книге почти не уделено внимания. Петранович проявляет склонность упрощать тогдашнюю обстановку. Между тем упомянутые документы¹¹ ясно показывают, что полити-

ка определенных компромиссов — а к ней относилась и коалиционность в НФЮ — имела летом и осенью 1945 г. большое значение.

Очень интересен анализ борьбы НФЮ на выборах в Учредительную скупшину. Петранович рисует ту бешеную кампанию, которую развязала буржуазная реакция в стране и за границей, стремясь сорвать выборы и вызвать вооруженное вмешательство Англии и США. В этой связи он останавливается на таких контрреволюционных выступлениях как пресловутое послание католических епископов от 20 сентября 1945 г. (стр. 194—195), призывы лондонской эмиграции и Мачека к интервенции Запада в югославские дела, деятельность террористических банд и подпольных групп (стр. 200—201). Неразрывной частью этой кампании Петранович справедливо считает и демагогическую деятельность оппозиции во главе с Гролом, направленную на дискредитацию народной власти (стр. 196—198), и отставку 8 октября 1945 г. И. Шубачича и Ю. Шутея со своих постов в правительстве (стр. 198—199), и выступления группы М. Радич (стр. 200). Отмечается в книге и антиюгославская позиция американской печати (стр. 191).

Несмотря на противодействия реакции, НФЮ получил на выборах 11 ноября 1945 г. подавляющее большинство голосов. Попытки внутренней реакции и западных империалистов уничтожить революционную Югославию оказались тщетными. Как подчеркнул Петранович, их ожидания оказались иллюзорными ввиду твердости новой власти и ее сильных вооруженных сил¹², а также позиции СССР (стр. 221). 29 ноября 1945 г. Учредительная скупщина провозгласила Югославию Федеративной Народной Республикой. Краткой характеристикой деятельности Учредительной скупщины, принявшей 1 февраля 1946 г. первую конституцию новой Югославии, Петранович и заканчивает свою монографию.

Книга Б. Петрановича является первым исследованием важнейшего периода в истории югославской революции — тех бурных дней 1945 г., когда были окончательно закреплены завоевания 4-летней революционной борьбы и открыт путь к социализму. Сложность и широта поднятых в ней проблем предопределили характер книги лишь как начального шага в изучении указанного периода. Это обстоятельство не могло не повлечь за собой и известные недочеты в работе.

¹⁰ Некоторых аспектов этой линии коснулся Э. Кардель в докладе на V съезде КПЮ (см. «V конгресс Коммунистичке партије Југославије 21—28 јула 1948». Стенографске белешке. Београд, 1949, стр. 561—562).

¹¹ См. «Основна програмска начела Народног фронта Југославије». — «Борба», 8 VIII 1945; «Основна организациона начела Народног фронта Југославије». — «Борба», 7 VIII 1945.

¹² К сожалению, Петранович не остановился на той перестроенной роли, которую сыграла военная помощь СССР в деле перевооружения югославской армии и оснащения ее новейшей боевой техникой.

Монографии присущ ряд недостатков, некоторые из которых были отмечены выше. Одни из них частного характера, другие — более значительны. Но все это не может повлиять на положительную

оценку книги Б. Петрановича, отличающейся как фундаментальностью поднятого материала, так и серьезностью его исследования.

Л. Я. Гибианский

«Документы и материалы по истории советско-польских отношений»¹, т. I—III. М., 1963—1965

У советского и польского народов многолетние славные традиции дружбы. Понятен тот интерес, который как в Советском Союзе, так и в Польше проявляется к истории советско-польских отношений. Естественным и закономерным откликом на него явилось решение о совместном издании советскими и польскими историками 10-томной публикации документов и материалов по истории советско-польских отношений за 1917—1960 г.

Вышедшие три тома относятся к одному из самых сложных периодов в истории советско-польских отношений: с 1917 г. до заключения в марте 1921 г. мирного договора между обеими странами.

Трудящиеся массы Польши питали чувства симпатии к советскому народу, выступали в защиту первого в мире социалистического государства. Это нашло наиболее яркое выражение в деятельности Коммунистической партии Польши, последовательно борющейся за укрепление польско-советской дружбы. Однако эксплуататорские классы Польши проводили в отношении Советской России резко враждебную политику.

Первый том содержит материалы за период от Февральской революции до создания польского государства, т. е. до ноября 1918 г. Здесь документы, показывающие отношение большевиков и других партий и группировок в России к вопросу о будущем Польши. По инициативе большевиков Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял 14(27) марта 1917 г. обращение к польскому народу, в котором провозглашал право Польши на самоопределение и государственную независимость (стр. 26). Эта позиция подтверждается и рядом других документов. Так в резолюции Апрельской конференции РСДРП(б) по национальному вопросу, написанной В. И. Лениным, подчеркивалось, что лишь признание права наций на отделение «обеспечивает полную солидарность рабочих разных наций...» (стр. 64).

Взяв власть в свои руки,

¹ Редакционная коллегия: советская часть — И. А. Хренов (отв. ред.), В. У. Клюкас, Н. В. Матковский, П. Н. Ольшанский (зам. отв. ред.), Н. Р. Прокопенко, В. И. Шатагин, польская часть — Н. Гонсеровская-Грабовская (отв. ред.), Г. Альтман, В. Гостыньская, Л. Гросфельд, Т. Данишевский, Г. Яблоньский.

большевики в первом же законодательном акте — Декрете о мире — провозгласили право всех наций на самоопределение, вплоть до образования самостоятельных государств. Советское правительство безоговорочно признавало эти права за всеми народами и уже во время советско-германских мирных переговоров в Брест-Литовске решительно выступило за то, чтобы национальным группам была предоставлена «...возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путем референдума» (стр. 193). Это относилось и к Польше.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в Польше, находившейся в то время под гнетом германских и австро-венгерских оккупантов, начался мощный подъем революционного и национально-освободительного движения. Об этом в сборнике имеется много новых интересных материалов. Вместе с тем документы убедительно свидетельствуют о том, что, испугавшись Октябрьской революции, польская буржуазия стала на путь сотрудничества с русской контрреволюцией, с одной стороны, и реакционными правящими кругами Германии и Австро-Венгрии — с другой. Польские капиталисты и помещики, предавая интересы народа, шли на позорное сотрудничество с его злейшими врагами, лишь бы они «надежно охраняли их привилегии и господство эксплуатации» (стр. 171).

Осенью 1918 года, перед самым поражением Германии и Австро-Венгрии в войне, правительства этих стран, стремясь не допустить в Польшу победы трудового народа, начали постепенно передавать власть в руки реакции. Вместе с оккупационными властями польская буржуазия развернула ожесточенную борьбу с быстро нараставшим в стране революционным движением. Буржуазия стремилась направить революционное движение масс на путь национализма, посеять иллюзии, будто восстановление независимости Польши само по себе приведет к удовлетворению всех требований народа. Главное правление Социал-демократии Королевства Польского и Литвы подчеркивало в листовке, изданной в октябре 1918 г., что польская буржуазия обещает народу «независимость и свободу», но что создаваемая ею Польша «может быть только... застенком для трудящихся масс».

Листовка призывала к установлению в Польше власти трудящихся (стр. 461—462).

Польской реакции при поддержке германских и австро-венгерских, а затем французских, английских и американских империалистов, удалось одержать победу², создать польское государство, которое оказалось тюрьмой для трудового народа.

Томы II и III «Документов и материалов по истории советско-польских отношений» посвящены периоду участия буржуазно-помещичьей Польши в интервенции против Советской России.

Последовательно руководствуясь ленинской политикой мира, Советское правительство стремилось к установлению мирных добрососедских отношений с образовавшимся в ноябре 1918 г. польским государством. Оно неоднократно обращалось к польскому правительству с соответствующими предложениями (том II, док. 13, 26, 27, 31, 46 и др.).

Передовая часть польского пролетариата и его авангард — Коммунистическая рабочая партия Польши — активно выступали против империалистической политики польских правящих кругов. Во II том включен ряд документов, показывающих борьбу КРПП против захвата белорусских и украинских земель польской военной, борьбу за установление мира с советскими республиками (док. 91, 100, 147, 163 и др.).

Совершенно иной была политика правящих кругов Польши. Опасаясь революционизирующего влияния Советского государства, польская реакция стремилась отгородить польский трудовой народ от советского народа. Более того, испытывая лютую ненависть к первому в мире социалистическому государству, буржуазно-помещичьи круги Польши делали попытки задуть советскую власть в России. В то же время они вынашивали планы захвата украинских и белорусских земель.

Документы II и III томов публикации свидетельствуют о том, что польская реакция превратила страну в послушного исполнителя воли империалистических держав Запада, в их союзника в интервенции против Советской России.

В этой связи большой интерес представляет публикуемый впервые договор между Польшей и Германией от 5 февраля 1919 г., показывающий, что уже в то время, когда только что было создано польское государство, реакционные пра-

влящие круги Польши готовились к нападению на Советскую страну. В договоре говорилось, что германская сторона «гарантирует возможность осуществления польского наступления против большевиков» (т. II, стр. 85). Сразу же после заключения этого соглашения началось вторжение польских войск в пределы Советского государства.

По вопросу об агрессивной политике буржуазно-помещичьей Польши в сборниках содержится немало новых, впервые публикуемых документов, а также ряд материалов, печатавшихся в различных иностранных изданиях.

Заслуживает внимания протокол заседания Верховного совета Парижской мирной конференции от 15 сентября 1919 г., на котором обсуждалось предложение польского правительства создать полумиллионную польскую армию для наступления на Москву (том II, стр. 314). 6 ноября 1919 г. состоялась беседа Пилсудского с английским посланником в Варшаве Г. Румбольдом, во время которой также рассматривался вопрос о войне буржуазно-помещичьей Польши против Советского государства. Румбольд сообщал в Лондон о высказываниях Пилсудского во время этой беседы: «Что касается большевиков, то генерал Пилсудский объяснил, что его лшней всегда было стремление бить их, где только можно и когда только можно...» (том II, стр. 381). Для борьбы с большевизмом Пилсудский стремился к созданию союза всех соседних с Советской Россией государств на западе и русских белогвардейцев (том II, стр. 497—498).

В конце 1919 г. Советское правительство, желая скорейшего прекращения войны, снова обратилось к Польше с мирными предложениями. О том, как были приняты в Польше эти предложения, говорится в дозесении Г. Румбольда, который, после беседы с главой польского правительства 30 ноября 1919 года, сообщил своему правительству: «Г-н Падечевский сказал, что польское правительство получило от Советского правительства очень выгодные мирные предложения, которые, как я понял, удовлетворяют самые оптимальные чаяния поляков в отношении восточных границ. Конечно, они не прислушиваются к этим предложениям» (том II, стр. 375).

Показателен также документ, составленный 23 января 1920 г. в военном министерстве Польши, который характеризует позицию различных польских кругов и их прессы. В документе говорится, что, по мнению кругов, выступающих против заключения мира с большевиками, «...политическая конъюнктура указывает на необходимость продолжения, а не окончания войны и что именно эта война с большевиками может принести Польше небывалую пользу, может превратить ее в государство, имеющее зна-

² Пилсудский обращался в ноябре 1918 г. к странам Антанты с просьбой о военной оккупации ими Польши, указывая, что иначе власть в Польше может оказаться в руках большевиков (т. II, стр. 18).

чение великой державы» (том II, стр. 495).

О воинственных настроениях польских правящих кругов свидетельствует и протокол совещания начальников информационных отделов и офицеров контрразведки, состоявшегося в военном министерстве Польши 17—18 апреля 1920 г. (т. II, стр. 652). Польские агрессоры мечтали о захвате советских земель до Днепра (том II, стр. 232; том III, стр. 138), «разделе... России» (том III, стр. 57).

На войну с Советским государством Польшу усиленно толкали французские и другие империалисты. Документы сборника, например, подтверждают, что Франция считала своей целью «военный разгром большевиков» (том III, стр. 370). 25 апреля 1920 г. польские войска начали широкое, хорошо подготовленное наступление против Советского государства.

Даже Ллойд-Джордж был вынужден констатировать, что Польша «вторглась в Россию и оккупировала территорию, населенную от 20 до 30 миллионами русских». Он отмечал, что политика Польши является «империалистической и аннексионистской» (том III, стр. 141).

В III том включено много документов, отображающих борьбу КРПШ за прекращение антисоветской войны и деятельность коммунистических организаций по разоблачению военной авантюры пилсудчиков, борьбу за укрепление солидарности с советским народом, за свержение власти помещиков и капиталистов в Польше (док. 8, 13, 38, 48, 64, 134, 135 и др.).

Польское наступление привело к новому кровопролитию. Погибли тысячи советских людей. Огромные жертвы в результате агрессивной политики реакционных правящих кругов Польши понес и польский народ.

Летом 1920 г. Советское правительство было готово мириться даже с захватом Польшей ряда советских территорий, лишь бы положить конец войне. Но советские мирные предложения отклонялись реакционными правящими кругами Польши. Лишь осенью 1920 г., когда Польша фактически оказалась уже не в состоянии продолжать войну, она согласилась начать переговоры.

Однако это не означало, что правящие круги Польши действительно покончили с империалистической политикой в отношении Советской России. Характерна, например, приведенная в публикации секретная политическая инструкция польского министра иностранных дел Е. Сапеги представителям Польши за границей от 10 сентября 1920 г. Он писал, что Польша должна заключить мир, но делал при этом существенную оговорку: «если только все союзники не решат вдруг покончить с большевизмом и не предпримут солидарных действий в этом направлении» (том III, стр. 374).

Польская военщина энергично добивалась срыва начавшихся советско-польских переговоров и возобновления агрессивных действий против Советского государства. Американский посланник в Польше сообщал 18 сентября 1920 г. в Вашингтон, что «военная группировка, окружающая Пилсудского, совершенно определенно старается не допустить заключения мирного договора и подготовить Польшу к новым военным действиям» (том III, стр. 394).

Когда в октябре 1920 г. был, наконец, подписан советско-польский договор о перемирии и прелиминарных условиях мира, польская военщина неоднократно грубо нарушала его. В частности, пользуясь ее поддержкой, петлюровские войска неоднократно предпринимали атаки с территории, занимаемой польскими войсками.

Об антисоветских действиях польской военщины свидетельствует также инструкция от 18 ноября 1920 г., которую представитель польского генштаба Матушевский дал польскому военному атташе в Латвии и Эстонии:

«Наши основные устремления в отношении всей России следующие:

по возможности активное политическое вмешательство в ее текущую внутреннюю жизнь и оказание, таким образом, влияния на формирование ее в будущем, всяческое препятствование консолидации русского общества под влиянием сил резко враждебных нам, т. е. большевистских...

ослабление военной мощи России» (том III, стр. 480).

После подписания в марте 1921 г. советско-польского мирного договора изменились формы антисоветской деятельности польской реакции. Не будучи в состоянии продолжать в то время вооруженную борьбу против Советской страны, реакционные правящие круги Польши стали проводить ее иными средствами.

Подводя итоги, следует отметить, что в первых трех томах публикации содержится много новых бесспорно интересных документов. Составители проделали большую и полезную работу. Они поступили безусловно правильно, что не ограничили содержание публикации лишь документами дипломатической переписки между советским и польским правительствами. Ценность ее значительно увеличивается тем, что наряду с дипломатической перепиской приведено большое количество документов польских военных органов, в которых агрессивные антисоветские устремления правящих кругов Польши раскрываются с гораздо большей ясностью.

Полезным является включение в публикацию ряда документов об антисоветском сотрудничестве Польши и прибалтийских государств. Учитывая, что одной

из основных линий, по которой шла антивоветская деятельность польских правящих кругов в 20-х годах, были попытки заключения антивоветского польско-прибалтийского военного союза, в последующих томах этому вопросу следовало бы уделить еще больше внимания.

Вполне оправдано также включение в публикацию ряда документов, взятых из вышедших на Западе сборников английских и американских дипломатических документов.

В польское издание данной публикации не включены некоторые документы, опубликованные за последние годы в Польше в других сборниках документов (дается заголовок документа с отсылкой на соответствующее издание). Для советского же издания такой отсылки недостаточно, так как в Советском Союзе эти польские публикации имеются далеко не во всех библиотеках (см., например, том II, док. 75).

Ценность публикации значительно увеличивается в результате того, что она снабжена подробными, хорошо разрабо-

танymi примечаниями. Без них читатель то и дело оказывался бы в затруднительном положении, так как в документах, естественно, встречаются малоизвестные фамилии, организации и т. д., не всегда при помощи одних документов можно раскрыть все стороны того или иного вопроса. Следует лишь пожелать, чтобы примечания были максимально документальными и точными (в изданных сборниках отдельные неточности, к сожалению, имеются).

Иностранные документы переведены, как правило, хорошо, но встречаются некоторые случаи неточного перевода. Учитывая, что многие документы даются в публикации в переводе с польского и других языков, вопросу о качестве переводов в будущем желательно уделять еще больше внимания.

Издателями рецензируемой публикации проделана большая и безусловно полезная работа. Вышедшие три тома представляют серьезный интерес для многих советских историков.

В. Сунмс

НАЧАЛО ЦЕННОГО ТРУДА

Недавно вышел из печати I том «Польской литературы периода реализма и натурализма»¹. Так озаглавлена IV серия многотомного издания, посвященного польской литературе XIX и XX вв. и рассчитанного на шесть серий, которые должны охватить историю польской словесности от третьего раздела Польши до второй мировой войны (1795—1939). Это издание особого, смешанного типа: сочетает очерки по истории словесности с антологией и библиографией. Адресованный самому широкому читателю, этот коллективный труд создается под руководством Института литературных исследований Польской академии наук. К участию в нем привлечены виднейшие специалисты и в их числе такие крупные ученые, как Ю. Книжановский, С. Пягонь, З. Швейковский, К. Выка, С. Жулкевский, Г. Маркевич и др. Упомянутый том — первая из опубликованных книг задуманного издания. Но и по ней уже можно составить некоторое представление о характере и научной актуальности подготовляемого труда.

I том «Польской литературы периода реализма и натурализма», вышедший под редакцией Я. Кульчицкой-Салони, Г. Маркевича и З. Жабицкого, посвящен поэтам, дебютировавшим накануне вос-

стания 1863 г. или же вскоре после него, т. е. тем, в чьем творчестве преломилось столкновение романтических и антиромантических тенденций в момент превращения реализма в господствующее направление. Всей серии в целом предпослано в открывающем ее томе «Введение», где кратко анализируются общественно-исторические условия развития литературы в 1863—1890-х годах, обосновывается периодизация и дается общая характеристика литературного процесса, его своеобразия, удельного веса отдельных поэтических жанров и направлений. Автор его Ю. Книжановский лаконично и убедительно изложил суть историко-литературной проблематики в том ее виде, в каком она предстает в свете новейших исследований. Особый раздел «Программы и литературные дискуссии» (автор Я. Кульчицкая-Салони) отведен анализу литературно-эстетической мысли этого времени. Здесь освещена роль периодической печати в литературном процессе, борьба литературно-эстетических течений и концепций в критике, их сущность и их влияние на эволюцию жанровой системы, а также на развитие понятий об общественно-воспитательной и художественно-познавательной функциях искусства. Раздел «Общая библиография польской литературы периода реализма и натурализма», написанный Г. Маркевичем, кроме классификации по рубрикам основной массы литературоведческих работ, содержит также перечень ценнейших мемуаров, ос-

¹ «Literatura polska w okresie realizmu i naturalizmu», t. 1. *Obraz literatury polskiej XIX i XX wieku. Seria IV. Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa, 1965, 492 s.*

новых исторических исследований и трудов по истории культуры, необходимых для уяснения общественно-исторической обусловленности развития польской словесности, ее национальной специфики, ее связи с зарубежными литературами, ее взаимодействия с другими видами искусства и наукой. Нельзя не отметить, что библиография эта составлена так, что может служить методологическим образцом превосходной, глубоко продуманной систематизации.

Антологическая часть книги, снабженная комментариями, составлена по принципу персоналий. Выписки текстов, преимущественно целых стихотворений, предпосылаются краткие очерки жизни и творчества писателей. Не имея возможности остановиться на каждом из них, я ограничусь лишь общим указанием на то, что все они, хотя и с разной степенью эрудиции и в различной манере, написаны, однако, подлинными знатоками своего дела, и назову авторов. Итак, очерк о Л. Совицком и очерк о В. Стебельском написаны Р. Таборским, о Ф. Фаленском — Ю. Кшижановским, об А. Асныке — А. Нофер, о «Программной поэзии раннего позитивизма» — Я. Бадзевским, о К. Свидзиньском — Я. Деткой, о В. Белзе и В. Ордоне (Шандере) — Т. Тышкевич, о Мироне (А. Мишо) — Е. Комаром, о В. Гомулицком — З. Либерой, о М. Конопницкой и М. Бартус — А. Бродской, о К. Глинском и Б. Червеньском — Ю. Спытковским, о В. Загурском, Родоце (М. Бернацком) и А. Урбанском — С. Фрыбесом и, наконец, о В. Высоцком — Я. Зентарской. В конце каждого очерка приводятся библиографические данные о всех значительных изданиях сочинений с обязательным указанием первого из них, а из последующих переизданий — наиболее доступного для современных читателей; затем указываются биографические материалы, важнейшие критические высказывания о писателе его современников, специальные работы по частным проблемам и обобщающие труды о его творчестве и, наконец, в качестве последнего слова науки — новейшие исследования. Особое внимание уделяется малоизученным поэтам, чьи произведения ныне стали библиографической редкостью, хотя для своего времени были весьма характерны, и поэтому знание их совершенно необходимо для правильного осмысления классического наследия. Составители представили в книге наряду с классиками также и второстепенных авторов, и благодаря этому читатель вооружается соответствующим масштабом для соизмерения талантов, получая более объективное, более полное и конкретное представление об истинном уровне и состоянии тогдашней литературы, чем из ряда известных литературоведческих трудов. Это, конечно, не значит, что пред-

принятое издание избавляет от необходимости написания новой, марксистской истории польской литературы, но, с другой стороны, никакая история не может дать множества преимуществ, какими обладает рассматриваемый нами труд.

Если судить по вышедшему тому, то можно отметить, даже стремясь сказать лишь самое основное, по крайней мере, три достоинства начатого издания. Первое из них то, что данный тип работы обеспечивает возможность непосредственно, так сказать, по горячим следам, сопоставить историко-литературные суждения о художнике с впечатлениями о лучших образцах его творчества и одновременно ориентироваться в библиографии о нем. Это особенно важно для студентов, приобретающих первые навыки самостоятельного научного мышления. Второе достоинство, вытекающее из указанной структуры труда, — это возможность огромной экономии времени, которая, как известно, становится ныне проблемой номер один отнюдь не только для студентов, учителей и любознательных читателей, но и для опытейших специалистов-литературоведов. Данный тип работы в значительной мере решает эту проблему, позволяя исследователям, занятым разработкой более узких вопросов, черпать для себя, при неизмеримо меньших затратах труда и времени, почти все необходимые сведения общего порядка. И, наконец, третье несомненное достоинство издания заключается в том, что проделанная авторами работа (накопление огромного материала, его предварительная обработка и систематизация) создает необходимые предпосылки для написания фундаментального обобщающего труда по истории литературы. Инициаторы издания избрали внешне, быть может, и не очень эффектный, но зато плодотворный и верный путь научного обобщения. В этой связи уместно высказать и некоторые пожелания.

Я хотел бы коснуться построения IV серии. Непосвященному читателю трудно доискаться, по какому принципу распределяется материал по томам. Согласно сообщению «От редакции» три первых тома отводятся писателям, дебютировавшим во времена, примыкающие к восстанию 1863 г., т. е. частью еще продолжавших повстанческо-романтические традиции прежней поэзии, а частью уже порвавших с ними и поддавшихся влиянию позитивистско-либеральной и консервативно-антиромантической идеологии. Причем I том, как мы знаем, посвящен поэтам; II должен охватить прозаиков, за исключением исторических романистов. Последние вместе с драматургами, критиками и историками литературы, по словам редакции, войдут в III том. В IV том предполагается включить писателей, вступивших в литературу около 1880 г. — тех, в творчестве ко-

торых проявились либо черты натурализма, либо антипозитивистская тенденция (как, например, у социалистов и литераторов, группировавшихся вокруг журнала «Глос»), а также региональных писателей (большей частью поэтов-самоучек, вышедших из народа). Таким образом, ни один из принятых принципов построения (по родам, направлениям и периодам) не выдерживается. Во всяком случае III том обещает стать смесью всего того, что по каким-либо причинам не вместились в другие тома. Разумеется, нельзя преувеличивать значение подобного рода систематизации, носящей в значительной мере условный характер. Но каким бы условным и механическим

ни казалось на первый взгляд то или иное распределение материалов по томам, в серийном издании все-таки есть уже некоторое обобщение фактов и, следовательно, его обоснованность не безразлична для читателя. Конечно, сейчас, когда IV серия находится в печати, поздно думать об устранении этой погрешности. И если я останавливаюсь на ней, то совсем не ради самоцельного упрека, а лишь в надежде на то, что высказанные здесь соображения окажутся, может быть, небесполезными для продолжающих работу над остальными сериями этого во многих отношениях ценного труда.

И. К. Горский

ШЕВЧЕНКО И БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА¹

Библиография по теме «Шевченко и болгарская литература» — колоссальна. Тему эту разрабатывали и разрабатывают целые поколения ученых и писателей как болгарских, так и советских. Появляются первые крупные монографии. В 1963 г. вышла книга украинской ученой Олены Шпилевой, в прошлом году — рецензируемый труд крупного ученого-слависта, профессора Симеона Русакиева.

Его книга о Шевченко — результат многолетних исследований, кропотливой работы. Во введении автор книги говорит о своих предшественниках — С. Чилингирове, С. Станимирове, И. Шипманове, Б. Пеневе, о виднейших представителях пролетарско-революционной мысли Болгарии, которые писали о Шевченко, упоминает имена многих болгарских и советских литературоведов, которые касались данной темы. Глава «Бессмертный певец свободы» свидетельствует о том, что автору хорошо известны работы по шевченковедению. В то же время его книга — бесспорно свежий, своеобразный взгляд на такое оригинальное явление в мировой литературе, как поэзия Шевченко.

Во второй главе «Тарас Шевченко и болгарская литература перед освобождением» большой интерес представляет раздел о Р. Жинзифове. Весьма тщательно анализируются переводы этого первооткрывателя Шевченко в болгарской литературе, а также его оригинальные стихи, в которых чувствуется влияние великого поэта, угадываются родственные черты, объясняющиеся общностью исторических судеб болгарского и украинского народов.

О Л. Каравелове существует очень большая литература, но и тут автор де-

монстрирует самостоятельность своего научного мышления. С. Русакиев безусловно прав, полемизируя с буржуазными историографами, говорившими об отходе Л. Каравелова от революционно-демократической идеологии после 1875 г. Он убедительно доказывает, что Л. Каравелов остался верен своим революционно-демократическим взглядам, изменив лишь тактику своей политической деятельности. Касаясь роли Шевченко в творческой эволюции Каравелова, С. Русакиев справедливо указывает, что буржуазное литературоведение решало этот вопрос в неприемлемом для нас компаративистском духе. Его же исследование построено на совершенно иной основе — определении значения художественного опыта великого украинского поэта для самостоятельного развития Каравелова-поэта.

Используя материалы из своей ранее вышедшей книги «Петко Рачев Славейков и русская литература» (1956), С. Русакиев исчерпывающе анализирует проблему «Шевченко и Славейков». Он подробно рассмотрел даже ранние редакции переводов из Шевченко, записанные в тетради первой половины 60-х годов, а также незаконченный перевод баллады «Тополя».

Отмечая воздействие Шевченко на Х. Ботева, автор книги напоминает о работах болгарского коммуниста А. Величкова, жившего в эмиграции на Украине и в свое время занимавшегося этой проблемой. Кратко говорится о творчестве В. Поповича, Ц. Гинчева и П. Иванова. Подводя итоги этой части исследования, С. Русакиев справедливо подчеркивает, что благодаря своему влиянию на поэтов и читателей, Шевченко как бы становился участником освободительной борьбы болгарского народа.

Третья глава книги посвящена роли Шевченко в литературе 1878—1917 гг.

¹ Симеон Русакиев. Тарас Шевченко и българската литература. — «Наука и изкуство», София, 1964, 379 стр.

В этот период передовые болгарские писатели, как и раньше, опирались на достижения русской и украинской литературы, в частности на творчество Шевченко. С. Русакиев приводит конкретные факты, свидетельствующие о знакомстве И. Вазова с произведением украинского поэта, в частности на основании переписки с В. Умановым-Капдуновским. По-новому рассмотрен вопрос о влиянии Шевченко на поэму Вазова «Грамада» и другие его произведения, на творчество Тодора Г. Влайкова. Новой страницей в шевченковедении является часть главы, посвященная Цанко Церковскому (анализ поэм «На Руманя» и «Ружа»), а также Христо Д. Максимову-Мирчо, в некоторых стихотворениях которого улавливаются отзвуки шевченковских мотивов и интонаций.

В 90-х годах в Болгарии возникает пролетарское литературное движение. В некоторых первых произведениях молодой пролетарской литературы «Песните ми» Г. Бакалова и «Думы мои, думы мои» чувствуется революционный огонь Шевченко, его ритмика.

Широкой популяризации творчества украинского поэта способствовали и хрестоматии для изучения словесности. Так, в трехтомной хрестоматии С. Костова и Д. Милева помещены переводы Христо Кесякова. Новые переводы дают И. Белев, А. Ихчев, С. Дринов и С. Чплингиров. В книге дан тщательный анализ переводов, их достоинств и недостатков.

Важное значение имеет раздел, посвященный литературоведению. В нем дан подробный критический обзор литературы о Шевченко в болгарской печати после освобождения: работ А. Ихчева, С. Чплингирова, С. Станмирова, румынского автора К. Доброджану-Геря, книги о Шевченко (1914) П. Шишманова, по существу заложившей научные основы болгарского шевченковедения. Болгарский ученый дал яркий образ Шевченко, показал его мировое значение и роль в литературном развитии Болгарии. Вместе с тем С. Русакиев указывает и на слабые черты книги И. Шишманова, последователя культурно-исторической школы, допускавшего и компаративистские сопоставления.

Четвертая глава книги посвящена периоду после Великого Октября до 1944 г., когда в Болгарии особенно обострились социальные противоречия, классовая борьба. На территории Болгарии оказалась группа украинских белоэмигран-

тов-националистов. На поводу у них пошли некоторые реакционные болгарские писатели и критики, выдвигавшие в статьях о Шевченко так называемый «украинский вопрос». С. Русакиев дает верную политическую оценку этой реакционной литературе. Отдельно рассматриваются работы объективистского плана, в которых собран фактический материал, но не всегда высказываются правильные взгляды (Д. Шелудько, Б. Пенев). Острую полемику с реакционными литераторами вели представители пролетарской литературы Г. Бакалов («Г-н Ст. Чплингиров и „дух“ Шевченко», 1934), Т. Павлов («Проблема Шевченко», 1939) и др. Прогрессивные, демократические силы широко отметили 125-летие со дня рождения украинского поэта (1939).

Последняя глава книги посвящена современности — периоду после 9 сентября 1944 г. Победа народной революции создает все условия для широкой популяризации Шевченко, глубокого его понимания. Создаются новые адекватные переводы, например, сначала однотомное, а затем двухтомное издание в переводах Д. Методиева. В анализе этих переводов С. Русакиев обнаруживает прекрасное знание украинского оригинала и высокую эстетическую требовательность.

При внимательном чтении книги можно заметить отдельные мелкие недочеты. Так, на стр. 16—17 говорится о несохранившихся драматических произведениях Шевченко и упоминается «Никита Гайдай». В целом драма эта не сохранилась, но большой отрывок из нее напечатан в 1841 г. На стр. 18 в связи со сборником «Три года» упоминаются поэмы «Еретик» и «Ведьма». Последнее произведение написано позже, а первая поэма в сборник не вошла. На стр. 27 упоминается поэма «Княгиня». Так называлась повесть, а название поэмы — «Княжна» и т. д.

В целом книга профессора Русакиева дает практически исчерпывающее представление о распространении поэзии Шевченко в Болгарии, о ее влиянии на различных этапах развития болгарской литературы. Она является ценным вкладом в сравнительное литературоведение. Мы не можем не выразить ее автору глубокой признательности за ценный труд, укрепляющий исконную, неразрывную дружбу наших братских народов.

Е. П. Кирилук

«*Narodne epske pjesme*». I. Priredio: Olinko Delorko. II. Priredila: Maja Bošković-Stulli. «*Pet stoljeća hrvatske književnosti*», knj. 24—25. Zagreb, 1964, 222 i 290 s.

«Народные эпические песни». I. Подготовил Олинко Делорко. II. Подготовила Майя Бошковиц-Стулли. «Пять столетий хорватской литературы». Загреб, 1964.

Югославская фольклористика располагает значительным числом различных антологий по народной эпической поэзии, многие из которых дают довольно полное представление об основном сюжетном составе, о циклах и героях сербско-хорватского эпоса. При всем том фольклористы Югославии не считают сколько-нибудь решенной задачу создания избранного свода эпических песен, достаточно полно показывающего богатство и разнообразие этого жанра. Периодически появляются новые сборники, в которых отражаются творческие поиски и новые точки зрения на историю и состав эпоса. Последнее по времени издание этого рода вышло в серии «Пять столетий хорватской словесности». Ранее в этой же серии — наряду с произведениями писателей — изданы сборники народных лирических песен, народной прозы, народной драмы, пословиц и загадок.

Авторы рецензируемого издания справедливо отмечают как недостаток существующих антологий и хрестоматий некоторое однообразие и инерцию в подборе текстов и в их расположении: составители часто обращаются к одному и тому же ограниченному кругу источников, из которых берут одни и те же тексты. Композиция сборников основывается на привычных, устоявшихся понятиях о циклах. При таком подходе многие прекрасные, типичные для сербско-хорватского эпоса песни остаются за пределами антологий, многие превосходные варианты оказываются затерянными на страницах специальных изданий или в рукописных собраниях. Традиционное деление эпических песен на циклы, нередко условное и формальное, не раскрывает всего художественного и исторического многообразия эпики, а в ряде случаев и препятствует включению в состав эпической классики многих сюжетов.

М. Бошковиц-Стулли и О. Делорко в своем двухтомнике многое сделали для того, чтобы преодолеть сложившиеся шаблоны и показать возможности более свободного и новаторского подхода к старому материалу. Серийный характер издания определил границы в отборе песен. Исходя из принятого в современной югославской науке мнения о единстве народной словесности сербов и хорватов, составители считают национальное разграничение записанных в разное время и в разных местах текстов относительным и условным и видят его смысл преимущественно в чисто практическом отборе мате-

риалов, собранных в Хорватии и примыкающих к ней районам с икавским наречием. Читатель не встретит поэтому в сборнике песен из циклов о Неманичах, о Косовском бое (хотя событие это и его герои в некоторых песнях упоминаются) и др. Эпизодически попадают песни о Марко Краљевице, причем не основные. Очевидно, что с точки зрения репертуара (и, пожалуй, преимущественно именно с этой точки зрения) эпический материал, записанный в Хорватии, обладает своими особенностями. Впрочем, известно, что такими особенностями отличаются и другие географические центры бытования сербско-хорватского эпоса.

Составители использовали большое количество источников, в том числе классические и полужабытые сборники, рукописные коллекции. В примечаниях даны ссылки на варианты.

Тексты подобраны с большим вкусом и знанием дела. Видно, что составители ценили в текстах сюжетную полноту и художественную цельность, искусство эпического изображения, стремились к тематической широте, не боясь в ряде случаев включать в сборник произведения, промежуточные между юнацкими песнями и балладами или романами. В совокупности семьдесят пять текстов, представленных в двух томах, ярко раскрывают историческое и художественное своеобразие юнацкого эпоса. Отдельные песни, включенные в сборник, заслуживают особо высокой оценки. Такова, например, песня, а в сущности поэма «*Nikolica Jelečki knez*» (том I, № 19), — столь трагического содержания, с такой могучей силой выражающая народное чувство патриотизма в характерных эпических формах, так ярко рисующая героический образ матери-славянки, что эту песню с полным правом можно поставить в ряд лучших произведений европейского народного эпоса.

Дискуссионным представляется принятое в сборнике распределение песен по разделам. Составители, безусловно, сделали важный шаг вперед, положив в основу классификации эпики такие существенные признаки, как художественное содержание песен, отношение их к действительности, характер связей с традицией. Плодотворно и хорошо обоснованное выделение разделов песен с мифическим, сказочным и новеллистическим содержанием, хотя в некоторых случаях отнесение песен к этим разделам можно оспаривать. Возражение вызывает чрез-

мерно расширительное толкование понятия «песни исторического содержания». Наряду с произведениями о действительных или вымышленных событиях политической истории, с произведениями, отражающими народную борьбу с внешним врагом, в раздел исторической эпикки отнесено большое число песен, историзм которых состоит в том, что их коллизии — семейные, личные, общественные — могут в конечном счете быть исторически объяснены. Но в этом смысле любая народная песня исторична, ибо она возникает и живет на почве народной жизни. В самом деле, ничего специфического для собственно исторической эпикки нет в таких песнях первой книги, как, скажем, «Poginuo jedno za drudiĵem» (№ 15) — о трагической судьбе влюбленных, которые разлучены злыми родственниками и гибнут (эта песня не более исторична, чем «Ромео и Джульетта» или многочисленные баллады на сходную тему), или «Snaha Jelena i djever Pavle» (№ 28) — о кровавой семейной драме, вызванной столкновением страстей, или «Nauk pernog buzdošana» (№ 24) — типичная новелла об укрощении жены мужем-бедняком и т. д.

Очевидно, что понятие «историческая эпика» применительно к песням сборника нуждается в существенных уточнении

ях и в дальнейшей дифференциации. В частности, песни собственно исторические (конечно, в этическом смысле слова) должны быть отделены от обширной группы героических песен неисторического содержания. Эпическая героика как важнейший идейный и художественный признак народного эпоса может обнаруживать себя в сюжетных коллизиях разного плана, и это вполне наглядно видно на материале первой книги рецензируемого сборника. Задача классификации народной эпикки будет выполнена тем успешнее, чем последовательнее будет учитываться это важное обстоятельство.

Рецензируемая книга не только хорошо служит делу популяризации народной эпикки среди современного читателя, но и способствует дальнейшей разработке важных проблем истории эпоса.

Хотелось бы также выразить надежду, что лучшие песни, собранные в этой книге, станут со временем известны и русскому читателю в поэтических переводах, и тем самым подлиннее сокровища поэзии братских народов Югославии войдут в нашу культуру, подобно тому как давно стали ее достоянием многие песни из сборника Вука Караджича.

Б. Н. Путилов

НОВАЯ ГРАММАТИКА СЕРБСКО-ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА¹

Более 150 лет прошло со времени появления первой грамматики сербско-хорватского языка, составленной гениальным Вуком Караджичем. С тех пор научное изучение сербско-хорватского языка, особенно его диалектов, значительно продвинулось благодаря усилиям как сербских и хорватских ученых, так и ученых других стран. После краткой и не во всех отношениях совершенной грамматики Вука Караджича появились грамматики Дж. Даничича, Т. Маретича, С. Новаковича, А. Белича, а в последнее время — грамматики для высших классов гимназии М. Храсте, С. Живковича, И. Врабца в Загребе, М. Стевановича в Белграде и др. Однако сербы, хорваты и черногорцы до 1964 г. не имели полной нормативной описательной грамматики своего современного литературного языка. До этого времени наиболее полно система сербско-хорватского языка была освещена в грамматике Т. Маретича. Создавая свою грамматику, Т. Маретич имел целью прежде всего способствовать распространению литературного языка Вука Караджича на всей территории, где жили сербы и хорваты. Поэтому вполне естественно, что в первом изда-

нии своего труда (1899 г.) он канонизировал и предписывал в качестве литературной нормы систему, установленную им на материале произведений самого Вука Караджича, Дж. Даничича и устного народного творчества. Грамматика Т. Маретича наряду со словарем И. Броза и некоторыми другими произведениями успешно выполнила свою историческую роль в деле распространения и закрепления единого литературного сербско-хорватского языка. Однако Т. Маретич понимал, что язык Вука Караджича не охватывает всего богатства языковых явлений, поэтому во второе издание грамматики (1931 г.) он ввел материал из произведений других писателей-вуковцев. Между тем дальнейшее развитие языка, литературы и культуры сербов, хорватов и черногорцев, особенно интенсивное в послевоенные годы, привело к тому, что их литературный язык, в основном сохраняя структуру, установившуюся еще во время Вука Караджича, претерпел ряд значительных изменений в области лексики и морфологии. Существенно обогатился и усложнился его синтаксис, разнообразнее и богаче стала стилистика. Многие элементы, соответствовавшие норме Вука Караджича, устранены из языка или стали архаизмами. Далеко продвинулась и наука о языке: грамматические категории, языковые явления получили новое

¹ М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. «Научно дело». Београд, 1964, 692 стр.

более глубокое и объективное теоретическое освещение и объяснение. Все это (и не только это) свидетельствовало о том, что грамматика Т. Маретича устарела. Появилась острая необходимость в создании нормативной грамматики, отражающей современное состояние литературного языка. Эту потребность и призвал, по замыслу академика Михаила Стевановича, удовлетворить его труд «Современный сербско-хорватский язык», первая часть которого вышла из печати в белградском издательстве «Научно дело» в 1964 г., в столетнюю годовщину смерти Вука Караджича.

Первая часть труда М. Стевановича, кроме введения, излагающего краткие сведения о диалектах и истории сербско-хорватского литературного языка, содержит описание фонетики, морфологии и словообразования; вторая часть, которая в настоящее время находится в печати, посвящена вопросам синтаксиса. В теоретическом отношении автор в основном исходит из учения академика А. Белича, творчески применяя его, внося в ряде случаев свои дополнения и изменения. Поставив перед собой задачу изложить «грамматические системы и литературные нормы» сербско-хорватского языка, М. Стеванович значительно расширяет материал, на основе которого делает выводы и заключения. Кроме произведений Вука Караджича, Дж. Даничича, М. Глишича, Я. Веселиновича, Р. Домановича, В. Ягича, А. Ковачича и других предшественников сербской и хорватской классической литературы, он широко использует в качестве источников для исследования произведения И. Андрича, А. Белича, Б. Нушича, С. Ивничича, С. Колара, В. Назора, Б. Чопича, Л. Йонке и многих других современных сербских и хорватских писателей, ученых и публицистов (всего им привлечен материал из произведений более чем 100 авторов). Приводятся также примеры из фольклора, газет, журналов, а в необходимых случаях и из разговорной речи. Учена новейшая научная литература о сербско-хорватском языке. В книге М. Стевановича читатель найдет много тонких наблюдений автора над фактами, свидетельствующими об эволюции сербско-хорватского языка со времен Вука Караджича. Это не только самый полный, но и самый большой по объему труд по

сербско-хорватской грамматике (в первой части — 692 стр., примерно такой же по объему будет вторая часть). Большой языковой материал, привлеченный автором, использование новейших научных исследований дали ему возможность во многих случаях уточнить или дополнить правила об употреблении тех или иных форм или категорий, ранее бывших спорными или вообще не затрагивавшихся в грамматиках (см., например, разделы об употреблении кратких и полных форм качественных и притяжательных прилагательных, об употреблении форм *што* и *шта*, местоимения *чији*, собирательных числительных на *-еро*, пассивных глагольных форм, существительных с суффиксами *-ов*, *-ев*, существительного среднего рода *доба* и др.). Внесены некоторые изменения в классификацию глаголов. Много нового и интересного найдет читатель в разделе словообразования, впервые разработанного так полно и обстоятельно.

В книге проф. М. Стевановича, естественно, не все утверждения и выводы бесспорны. По-видимому, возможны иные точки зрения и взгляды по вопросу о классификации диалектов, о количестве частей речи и критериях их выделения, о включении глаголов и прилагательных, образованных с помощью префиксов, в состав сложных слов, о включении сведений по синтаксису при изложении морфологии, о том, является ли словообразование составной частью морфологии или самостоятельным разделом и т. д. Но в целом труд М. Стевановича является существенным вкладом в науку о сербско-хорватском языке.

Его книга предназначена прежде всего студентам-филологам в качестве учебника. Однако автор имел в виду и то, что эта книга необходима и широкому кругу читателей, не занимающихся непосредственно филологией, поэтому он, как правило, избегает полемики, излишних ссылок на научную литературу; сложные в теоретическом отношении проблемы излагаются достаточно просто и доступно. Книга будет с благодарностью принята как учеными-славистами, так и широким кругом читателей, интересующихся сербско-хорватским языком.

П. А. Дмитриев

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ И СТАТЬЯХ

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО ИСТОРИИ ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Эту книгу польских историков нельзя в полном смысле слова назвать коллектив-

¹ Z. dziejów stosunków polsko-niemieckich. Praca zbiorowa pod redakcją Ignacego Pawłowskiego i Janusza Wolińskiego. Warszawa, Wyd. MON, 1964, 165 s.

ным трудом. Она возникла на основе цикла публичных лекций, прочитанных видными польскими историками офицерам Военно-политической академии им. Дзержинского и Варшавского гарнизона в апреле-мае 1962 г. Организуя этот цикл лекций, Исторический отдел ака-

демпии им. Дзержинского стремился на примере развития польско-немецких отношений помочь польской военной интеллигенции разобраться в существе антипольской реваншистской пропаганды, принявшей в ФРГ опасные размеры.

Книга открывается кратким предисловием И. Павловского, характеризующим общие задачи ее по историко-возникновению. Вслед за тем следует обзор польско-немецких отношений X—XV вв. («Польша и германские государства в средние века»), написанный А. Гейштором. Заканчивая свой обзор, автор подчеркивает значение экспансии малопольских феодалов на восток для ослабления польских позиций на западе, отказа от программы воссоединения в едином государстве всех польских земель (стр. 26). Сомнение вызывает только тезис автора об очень больших успехах процесса германизации между Одрой и Лабой уже в течение XII в., его представление, что в это время территории с населением, говорившим на славянском языке, составляли всего лишь крупные острова (стр. 19).

Во второй главе («Польша и немецкие государства в XVI—XVIII вв.») Я. Волицкий, анализируя хорошо известные факты, рисует яркую картину польско-прусских и польско-австрийских отношений, четко выделяет существенные отличия между теми и другими, останавливается на проблеме польско-саксонской личной унии. Заслуживает внимания его вывод, что из двух главных немецких государств — Австрии и Пруссии — от разделов Речи Посполитой выиграла именно Пруссия, еще до того захватившая Силезию. Таким образом разделы Польши оказались важным этапом в ходе длительного соперничества Австрии и Пруссии за гегемонию в Германии, закончившегося торжеством прусских юнкеров в 1866 г. (стр. 34—35).

В третьей главе «Польша и немецкие государства в XIX и в начале XX в.», написанной хорошо известным советской исторической общественности польским историком Ст. Кеневичем, дается точная трактовка известной конвенции Альвенслебена как важного инструмента, обеспечившего Пруссии победу при Садовой (стр. 51). Здесь можно было бы пойти, пожалуй, дальше и сказать, что восстание 1863 г. и его неудача в целом определили благоприятную для Пруссии расстановку сил в Центральной Европе, обеспечив Берлину сочувствие Петербурга. На жертвах польского национально-освободительного движения рос и развивался прусско-юнкерский милитаризм. В главе довольно подробно рассматривается германизаторская политика Пруссии на Познанщине и в Силезии, определяется значение так называемого «бегства с востока» (*Ostflucht*) для неудач прусских колонизационных планов на польских землях.

В небольшой (всего на 22 стр.), но ярко написанной четвертой главе — «Польско-немецкие отношения в межвоенный период (1918—1939)» — Т. Ендрушак анализирует развитие польско-немецких отношений в связи с общей внешней политикой сначала Веймарской, а затем гитлеровской Германии, дает подробную характеристику антисоветской и прогитлеровской политики Бека. Его определение внешнеполитических причин сентябрьской катастрофы совпадает с общепринятой в нашей историографии трактовкой этого вопроса.

«Из истории антипольской пропаганды в Германии (от Бисмарка до Гитлера)» — так называется пятая глава книги. Она написана В. Томкевичем. Для советских историков-полонистов глава эта представляет особый интерес, так как систематизирует и обобщает огромный, у нас еще мало известный материал, характеризующий размах антипольской пропаганды в школе, прессе, армии, общественной науке империалистической Германии. Не столько поражают масштабы и интенсивность антипольской пропаганды внутри страны, сколько ее размах, финансовая обеспеченность, упорное продвижение за границы Германии в период Веймарской республики и гитлеризма.

Книга польских историков заканчивается краткой шестой главой Т. Цесляка «Польша и немецкая проблема после второй мировой войны», в которой, пусть в общих чертах, но точно характеризуется послевоенная обстановка в Германии, причины образования на ее территории двух немецких государств, дружественные отношения Польши с ГДР и антипольская политика ФРГ.

В заключении книги дается выборочная библиография и указатель имен. Уже сам размер книги (165 стр.) и хронологический охват событий в ней свидетельствуют о том, что речь идет в основном о научно-популярном издании. Авторы, как правило, оперируют уже известными фактами и не привлекают нового архивного материала. Впрочем, об этом они сами говорят на ее страницах. И тем не менее даже столь сжатый, синтетический обзор имеет свою научную и общественную ценность. Книга польских историков, опровергая буржуазно-националистическую историографию, особенно историографию современного остфоршунга, служит делу мира и дружбы между народами. Говоря об антипольской политике правящих классов Германии, польские историки неоднократно касаются традиций прогрессивных польско-немецких связей, подчеркивают тот колоссальный ущерб, который принесла польскому и немецкому народам агрессивная политика германского империализма.

К ИСТОРИИ ГИТЛЕРОВСКОЙ ОККУПАЦИИ В ПОЛЬШЕ

За последние годы в Советском Союзе, Польше, ГДР, ФРГ и других европейских странах опубликовано большое число работ по истории Польши периода гитлеровской оккупации, издан ряд интереснейших и ценных документов. Среди этой многочисленной литературы, безусловно, определенное место займет монографическая статья Т. Беренштейн «К вопросу о экономических причинах трений между оккупационными административными и полицейскими властями в генерал-губернаторстве (1939—1944)», напечатанная в журнале Еврейского исторического института в Варшаве¹.

Новая работа известного польского историка касается вопросов взаимосвязи политической истории оккупационного режима и экономической политики нацистов в оккупированной Польше. Правда, эта экономическая политика не является самостоятельным предметом исследования, а раскрывается в связи с выяснением проблемы взаимоотношений нацистских административных и полицейских властей.

На страницах многих исторических исследований уже неоднократно делались попытки раскрыть те острые противоречия и трения, которые существовали между генерал-губернатором Польши Г. Франком и шефом полиции и СС III рейха Гиммлером и его представителем в генерал-губернаторстве — Крюгером. Но глубокого научного анализа, изучения сути и причин напряженных отношений между Франком и Гиммлером — Крюгером пока не было сделано. Эта «неисследованность» проблемы давала возможность реакционным ученым Запада, особенно историкам ФРГ, «своеобразно» истолковывать конфликт между Франком и Крюгером, обелять Франка и перекладывать вину за преступления нацистов, со-

вершенные в Польше, только на СС и полицию. Общеизвестно заключение Международного трибунала в Нюрнберге, признавшего ответственность всего оккупационного нацистского аппарата за варварское истребление польской нации. Статья Т. Беренштейн еще одно тому подтверждение. Изучив широкий круг литературы вопроса, ознакомившись с опубликованными источниками и исследовав большое количество документальных материалов ряда архивов Польской Народной Республики², автор статьи сделал основной вывод, что в основе трений между полицейскими административными властями лежали причины экономико-политического характера. Укрепляя позиции оккупационной администрации в экономике генерал-губернаторства, Франк пытался повысить свой политический вес, влияние и значимость в иерархии нацистской верхушки. С другой стороны, Гиммлер стремился завоевать прочные экономические позиции в губернаторстве, необходимые ему для осуществления ряда политических «мероприятий», возложенных на полицию, и для укрепления своего веса в III рейхе. Борьба за долю участия административных и полицейских властей в ограблении оккупированной Польши, борьба за власть, начавшаяся уже в первые месяцы оккупации и продолжавшаяся вплоть до 1945 г., — вот одна из основных, глубинных причин конфликта.

Документированно и четко в статье показана атмосфера коррупции, разложения, финансовых махинаций, грызни, интриг и подсиживания, царившая в гитлеровских правящих кругах.

А. Ф. Носкова

¹ T. B e r e n s t e i n. O podłożu gospodarczym sporów między władzami administracyjnymi i policyjnymi w Generalnej Guberni. (1939—1944). — «Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego», 1965, № 53.

² Фондов Архива Главной комиссии по исследованию гитлеровских преступлений, Воеводского государственного архива в Люблине, архива Еврейского исторического института в Варшаве, Воеводского государственного архива в Варшаве, Архива новых актов в Варшаве, Архива министерства внутренних дел.

ТВОРЧЕСКИЙ САМООТЧЕТ КРИТИКА

Книга о Юлиане Тувиме¹ принадлежит перу недавно скончавшегося известного советского тувимоведа Марка Живова, посвятившего свыше тридцати лет жизни изучению и популяризации в СССР твор-

чества крупнейшего польского поэта первой половины XX века. Многочисленные переводы произведений Тувима, выполненные М. Живовым, — первый («К простому человеку») относится еще к 1929 году — принесли Ю. Тувиму широкую известность в Советском Союзе. В своей последней книге М. Живов стремится к исчерпывающей характеристике Юлиана

¹ М. Ж и в о в. Юлиан Тувим. Жизнь и творчество. «Советский писатель», 1963, 306 стр.

на Тувима: и как личности, и как поэта-сатирика, переводчика, детского писателя, и как популяризатора — «антологиста» (слово, созданное самим Тувимом для определения одной из сторон своей литературной деятельности) польской поэзии, а главное — как одного из оригинальнейших лириков нашего века.

За вступлением, в котором говорится об обстоятельствах знакомства автора с творчеством Тувима и о личном общении его с поэтом, следует семь глав, повествующих о детстве и молодости Ю. Тувима, о его пребывании в эмиграции (в Америке) и возвращении на родину. Параллельно с биографическими фактами М. Живов характеризует этапы творческого роста Ю. Тувима: «рождение поэта», творчество зрелого периода — «лет высоких и хмурых», лиро-эпическую поэму «Польские цветы», годы творчества «для народа и с народом» (1946—1953 гг.). Своеобразными экскурсами являются главы восьмая — «С языка Пушкина на язык Мицкевича» и девятая — «Тувим и дети».

В заключение («Смерть и бессмертие») автор раскрывает всю глубину поистине народного горя, вызванного в Польше безвременной кончиной поэта. Блестящее поэтическое наследие Тувима, признанное пафосом высокого гуманизма, восхищающее артистичным совершенством формы, стало залогом его бессмертия.

Советский критик исследует творческий путь Тувима в его развитии, подчеркивая нарастание реалистических тенденций, социальных мотивов и новаторского начала в его поэзии. Тувим на страницах книги предстает как глубоко национальный поэт, оригинально развивающий лучшие традиции польской классической литературы. Справедливо отмечается благотворное влияние на Тувима русской классической и советской поэзии. Критик подчеркивает, что знакомство с русской поэзией начала XX века, и в первую очередь с Маяковским, сказалось не только на ритмике стихов Тувима, но стало по существу началом его приобщения к великим идеям Октябрьской революции.

Тувим был исключительно тонким знатоком, переводчиком и популяризатором Пушкина, Гоголя, Некрасова, Маяковского. Его называли «посланныком русской литературы в Польшу». Он познакомил польского читателя с творчеством многих русских писателей, непринужденно и естественно раскрыв его идейно-художественное богатство, облагораживающую чистоту идеалов. М. Живов в авторе «Лиры Пушкина» видит создателя современной польской школы перевода, принципы которой оказали влияние на других поэтов, переведивших не только с русского, но и с других языков.

Критик постоянно ссылается на свою, не опубликованную ранее, переписку с Тувимом. Это повышает «интересность» книги как ценного источника литературоведческих исследований.

В целом труд М. Живова, насыщенный фактическими сведениями, библиографическими данными, снабженный весьма богатым научно-критическим аппаратом, имеет несомненное научное значение. Вместе с тем книга подкупает доступностью и яркостью изложения. Это — монография-очерк, обладающая своими собственными закономерностями, она воссоздает облик Тувима-человека, верно передает темперамент поэта — ищущий, страстный.

Глубоко эмоциональный анализ художественных произведений и биографии Тувима, теоретическая насыщенность, полемическая заостренность — все это делает книгу М. Живова интересной не только для советского читателя. Она у каждого вызывает желание ближе познакомиться с поэзией Тувима, приникнуть к этому щедрому источнику знаний о простом человеке, о тайнах его духовной жизни.

Монография М. Живова, несмотря на отдельные пробелы и недочеты, которые, к сожалению, в ней встречаются, представляет на сегодняшний день самое обстоятельное исследование творчества автора «Польских цветов», одну из лучших книг о польской поэзии в советском литературоведении.

И. Лозинский

«Проблемы современной филологии». М., «Наука», 1965, 472 стр.

12 января 1965 г. научная общественность отмечала 70 лет со дня рождения и 46 лет научной и педагогической деятельности выдающегося советского языковеда — академика Виктора Владимировича Виноградова. Этому событию посвящен изданный Отделением литературы и языка АН СССР сборник статей «Проблемы современной филологии». В сборнике опубликованы статьи около 80 ученых — лингвистов и литературоведов, в том числе и филологов Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии.

Во вступительной статье Н. Ю. Шведовой характеризуются творческий путь и научные интересы В. В. Виноградова: «его перу принадлежат более 250 работ, посвященных разнообразным проблемам общей теории и методологии языкознания, исторической фонетике и диалектологии, морфологии, словообразованию, синтаксису, современной и исторической лексикологии, фразеологии, семасиологии, лексикографии, истории литературного языка древнего и нового периодов, взаимодействию славянских языков, общезыковой и индивидуальной стилистике, языку художественной литературы, поэтике, эвристике, текстологии, орфографии, истории науки, проблемам развития и совершенствования национальной языковой культуры» (стр. 3). Этот обширный перечень вопросов одновременно характеризует и тематическое разнообразие сборника.

Творческому пути ученого посвящена и изящная статья Н. И. Коврада «О работах В. В. Виноградова по вопросам стилистики, поэтики и теории поэтической речи».

Статьи, помещенные в сборнике, представляют собой исследования, которые найдут своих читателей не только среди специалистов-филологов, но и среди широкого круга лиц, интересующихся современными проблемами филологии. Статьи как бы группируются в циклы по отдельным дисциплинам. Прежде всего следует отметить цикл, посвященный стилистике, — и функционально-языковой стилистике (статьи И. Р. Гальперина, В. Г. Костомарова), и стилистике художественной литературы (статья

Л. Долежелы и некоторые другие), и поэтике (статья Д. С. Лихачева).

Естественно, что в центре внимания оказался современный русский язык (статьи Е. А. Земской, А. В. Исаченко, Н. Ю. Шведовой, Д. Н. Шмелева и др.) и его история (статьи В. И. Борковского, В. Н. Сидорова, Ф. П. Филина и др.). Но, пожалуй, наиболее цельный цикл составляют работы по истории русского литературного языка (статьи В. П. Вомперского, В. Д. Левина, Ю. С. Сорокина и др.). Важные теоретические вопросы, связанные с формированием южнославянских литературных языков, ставятся в статье Н. И. Толстого. Интересен и «церковнославянский» цикл, включающий в себя статьи Л. П. Жуковской, Т. А. Ивановой, П. С. Кузнецова, И. Лекова, А. С. Львова.

Содержателен раздел литературоведения: здесь статьи и по древнерусской литературе (А. Ваяна, А. Н. Робинсона), и по литературе XVIII в. (П. Н. Беркова, А. Н. Соколова). Выделяется «пушкиниана» — статьи Б. П. Городецкого, Н. К. Гудзия, В. М. Жирмунского, И. С. Ильинской, Б. С. Мейлаха, В. А. Плотниковой, Н. Л. Степанова (к ним примыкает и статья А. Д. Григорьевой). Взаимодействию русской литературы с другими славянскими литературами посвящены статьи И. Бадалича и Ю. Доланского.

Статьи сборника различны по манере изложения и по своим «жанрам»: столбцы примеров из памятников — и формулы логической символики; рядом с традиционной статьей — «устный рассказ» И. Л. Андроникова и «эссе».

В конце сборника помещен список трудов В. В. Виноградова за 1955—1964 гг. (стр. 469—472)¹.

Б. С. Шварцкопф

¹ Список трудов В. В. Виноградова за 1919—1955 гг. см. в сб.: «Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию». М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 299—309.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1965 г. (продолжение)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения,
взаимоотношения братских
стран и партий, внешняя
политика

Александров Б. Политика укрепления мира (к 10-й годовщине подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между европейскими социалистическими странами). — «Новое время», 1965, № 21, стр. 1—4.

Бадовский Р. День первый, год двадцатый. К 20-летию Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоен. сотрудничестве между СССР и Польшей. — «Советские профсоюзы», 1965, № 7, стр. 34—35.

Батов П. Боевое содружество (армий стран социализма). — «Военный вестник», 1965, № 5, стр. 108—113.

Встреча актива софийской окружной и городской партийной организации с делегацией КПСС. Речь товарищей М. А. Суслова и Тодора Янвкова. — «Правда», 1965, 5 июня.

Головкин В. Договор дружбы и взаимной помощи (к 10-летию Варшавского договора). — «Коммунист Украины», 1965, № 5, стр. 61—65.

Гречко А. Надежный щит мира и безопасности народов (к 10-летию Варшавского договора). — «Коммунист Вооруженных Сил», 1965, № 9, стр. 9—15.

Козуцкий В. Дружба на вечные времена (народов ЧССР и СССР). — «Партийная жизнь», 1965, № 8, стр. 65—72.

Митинг в Кремлевском Дворце съездов. Речь товарищей А. И. Микояна и Иосипа Броз Тито. — «Правда», 1965, 1 июля.

Орлик И. Запад и Восточная Европа. — «Международная жизнь», 1965, № 6, стр. 83—90.

Подгорный И. Д. В едином боевом строю. (Из истории создания народно-освобод. армий стран социализма). — «Вестник противозвоздушной обороны», 1965, № 5, стр. 73—77.

Прем в честь товарища Иосипа Броз Тито. Речь Л. И. Брежнева и Иосипа Броз Тито. — «Правда», 1965, 1 июня.

Сенин М. Боевой союз социалистических стран Европы (к 10-летию Варшавского договора). — «Агитатор», 1965, № 9, стр. 34—36.

Совместное Советско-Югославское заявление. — «Правда», 1965, 2 июня.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Александров Б. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области химии. — «Политическое самообразование», 1965, № 5, стр. 84—86.

Богомолов О. Новые методы руководства социалистическим хозяйством. — «Новое время», 1965, № 27, стр. 4—6.

Владова Н. Премирование торговых работников (в европейских социалистических странах). — «Советская торговля», 1965, № 5, стр. 43—46.

Внешняя торговля Народной Польши (рассказ министра внешней торговли ПНР Витольда Тромпчинского). — «Правда», 1965, 5 июля.

Волков Н. Итоги двух десятилетий (Об успехах в развитии экономики в европ. соц. странах). — «Внешняя торговля», 1965, № 5, стр. 3—9.

Войцеховская У. Финансирование развития техники в Польской Народной Республике. — «Финансы СССР», 1965, № 6, стр. 77—83.

Даньшина В., Сурков Ю. Новые рубежи чехословацкой экономики. — «Политическое самообразование», 1965, № 5, стр. 53—58.

Демченко В., Сушинская И., Федоричева Л. Совершенствование форм управления промышленностью в социалистических странах Европы. — «Экономика Советской Украины», 1965, № 4, стр. 81—85.

Ендриховский С. На переднем крае экономики (Об опыте руководства экономикой в ПНР). — «Правда», 1965, 3 июля.

Есенски И. Дружба, закаленная в боях и труде (о строит. с помощью Советского Союза Восточно-Словацкого металлургического комбината). — «Металлург», 1965, № 5, стр. 2—4.

Кочандра Р. Новая система руководства экономикой в Чехословакии. — «Коммунист», 1965, № 9, стр. 84—93.

Кузнецкий С. Об экономических отношениях между социалистическими и капиталистическими государствами. — «Проблемы мира и социализма», 1965, № 7, стр. 17—24.

Петряев А. С. Лесные ресурсы европейских социалистических стран. — «Лесная промышленность», 1965, № 4, стр. 29—30.

Птичкин Н. XIX сессия СЭВ в Праге (Январь — февраль 1965 г.). — «Внешняя торговля», 1965, № 4, стр. 3—4.

Рудаков Е. Опыт материального стимулирования в европейских странах

социализма.— «Экономика сельского хозяйства», 1965, № 5, стр. 108—115.

Стекольников А. Битва за воду (О планах развития водного хозяйства НРБ).— «Новое время», 1965, № 23, стр. 14—15.

Экономика стран социализма в 1964 году. Цифры и факты.— «Политическое самообразование», 1965, № 7, стр. 98—106.

Экономическое развитие братских стран социализма (Цифры и факты).— «Агитатор», 1965, № 11, стр. 54—56.

3. Партийная жизнь

Гендрих И. Партийное руководство развитием народного хозяйства (ЧССР).— «Правда», 1965, 14 июля.

Герек Э. В ногу с жизнью (О работе Катовицкой воеводской партийной организации).— «Правда», 1965, 8 июня.

4. Государственное строительство

Дмитров М. Политическое просвещение трудящихся Болгарии.— «Политическое самообразование», 1965, № 5, стр. 59—65.

Живков Ж. Народная демократия — испытанный путь к социализму.— «Проблемы мира и социализма», 1965, № 6, стр. 23—30.

Миланов Ж. К. Повышение роли Народных советов в Народной Республике Болгарии.— «Советское государство и право», 1965, № 5, стр. 131—135.

Рыбцикий М. Общественные суды Польши.— «Советская юстиция», 1965, № 10, стр. 32.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Аморт Ч. Из истории спасения Праги Советской Армией.— «История СССР», 1965, № 3, стр. 226—227.

Вечной памяти... (О польских и немецких спортсменах, погибших в борьбе с фашизмом).— «Физкультура и спорт», 1965, № 5, стр. 30—31.

Вонгровский М. Путь Народной Польши (ко дню возрождения).— «Агитатор», 1965, № 13, стр. 49—51.

Голенченко Г. Я. Русские первопоселенцы и Симон Будный.— «Книга», Сб. 10, 1965, стр. 146—161.

Данов Хр. М. Критический обзор буржуазной историографии о болгарских землях в античную эпоху (до 9 IX 1944 г.).— «Вестник древней истории», 1965, № 2, стр. 147—167.

Едлевский Л. Братство (О советско-польском боевом содружестве в годы второй мировой войны).— «Физ-

культура и спорт», 1965, № 5, стр. 29—30.

Емельянова Н. Взятие Познани (Из воспоминаний журналистки).— «Знамя», 1965, № 5, стр. 220—232; № 6, стр. 164—208.

Зернова А. С. Белорусский печатник Спиридон Соболев.— «Книга», Сб. 10, 1965, стр. 126—145.

Каплунов М. Г. Русско-болгарское авиационное содружество накануне и во время первой балканской войны.— «Вопросы истории», 1965, № 6, стр. 214—216.

Клоков В. I. Допомога українського народу зарубіжному рухові Опору.— «Український історичний журнал», 1965, № 5, стр. 32—42.

Крымская и Потсдамская конференции руководителей трех великих держав.— Заседания 4, 5, 6, 7, 8 февраля 1945 г.— «Международная жизнь», 1965, № 6, стр. 142—170; № 7, стр. 153—160.

Кулаковский А. Твой путь перед тобой (О подвигах словацкого партизана Л. Шевчика в Белоруссии во время Великой Отечественной войны).— «Дружба народов», 1965, № 5, стр. 162—184.

Легар Б. Использование в Чехословакии советского опыта изучения истории фабрик и заводов.— «История СССР», 1965, № 3, стр. 228—230.

Молок Ф. А. Новые работы о борьбе Коммунистической партии Чехословакии в годы фашистской оккупации.— «Вопросы истории», 1965, № 7, стр. 172—176.

Москаленко К. О Карпатско-Дуклинской операции.— «Военно-исторический журнал», 1965, № 7, стр. 16—23.

Недорезов А. И. Выдающееся событие в антифашистском движении народов Чехословакии.— «Вопросы истории», 1965, № 5, стр. 65—76.

Оляча М. Это было в Крагуеваце (документальный рассказ о расстреле гитлеровцами крагуевацких гимназистов и учителей в 1941 г.).— «Иностранная литература», 1965, № 5, стр. 247—250.

Писарев Ю. А. Оккупация Сербии Австро-Венгрией и борьба сербского народа за свое освобождение в 1916—1918 гг. (до прорыва Салоникского фронта).— «Советское славяноведение», 1965, № 4, стр. 28—39.

Прибытков В. Костры Татр (О помощи советских партизан чехословацким в августе—октябре 1944 г.).— «Вокруг света», 1965, № 5, стр. 4—9.

Ратнер Н. Д. Австрийский пангерманизм и славянские народы Австрии.— «Советское славяноведение», 1965, № 4, стр. 40—49.

Сергеев А. В. К оценке научной деятельности В. И. Григоровича (Славяновед. 1815—1876 гг.).— «Вопросы ис-

ториографии всеобщей истории», вып. 1, 1964 (обл.: 1965), стр. 43—57.

Славик В. Двадцать років з дня визволення Радянською Армією Чехословаччини (Роздуми з приводу 20-х років).— «Український історичний журнал», 1965, № 5, стор. 72—86.

Трофимова И. Союз трех партий (Корреспонденция о политической жизни в Польше).— «Новое время», 1965, № 25, стр. 4—7.

Турок В. М. Некоторые проблемы истории Австро-Венгрии.— «Советское славяноведение», 1965, № 4, стр. 17—27.

Фоменкова В. М. Участники польского освободительного движения в вятской ссылке.— «Ученые записки Кировского пединститута», вып. 19, 1965, стр. 115—174.

Фролеу В. Большая семья и ее жилище в западной Болгарии.— «Советская этнография», 1965, № 3, стр. 40—58.

Церьян Ст. С верой в победу (Об участии югославских спортсменов в борьбе против гитлеровцев).— «Физкультура и спорт», 1965, № 5, стр. 28—29.

Черный А. И. К вопросу о рабочем контроле в болгарской промышленности (сентябрь 1944 — декабрь 1947 г.).— «Советское славяноведение», 1965, № 4, стр. 62—68.

Шадек Ф. Нерушимое единство (О чехословац. Народной Армии).— «Военный вестник», 1965, № 4, стр. 50—55.

Шофман А. С., Атласов Г. В. Некоторые вопросы античной Македонии в трудах французского историка Поля Клоше (1881—1961).— «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 1, 1964 (обл.: 1965), стр. 11—154.

Шульга І. Г. З історії економічних і культурних зв'язків Закарпаття з іншими українськими землями і Росією наприкінці XVIII-у першій половині XIX ст.— «Український історичний журнал», 1965, № 6, стор. 63—68.

Яблонский Г. Состояние и перспективы развития исторической науки в Польше.— «Советское славяноведение», 1965, № 4, стр. 50—61.

К 20-летию освобождения Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков.

Брожик М. Расцветает свободная Чехословакия.— «Коммунист Вооруженных Сил», 1965, № 9, стр. 83—85.

Вацулик М. Чехословацкая новь.— «Агитатор», 1965, № 9, стр. 57—59.

Гендрих И. Дружба и братство, закаленные в совместной борьбе.— «Коммунист», 1965, № 7, стр. 28—41.

К 20-летию освобождения Чехословакии (Ред. статья).— «Новое время», 1965, № 18, стр. 5—6.

Мельникова И. Славный юбилей братской Чехословакии.— «Коммунист Украины», 1965, № 5, стр. 66—71.

Новиков Н. Двадцатая весна.— «Международная жизнь», 1965, № 5, стр. 41—48.

Павловский О. Светлый праздник.— «Политическое самообразование», 1965, № 5, стр. 50—53.

Пивоваров Ю. Л. Чехословацкая Социалистическая Республика.— «География в школе», 1965, № 3, стр. 18—23.

Торопчин Е. Братская ЧССР строит новую жизнь.— «Коммунист Узбекистана», 1965, стр. 85—89.

Черноголов Ю. 20 лет спустя... К 20-летию освобождения Чехословакии.— «Радуга», 1965, № 5, стр. 158—163.

2. Культура

Бэлла И. Данте и культура славянских народов.— «Советское славяноведение», 1965, № 4, стр. 3—16.

Будагова Л. Н. О переводах поэзии Витезлава Невала на русский язык.— «Советское славяноведение», 1965, № 4, стр. 82—96.

Васьневский Е. Почему польский плакат неплох? — «Декоративное искусство СССР», 1964, № 4, стр. 30—34.

Днепров А. Нет, к звездам! О романе С. Лема «Возвращение со звезд». — «Молодая гвардия», 1965, № 5, стр. 308—316.

Индальский Я. Некоторые проблемы неволок по болезни в текстильной промышленности Польши.— «Советское здравоохранение», 1965, № 4, стр. 81—87.

Кучера В. Соммер и его «вокальная симфония». — «Советская музыка», 1965, № 6, стр. 115—118.

Лютер А. Дорогами дружбы (Из впечатлений о посещении клубов и домов культуры ЧССР). — «Культурно-просветительная работа», 1965, № 5, стр. 45—48.

Окунькова Ю., Росточкин Б. Русская классика на польской сцене. — «Театр», 1965, № 6, стр. 145—154.

Опата Ч. Школа с продленным днем в ЧССР. — «Советская педагогика», 1965, № 6, стр. 121—125.

Скорородов. Нужно найти реликвию (К поискам документов о деятельности Я. Гашека в России). — «Байкал», 1965, № 1, стр. 115—118.

Стоянов-Бигор Г. Перед скачком? (О новых работах болгарских кинематографистов). — «Искусство кино», 1965, № 6, стр. 109—116.

Трофимкина О. И. Мастер слова Степан Митров Любима.— «Вестник Ленинградского университета», серия истории, языка и литературы, вып. 2, 1965, № 8, стр. 76—85.

Франкович Д. Идеи В. И. Ленина в практике народного образования

Югославии. — «Советская педагогика», 1965, № 4, стр. 97—102.

Шарланджбе в Ст., Диков Д. Особенности развития кино и телевидения в Народной Республике Болгарии. — «Техника кино и телевидения», 1965, № 4, стр. 33—39.

Щукин Г. Память и верность (О польском кино). — «Искусство», 1965, № 5, стр. 141—148.

3. Языкознание

Мартынов В. В. Проблемы славянского этногенеза и методы лингво-

географического изучения Припятского Полесья. — «Советское славяноведение», 1965, № 4, стр. 69—81.

Сигеда П. И. Асноўныя тыпы кансанатных сістэм сербска-харвацкіх гаворах. — Веспі АН БССР. Серыя грамад. навук. Мінск, 1965, № 1, с. 130—134.

Роспонд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена). — «Вопросы языкознания», 1965, № 3, стр. 3—21.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«*Zeitschrift für Slavistik*», 1965, № 2

З. Тополинская. Подчинительные функции «*ie*» и «*ja*» в кашубских диалектах; Р. Экерт. К славянской свадебной терминологии; М. М. Орлов. Попытка объяснения древнерусских собственных имен с помощью кабардинского; Г. Рааб. «Листы и корни» И. А. Крылова. К истории и предыстории темы басни; К. Касмер. Образ сказчицы в «Рассказе бабки Василисы про чудеса» Галины Николаевой; Г. Рокута. Образ владельца замка в произведении Божены Немцовой «Бабушка», ее прототип и образ ее воспитательницы — сестры И. Г. Форстера; Ю. Петр. Вклад Миклошича в сорабистику; Л. Рихтер. Отношение Богуслава Балбина к лейпцигским *Acta Eruditorum*.

«*Kwartalnik historyczny*», 1965, № 2

Е. Томашевский. Общий показатель промышленного производства Польши в 1928—1938 гг.; А. Каминска-Липдерская. Польша и Бранденбург. Посольство Щенского Морштына в Крулевец и Берлин в 1670 г.; Е. Лоек. Польская дипломатическая миссия в Испании в 1790—1794 гг.; Е. Довят. К вопросу об источниках гипотезы о так называемом Болеславе Забытом; К. Бучек. Изменения в государственном строе Западного Поморья в XII—XIII вв.; И. Рыхлик. Фольварочные счета как основа определения доходности отдельных отраслей хозяйства магнатских имений? А. Клоковская. Социальная структура интеллигенции и ее сознание.

«*Przegląd historyczny*», 1965, № 2

Т. Лялик. Монополия на торговлю восточнопоморскими князьями в XII—XIII вв.; Х. Самсонович. Экономическая подоплека захвата Гданьска крестоносцами в 1308 г.; М. Маловист. Заметки о роли купеческого капитала в хозяйственной жизни Восточной Европы в позд-

нем средневековье; А. Дзюбинский. Польско-турецкие торговые пути в XVI столетии; В. В. Дорошенко. Связь лифляндских фольварков с рынком в конце XVI — начале XVII вв.; Р. Бугай. Неизвестный алхимический труд Михаила Сендивояч (1556—1636) на польском языке; И. Кобердова. К истории польской «новой эмиграции» в Швейцарии в 1850 г.; А. Выробиш. Несколько замечаний о братстве каменщиков и Регенбургском своде 1459 г., или еще раз о «страхах» строителей; К. Кац. «Промотанные годы?» (в связи с рецензией Р. Лесли).

«*Z pola walki*», 1965, № 2

Г. Яблонский. 100-я годовщина Международного Товарищества Рабочих; С. Кеневич. Европа 60-х годов XIX века; Ж. Корманова. I Интернационал и его историческая роль; К. Мужиновская. Всеобщая забастовка шахтеров Рурского бассейна и участие в ней польских рабочих; А. Лейнванд. Из истории народной милиции в 1918—1919 гг.; Г. Слабек. Политика Польской Рабочей Партии в области перестройки аграрных отношений на Западных землях (1945—1948); Е. Кнебель. Как западногерманская социал-демократия смотрит на свое прошлое; В. С. Сурмицкая. Борис Вигилев, поронинский друг В. И. Ленина; Т. Перль. Из деятельности Остапа Длуского во время второй мировой войны; Я. Каспшак. Наталия Гонсеровска-Грабовская (1881—1964); «Политическая корреспонденция Марии Кошутской (Веры Костшевы) в 1922—1924 гг.» — подготовил к печати А. Заторский; Б. Руминский. Воспоминания из студенческих лет; Е. Берек, С. Петрусевич, Ю. Ратай, К. Рудницкий, В. Семинский. Из деятельности подпольной коммунистической организации в лагере польских военнопленных

«Офлаг II-с Вольденберг»; Ж. К о р м а н о в а. Владимир Ленин на похоронах Цезарины Войнаровской в Париже; М. М е г л и ц к а я. По следам одной корреспонденции; А. К в я т к о в с к а я. Воспоминания о Теодоре Дураче; А. В е б е р. Воспоминания о Павле Финдере.

«Język polski», 1965, № 2

С. Ж е р о м с к и й. За чистоту и правильность языка; С. П и г о н ь. Переписка С. Жеромского и К. Нича по вопросу о польском диалектологическом словаре; С. Ж е р о м с к и й. О польских диалектах; К. О ш и в я н к а. Анализ синтаксических исправлений в черновике «Перепелочки»; С. У р б а н ч и к. 35 лет научной работы проф. З. Штибера; Е. О с т р о в с к а я. К истории краковских типографий и изданий Рея; М. К а р а с ь. Отрывок из старопольского молитвенника; Б. К р е я. Документальный или документарный? З. В р о с к и й. Об английском способе написания римских цифр в польских текстах. Замечания и добавления к ранее опубликованным статьям; Б. Л и н д е р т. К вопросу о появлении форм с суффиксом *κ* в старопольских текстах; В. М а н ч а к. По вопросу о названии «Ustroń». Добавление Ю. Сафаревича; С. С т р у ж. Еще о названии «Ustroń»; Ю. Р е ч е к. Еще о мастях лошадей.

«Československý časopis historický», 1965, № 3

М. Л ь в о в а. К вопросу о так называемом «заказанном» ультиматуме; К. К а п л а н. Об итогах первой пятилетки; Я. Н о в о т н ы й. По поводу периодизации истории Словакии в эпоху разложения феодализма, наступления капитализма и национального возрождения; В. К о т ы к. К вопросу об изучении истории мировой социалистической системы; Р. В о л ь г е м у т о в а. Участие женщин в чешском социал-демократическом движении до 1914 г.; З. Г л е д и к о в а. Вновь открытое в Мерзебурге антигуситское сочинение; З. Ш и м е ч е к. Сведения из рожмберкских источников XIV века о новых странах Азии и Африки.

«Historický časopis», 1965, № 2

И. К о р ж а л к а. О некоторых новых проблемах международного исследования истории рабочего движения в период I Интернационала; Ф. Б о к е с. Словацкий национальный совет 1848—1849 гг.; Й. В о з а р. Положение горнорабочих в среднесловацкой шахтерской области в середине XIX в.

«Príspevky k dejinám KSČ», 1965, № 2

П. Р е й м а н. 20-я годовщина освобождения и задачи исторической науки. — Перспективный план научной работы по

истории КПЧ и международного рабочего и коммунистического движения; В. С у х о п а р. Три фазы в истории Коммунистического интернационала; Г. М а н а к о р д а. Возникновение и развитие социалистической партии в Италии (Историческая проблема и новейшие историографические исследования); С. Ц а м б е л. Взаимоотношения Красной Армии и словацких национальных органов после освобождения; Воспоминания о коммунисте Людвике Фрейке (Ф. И. Коллар); «Публикации по истории заводов, вышедшие в 1962—1963 гг.» (Ф. Циганек, И. Вытиска).

«Slavia», 1965, № 2

П. Г а р д. Неопределенные и повторительные глаголы в славянских языках; Й. Н е м е ц, П. М а р в а н. Относительно развития словарного запаса в связи с развитием грамматического строя; В. Г р и н а в е ц к и с. Оттяжка и перенос ударения в говорах литовского языка; Ф. В о л ь м а н. Эпитафия панславизму, написанная сто лет тому назад Пышным; В. Б е х и н ь в а. Место Пауся Хилендарского в славянских литературах; М. С. А л ь т м а н. «Железная дорога» в творчестве Л. Н. Толстого; «Инструкция по составлению описей фондов древних славянских рукописей»; А. С. Л ь в о в. К вопросу о моравизмах в языке памятников старославянской письменности; Э. Э й х л е р. К включению прежних славянских языковых территорий в Славянский лингвистический атлас; Э. Э й х л е р. К исследованию славянских диалектов в верхне-саксонско-торингских диалектах; Л. С. К и ш к и н. Письма Коллара; М. Б л а ж к о в а, М. К и р ш н е р о в а. К основным чертам и проблемам современной сербской и хорватской литературной критики.

«Slovenská literatúra», 1965, № 3

Й. Г р а б а к. К всеобщей теории стиха; З. К а с а ч. Глава о проблематике словацкой поэзии сопротивления; З. В а л к о в а. Некоторые вопросы поэтики молодой словацкой поэзии. К вопросу об оценке Карела Чапека; Л. П а т е р а. Несколько заметок о словацкой литературной критике в двадцатые годы; М. Д з ю б а к о в а. О современной словацкой фольклористике.

«Izraz», 1965, № 1

В. В л а х о в и ч. О культуре и искусстве; С. Н а з е ч и ч. Смерть Смацлаги Ченгича; М. Б е г и ч. Теоретические концепции Йована Скерлича; М. М а к с и м о в и ч. Усилия и результаты Зорана Глушчевича; Х. Т а х м и ш ч и ч. Повествовательное искусство Андрия Хинча; Р. Б р е ш о н. Пути Андрия Мишо; У. К и с и ч. Горан [Ковачич] о путевых записках.

№ 2

М. Мерло-Понти. Глаз и дух; М. Богичевич. Действительность и мечты в поэзии Каштелана; Н. Колевич. Вклад новой критики в понимание поэтического языка; Н. Миханович. Вьекослав Майер; А. Шопов. Кочо Рацин сегодня.

№ 3

И. Фохт. Структура произведения искусства; И. Димич. Современность психологии Стендаля; В. Миларич. Реминисценции детства в стихах Мирослава Антича; К. Морпак. Жорж Сименон.

№ 4

С. Леовац. Романы Добрицы Чосича; А. Поланащчак. Натали Саррот и новый роман; Н. Колевич. Отношение между поэтическим языком и критическим подходом в современной критике; Г. Аристарко. Творчество Чаплина и литература.

№ 5

Х. Тахмишчи. Поэтика Душана Радовича; П. Палавестра. Поэт и критик Милош Видакович; Е. Данегри. Исследовательские качества Мирослава Шутея; Р. Вучкович. Критик и время; Казимеж Брандыс. Мальчик и потерянный мячик.

№ 6

М. Бегич. Год Сартра; Э. Глушикевич. Жизнь как творчество (Фантазия по мотивам Гофмана); В. Балвапович. Проблема времени в кино; Д. Елчи. Драммы Йосипа Кулунджича; М. Капор. В поисках потерянного Вавилона (По поводу коляжа Педжи

Милосавлевича); Дж. В. Кратч. Область искусства; В. Калезич. Любомир Недич и свобода критики.

№ 7

Д. Шега. Идеальный профиль поэзии Копбека; А. Родвэй. «Я не знаю, почему я не знаю»; Н. Петкович. Поэзии Бранко Мильковича; М. Богичевич. Идеино-художественная определенность и страсть художника; Поль Валери. Положение Бодлера.

«Jezik in slovstro», 1965

№ 1

Ф. Безлай. Памяти Ивапа Графенауера; Т. Логар. О возникновении словенских наречий; М. Пшкур. Семантический анализ значения слова «баба»; Б. Крефт. Блок и Достоевский.

№ 2—3

Ф. Безлай. Памяти Тадеуша Лер-Сплавинского; Ф. Задрavec. Драматургия Мирана Ярца; Й. Топоришич. Типы ударений в словенском литературном языке; Х. Глушич. Семейная хрешка словенской буржуазии в романах Миры Михелич; М. Куцлар. Групповая работа при изучении словенского языка в школе; М. Скубид. Норма в современном итальянском языке.

№ 4—5

Ф. Безлай. Словообразовательный процесс в словенском языке; Ю. Топоришич. Размышления о прозе Финжгара; Я. Шивец. Роль учебника в преподавании языков; М. Ялен. Работа с хрестоматией при обучении словенскому языку; Ф. Якопин. Русское правописание на распутье.

В ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИКИ МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Проблемы современного развития братских славянских стран изучаются в институте главным образом в связи с исследованием наиболее важных, коренных вопросов развития мировой социалистической системы в целом.

Фундаментальным вопросом современного этапа развития экономики мировой социалистической системы посвящены многие работы Г. М. Сорокина и И. В. Дудинского. В частности, Г. М. Сорокиным дан глубокий анализ вопроса о наиболее эффективных методах планирования в мировой социалистической системе и исследуются наиболее важные стороны экономического развития социалистических стран Европы¹. Возникновению и развитию мировой социалистической системы посвящены работы И. В. Дудинского².

Основной задачей всего института на ближайшее время является завершение работы над 4-томником «Мировая социалистическая система». В этой работе участвуют все секторы института. Наиболее важные социально-экономические аспекты эволюции мировой социалистической системы служат темой многочисленных исследований сотрудников сектора общих социально-экономических

проблем (зав.— д-р экон. наук И. П. Олейник). Теоретическим вопросам международного социалистического разделения труда посвящена вышедшая в 1961 г. под его общей редакцией монография³. В других работах И. П. Олейника исследуются общие вопросы экономического развития стран в период построения социализма и методологические аспекты проблемы выравнивания уровня экономического развития государств мировой социалистической системы⁴. К. И. Микульский анализирует сдвиги в экономике и классовой структуре социалистических государств Европы⁵. Экономическому сотрудничеству социалистических стран и наиболее актуальным проблемам его дальнейшего роста

³ «Социалистическое международное разделение труда». М., 1961.

⁴ И. П. Олейник. Обобществленные средства производства в европейских странах народной демократии. — «Вопросы истории», 1963, № 8; Е го же. Проблемы социалистического обобществления основных средств производства. — «Вопросы экономики», 1964, № 12; Е го же. Някои характерни черти на новия етап в развитието на световната социалистическа система. — «Икономическа мисъл», 1963, № 7; И. П. Олейник и Э. Раевская. Методологические проблемы выравнивания уровня экономического развития социалистических стран. — «Вопросы экономики», 1964, № 7.

⁵ К. И. Микульский. В содружестве равных (О структурных сдвигах в экономике европейских социалистических стран-членов СЭВ). М., 1964; Е го же. Классовая структура общества в социалистических странах Европы. — «Вопросы философии», 1964, № 6; Е го же. Мировая система социализма. М., 1964; Е го же. Создание и использование национального дохода в европейских странах народной демократии. — «Вестник статистики», 1963, № 3.

¹ Г. М. Сорокин. Проблемы планирования мирового социалистического хозяйства. — «Плановое хозяйство», 1963, № 12; Е го же. Основные тенденции экономического развития социалистических стран Европы. — «Мировая экономика и международные отношения», 1964, № 6.

² И. В. Дудинский. Мировая социалистическая система. М., 1961; Е го же. Рост экономического могущества мировой системы социализма. М., 1963; Е го же. Новый этап в развитии экономических и политических отношений между странами мировой социалистической системы. — «Новая и новейшая история», 1963, № 3; Е го же. Содружество равноправных и суверенных народов. — «Международная жизнь», 1964, № 11.

посвящены работы В. П. Сергеева⁶. Проблемы социалистического переустройства сельского хозяйства стран социализма находятся в центре внимания В. Н. Стародубровской⁷. В ближайших планах сектора — завершение работы над 2-м томом сборника «Мировая социалистическая система», в котором найдут свое освещение кардинальные вопросы социалистической индустриализации европейских стран социализма и узловые проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства. Сотрудники сектора работают над 5-томником «Социализм и коммунизм», в составлении которого принимают участие различные институты общественных наук АН СССР. Коллективом сектора готовится также монография, посвященная проблемам построения материально-технической базы социализма и коммунизма в странах мировой социалистической системы.

Коренным проблемам разделения труда внутри мировой системы социализма посвящены работы сотрудников сектора международного социалистического разделения труда (зав. сектором — д-р экон. наук П. М. Алампиев). П. М. Алампиев написал ряд статей по вопросам сочетания межотраслевого и внутриотраслевого международного социалистического разделения труда и путях его дальнейшего совершенствования⁸. Проблемы комплексного развития экономики отдельных стран социализма наряду со всемерным и эффективным разделением

труда между ними анализируются в уже сданной в издательство монографии И. Помазанова. Завершается работа сотрудников сектора над 3-м томом институтского 4-томника. Этот том будет посвящен важнейшим вопросам международного социалистического разделения труда.

В ближайших планах сектора экономики промышленности и транспорта (зав. — д-р экон. наук И. В. Дудинский) — создание монографий, исследующих актуальнейшие методологические вопросы сырьевого и топливно-энергетического баланса социалистических государств (прежде всего стран-участников СЭВ) с целью изыскания путей увеличения взаимовыгодности в экономических отношениях этих стран. Уже опубликован ряд работ, посвященных актуальным проблемам их промышленного развития⁹. Другим важнейшим направлением работы этого сектора будет изучение проблем международной специализации и кооперирования в обрабатывающих отраслях промышленности, определение методологии комплексного развития промышленности каждой страны в сочетании с оптимальными вариантами специализации и их экономическими стимулами.

Основной задачей недавно созданного сектора планирования (зав. — д-р экон. наук Б. И. Брагинский) является изучение и обобщение опыта планирования и руководства народным хозяйством (в том числе и методологии определения наиболее эффективных экономических стимулов) в странах социализма. Его сотрудниками уже выполнен ряд исследований, анализирующих эту весьма важную для всех социалистических государств проблему¹⁰. Актуальные проб-

⁶ В. П. Сергеев. Проблемы экономического сближения социалистических стран. — «Научные доклады высшей школы. Экономические науки», 1963, № 2; Е го же. Торговля между странами СЭВ и перспективы ее развития. — «Экономика Советской Украины», 1963, № 2; Е го же. Экономические связи стран социализма. М., 1964.

⁷ В. Н. Стародубровская. Две формы собственности и экономические отношения между промышленностью и сельским хозяйством в странах социализма. — «Вопросы экономики», 1964, № 11; Е е же. Кооперативная собственность в сельском хозяйстве стран народной демократии. В кн.: Социалистические преобразования в сельском хозяйстве европейских стран народной демократии. М., 1963; Е е же. Книга о кооперативном крестьянском движении. — «Вопросы экономики», 1964, № 8.

⁸ П. М. Алампиев. Новый тип международного разделения труда. — «Коммунист», 1962, № 11; Е го же. Актуальные проблемы экономической географии мировой социалистической системы. В кн.: Материалы 4 Всесоюзного географического съезда. Симпозиум «В». География социалистических стран. Л., 1964.

⁹ См., например, И. В. Дудинский. Пути повышения производства в странах-участниках СЭВ. — «Вопросы экономики», 1964, № 6; В. Н. Г а в р и л о в. Развитие химической промышленности стран СЭВ и социалистическое международное разделение труда. — «Научные доклады высшей школы. Экономические науки», 1964, № 1; П. К у л и г и н. Основы разделения труда и сотрудничества стран-членов СЭВ в топливной промышленности. — «Научные доклады высшей школы. Экономические науки», 1963, № 3; к этой тематике примыкает статья: Т. В. Р я б у ш к и н, Р. Г а л е ц к а я. Экономическое развитие и изменение структуры народного хозяйства социалистических стран Европы. — «Научные доклады высшей школы. Экономические науки», 1965, № 2.

¹⁰ Р. Е в с т и г н е в. Принципы материальной заинтересованности в промышленности Чехословакии. М., 1962; Е г о же. О материальном стимулировании в промышленности европейских стран на

лемы механизма действия мирового социалистического рынка исследуются сотрудниками сектора внешней торговли и ценообразования на мировом социалистическом рынке (зав.— канд. экон. наук К. И. Попов). Методологическим основам анализа ценообразования на мировом социалистическом рынке посвящена монография О. И. Тарновского и статья К. И. Попова¹¹. К. И. Попов опубликовал также статью по проблемам взаимоотношений двух мировых рынков — социалистического и капиталистического¹². Сотрудник сектора Н. Шмелев изучает вопросы влияния мирового социалистического рынка на характер, формы и темпы развития внешней торговли стран, освободившихся от колониальной зависимости¹³.

Основной задачей сектора экономических связей стран социализма с капиталистическими и развивающимися странами (зав.— д-р экон. наук Г. М. Прохоров) является изучение многообразных факторов воздействия мировой социалистической системы на экономику развивающихся стран¹⁴. Сотрудниками сектора созданы работы, исследующие характер и объем экономической помощи стран социализма развивающимся странам¹⁵.

родной демократии.— «Вопросы экономики», 1963, № 4; Е г о ж е. Как хозяйствуют наши друзья. М., 1964; Л. Т я г у н е н к о. Опыт аграрно-промышленных комбинатов в Югославии.— «Мировая экономика и международные отношения», 1964, № 4.

¹¹ О. И. Т а р н о в с к и й. Основы ценообразования в социалистических странах. М., 1964; Е г о ж е. В едином строю (О новом этапе экономического сотрудничества стран-членов СЭВ). М., 1964; К. И. П о п о в. Система ценообразования на мировом социалистическом рынке.— «Международная политика», Белград, 1964, № 331.

¹² К. И. П о п о в. Торговля между Западом и Востоком — объективная необходимость.— «Внешняя торговля», 1964, № 2.

¹³ Н. Ш м е л е в. Мировая торговля и освободившиеся страны.— «Вопросы экономики», 1964, № 8.

¹⁴ Г. М. П р о х о р о в. Две мировые системы и освободившиеся страны. М., 1965.

¹⁵ М. С т р е п е т о в а, Н. У ш а к о в а. СЭВ—слаборазвитым странам.— «Международная жизнь», 1963, № 4; Л. З. З е в и н. Взаимная выгода экономического сотрудничества социалистических и развивающихся стран.— «Вопросы экономики», 1964, № 4; В. В а л е в с к а я. Экономические связи Польши со слаборазвитыми странами.— «Международная жизнь», 1963, № 8; А. Д о с т а л ь. Чехословакия и развивающиеся страны.— «Новое время», 1963, № 21.

В ближайшем будущем в секторе будет завершена работа над коллективной монографией «Мировая система социализма и развивающиеся страны», в более отдаленных планах — написание монографии «Две мировые системы и освободившиеся страны». Усиленно будет изучаться и проблема эффективности экономической помощи мировой социалистической системы слаборазвитым странам.

Коренные вопросы развития сельского хозяйства являются основными темами исследований сектора экономики сельского хозяйства (зав.— канд. экон. наук В. И. Сторожев). Сотрудниками его выпущены две коллективные монографии, обобщившие наиболее важные стороны опыта социалистического переустройства сельского хозяйства (прежде всего стран-членов СЭВ)¹⁶. Многие работы сотрудников сектора¹⁷ посвящены определению методов интенсификации сельского хозяйства, его экономических стимулов, дальнейшего расширения межгосударственной специализации и кооперации в области сельского хозяйства между социалистическими странами (прежде всего членами СЭВ). Интенсивно ведется изучение развития сельского хозяйства и в отдельных социалистических странах (Болгария, Чехословакия, Югославия)¹⁸.

¹⁶ «Победа ленинского кооперативного плана в странах социализма». Под ред. В. И. Сторожева и Х. Е. Потапова. М., 1963; «Социалистические преобразования в сельском хозяйстве европейских стран народной демократии». Под общ. ред. А. Д. Ступова, В. И. Сторожева и В. Н. Стародубровской. М., 1963. Последняя книга написана в дружеском сотрудничестве с виднейшими экономистами сельского хозяйства стран-членов СЭВ.

¹⁷ А. Д. С т у п о в, В. И. С т о р о ж е в. Вопросы межгосударственной специализации сельскохозяйственного производства социалистических стран.— «Международный сельскохозяйственный журнал», 1963, № 3; Е. Р у д а к о в. Совершенствование форм оплаты труда в сельскохозяйственных производственных кооперативах европейских стран народной демократии.— «Вопросы экономики», 1964, № 10; Е г о ж е. Сотрудничество социалистических стран Европы в развитии материально-технической базы сельского хозяйства.— «Вопросы экономики», 1963, № 11.

¹⁸ Е. Р у д а к о в. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Народной Республике Болгарии.— «Вопросы истории», 1964, № 9; З. П а л л о в а. Сближение кооперативно-колхозной собственности с общественной в ЧССР и НРБ.— «Научные доклады высшей школы. Экономические науки», 1964, № 2; Л. Т я г у н е н к о. Развитие сельского хозяйства в Югославии.— «Экономика сельского хозяйства»,

Завершена работа над коллективной монографией «Развитие сельскохозяйственного производства и проблемы сотрудничества стран-членов СЭВ». Изучение вопросов экономического развития отдельных социалистических стран-членов СЭВ (в том числе и славянских)¹⁹ сосредоточено в секторах социалистических стран Европы (зав.— канд. экон. наук Н. Д. Столцов) и статистики (зав.— д-р экон. наук А. И. Петров). Сотрудники этих секторов в течение последних трех лет издали ряд статистических справочников. Здесь и краткие статистические сборники²⁰, и издания Центральных статистических управлений социалистических стран²¹, и, наконец, ежегодные сводные очерки экономического развития социалистических стран²². Закачивается работа над справочником «Страны социалистического лагеря за 20 лет». В ближайших планах сектора социалистических стран Европы — подготовка монографии «Завершение построения социализма в европейских странах народной демократии». Сотрудники сектора статистики большое внимание уделяют исследованию методологических основ единой системы экономических цифровых показателей и методов их разработки. В этом отношении очень важна монография Т. В. Рябушкина и другие работы²³.

Основной задачей недавно созданного отдела международных отношений (зав.— д-р филос. наук А. П. Бутенко), помимо изучения конкретных внешнеполитических проблем мировой социалистической системы, является исследование социологической проблематики международных отношений нового типа, возникших и развившихся в результате создания мировой системы социализма. Это требует изучения мировой социалистической системы как современной, но особой (исторически преходящей) стадии развития различных форм сотрудничества социалистических народов. Такое исследование найдет свое воплощение в выпускаемой отделом коллективной монографии «Социализм и международные отношения». Еще одна коллективная монография, над которой работают сотрудники отдела,— «Мировая система социализма и антикоммунизм» — будет посвящена критике различных буржуазных и реформистских концепций возникновения и развития мирового социалистического сообщества²⁴.

В заключение следует подчеркнуть, что, хотя в Институте экономики мировой социалистической системы специальному изучению тех или иных славянских социалистических стран посвящено сравнительно немного исследований, фундаментальное и углубленное изучение различных сторон современного экономического и политического развития этих стран является характерной чертой большинства работ. Ибо анализ методологических, всеобщих проблем развития мировой системы социализма немыслим без учета развития каждой страны, и, прежде всего, стран-членов СЭВ, среди которых славянские социалистические страны имеют высокий удельный вес.

В. Д. Назаров

1963, № 1; Е е же. Některé problémy rozvoje jugoslávského zemědělství. — «Politická ekonomie», 1964, № 6.

¹⁹ Экономическому развитию Чехословакии посвящена монография Р. Е в с т и г н е в а «Развитие экономики Чехословацкой республики». М., 1960.

²⁰ «Экономика стран социалистического лагеря в цифрах». М., 1962; 1963; 1964.

²¹ Сообщения ЦСУ СССР, ПНР, ЧССР, ВНР, ГДР, РНР, НРБ, НРА, КНДР, ДРВ и МНР — см. «Народное хозяйство социалистических стран». М., 1962; 1963; 1964 (в последнем выпуске даны итоги экономического развития СФРЮ в 1963 г.).

²² «Экономика стран социализма», вып. 1. М., 1964; вып. 2. М., 1964; вып. 3. М., 1965.

²³ Т. В. Р я б у ш к и н. Методы анализа статистических данных в работах В. И. Ленина, М., 1964; Е. К у д р о в а. О статистических сравнениях показателей национального дохода.— «Вопросы экономики», 1964, № 3; В. М. С п м ч е р а. Проблемы экономической эффективности производства в социалистических странах.— «Вопросы экономики», 1964, № 9; Е г о же. О методоло-

гии сопоставления показателей промышленности социалистических стран.— «Вестник статистики», 1964, № 7.

²⁴ Ближким сюжетам посвящена книга сотрудника отдела В. Г. С м о л я н с к о г о «Правда против вымысла. Критика буржуазных и реформистских теорий о социализме и коммунизме». М., 1965. Актуальные проблемы политического развития стран мировой системы социализма, вопросы совершенствования социалистической демократии, обобщения ценного опыта каждой братской страны (в том числе и славянских) изучены в монографии Я. В. Я к и м о в и ч «Местные органы государственной власти европейских стран народной демократии». М., 1964.

НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН МГУ

Ежегодные Ломоносовские чтения, проводимые в Московском университете, в этом году были приурочены к 20-летию великой победы советского народа над фашизмом. 20 апреля 1965 г. состоялось специальное заседание кафедры истории западных и южных славян исторического факультета МГУ, на котором присутствовали преподаватели и сотрудники кафедры, студенты дневного, вечернего и заочного отделений, специализирующиеся по истории зарубежных славянских народов. В соответствии с программой Ломоносовских чтений было заслушано четыре доклада.

Доцент И. Д. Очак рассказал о том, как он собирал материалы об участии советских людей в народно-освободительной войне Югославии и об югославах, которые плечом к плечу с советскими партизанами сражались с врагом на временно оккупированной территории СССР. (В составе Советской Армии действовали две бригады, сформированные из югославян.) Докладчику удалось выявить около двухсот фамилий граждан нашей страны, воевавших с немецко-фашистскими захватчиками на югославской земле. По инициативе И. Д. Очака на историческом факультете в апреле была проведена встреча советских участников народно-освободительной войны в Югославии, поделившихся своими воспоминаниями. Магнитофонная запись, сделанная во время этой встречи, является своеобразным источником для тех, кто будет изучать эту героическую страницу в истории дружбы советских и югославских народов.

Студентка VI курса Т. Брюхачева, сновываясь главным образом на неопубликованных источниках, осветила основные этапы советско-югославских дипломатических отношений накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. Приведенные в докладе факты свидетельствуют о правильности политики, проводимой Советским Союзом в 1941—1943 гг. в отношении югославского королевского эмигрантского правительства.

Доцент И. М. Белявская, говоря об участии советских людей в польском освободительном движении в период второй мировой войны, подробно остановилась на действиях наших партизан и отрядов специального назначения в южных районах Польши в 1944 г. Пользуясь собранными ею воспоминаниями непосредственных участников событий, она раскрыла интернациональный характер антифашистской борьбы на территории Польши, показала, как в ходе ее закалилась боевая дружба советских и польских партизан. В докладе говорилось об участии в польском движении Сопротивления бежавших из немецких лагерей советских военнослужащих.

И. М. Белявская подчеркнула необходимость привлечения студентов к работе по изучению совместной борьбы наших народов против фашизма.

Доклад студентки V курса К. Большаковой был посвящен польско-советским отношениям после XX съезда КПСС. 29 апреля 1965 г. была проведена очередная ежегодная конференция Научного студенческого общества, существующего при кафедре истории западных и южных славян. Включенные в повестку дня сообщения студентов IV курса были объединены одной общей темой «Славянские интернационалисты в России в борьбе за победу Советской власти в 1917—1921 годах». На конференции присутствовал секретарь Посольства Чехословацкой Социалистической Республики товарищ Я. Никл.

Об участнике гражданской войны, уроженце Пльзены, члене РКП(б) с 1918 г. Славояре Частеке (1894—1920) рассказал Ю. Мисюрев. Ему удалось найти неизвестные до сих пор материалы об этом замечательном человеке — одном из организаторов и командиров интернациональных частей Красной Армии. Сформированные и руководимые им отряды сражались за Советскую власть в Поволжье и на Украине.

Основные вехи славного жизненного пути польского интернационалиста Францишка Шескаса (1884—1921) обрисовал в своем выступлении А. Мальхин. С 1903 г. Ф. Шескас, будучи членом СДКПиЛ, участвовал в польском революционном движении. В 1918—1920 гг. он с оружием в руках защищал молодую Советскую республику, за что был награжден тремя орденами боевого Красного Знамени. После окончания гражданской войны Ф. Шескас работал в Минске.

Т. Вербицкая сообщила интересные данные о жизни и деятельности югославского интернационалиста Боривою Агатоновича (1896—1920?). В историю гражданской войны он вошел под именем «царицынского Дундича». Его подвиги были отмечены орденом Красного Знамени.

Деятельность работавшей в Одессе болгарской коммунистической группы и содержание издававшейся ею газеты «Коммуна» охарактеризовала Г. Щербакова. Еженедельный печатный орган одесской группы болгар-интернационалистов выходил сравнительно недолго (с 1 V по 2 VIII 1919 г.). Но он сыграл исключительно важную роль в распространении идей Великого Октября среди болгар, находившихся в Советской России, в сплочении их усилий по защите первого в мире государства рабочих и крестьян. Газета представляет собой важнейший источник по истории интернациональных групп РКП(б).

Вопрос о так называемом диссидентском движении в Югославском добровольческом корпусе в 1916—1917 гг. был темой сообщения М. Лавриновой. Острые противоречия, возникшие среди офицеров и солдат этого соединения в связи с великосербским шовинизмом командования, привели после Февральской революции к массовому уходу из корпуса всех недовольных политикой его руководства (отсюда и название самого движения). Часть диссидентов перешла позднее на позиции защиты завоеваний социалистической революции в России.

На конференции выступил также Ф. А. Молок (ГАУ СССР), сообщивший новые

факты о чехословацком патриоте Отакаре Яроше (1912—1943), который первым из иностранцев был удостоен Золотой Звезды Героя Советского Союза. Это высокое звание было присвоено ему посмертно за героизм, проявленный в бою под Соколово, где получила свое первое боевое крещение чехословацкая воинская часть, сформированная в нашей стране.

Итоги студенческой конференции подвели в своих выступлениях И. Д. Очак и зав. кафедрой истории западных и южных славян И. А. Воронков.

И. В. Созин

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 550-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ЯНА ГУСА

24—26 июня 1965 г. в Москве состоялась научная конференция, посвященная памяти выдающегося чешского патриота, борца против феодально-католической реакции Яна Гуса.

Конференция была организована совместно Институтом славяноведения АН СССР, Министерством высшего и среднего специального образования и Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова. В работе конференции приняли участие научные работники АН СССР и республиканских академий, преподаватели Московского, Харьковского, Минского, Саратовского университетов, Костромского пединститута. На заседании присутствовали представители других учебных заведений, студенты, а также советник Посольства Чехословацкой Социалистической Республики тов. Алоис Мельсир и секретарь Посольства тов. Ярослав Никл.

Открывая конференцию, П. И. Резонов (Москва) отметил, что деятельность Яна Гуса и гуситское движение оказали большое влияние на всю последующую историю чешского народа, оставили глубокий след в его сознании. Касаясь исторических заслуг Яна Гуса, П. И. Резонов подчеркнул, что смелая и решительная критика Яном Гусом католической церкви и ее догматов срывала с феодализма покров святости и прокладывала дорогу к еще более решительному антифеодальному выступлению широких народных масс, которое развернулось в Чехии уже после его смерти.

В своем докладе «Ян Гус как выразитель социальных требований прогрессивных слоев чешского общества начала XV в.», А. С. Сазонова (Кострома) показала всю остроту социальных и национальных противоречий во времена деятельности Яна Гуса. Основная часть ее доклада была посвящена анализу социальной программы учения Гуса.

Ю. Ф. Иванов (Москва) сделал доклад «Современная чехословацкая историография о Гусе». Подчеркнув важность вклада в гуситологию, сделанного З. Р. Неядлы, он отметил, что началом глубоких марксистских исследований о Гусе стали монографии Й. Мацека «Гуситское революционное движение» и «Табор в гуситском революционном движении» (1952 г.). В связи с этим докладчик уделил внимание той полемике, которая развернулась вокруг весьма спорной теории Мацека о кризисе феодализма в Западной Европе XIV—XV вв. Мацек считает Гуса идеологом левого крыла бюргерства. Вопрос, идеологом каких классов был Ян Гус, до сих пор является спорным. Так, М. Маховец в своей работе «Учение Гуса и его значение в традициях чешской нации» (1953 г.), подчеркивая революционные черты учения Гуса, считает его идеологом бедноты. Другие гуситологи, например Р. Каливода, считают Гуса идеологом всего бюргерства. Ю. Ф. Иванов отметил также, что, раскрывая социальные моменты в учении Гуса, чехословацкие авторы недостаточно внимания уделяют национальным вопросам.

Доклад Л. П. Лалтевой (Москва) «Ян Гус в русской дореволюционной историографии» был посвящен рассмотрению гуситской проблемы в русской дореволюционной литературе славянофильского направления. Докладчик отметил, что для русского славянофильства 40-х гг. и середины XIX в. характерно сочетание идеи славянского единения с апофеозом православия. Рассматривая учение Я. Гуса с позиций борьбы православия с католичеством, историки-славянофилы, по мнению докладчика, не могли, разумеется, дать научного исследования учения великого реформатора. Далее докладчик, выделив ряд проблем, на которые обращали внимание историки славянофильского направления при изучении деятельности Я. Гуса и гуситского

В президиуме конференции

движения, последовательно прослеживает изменение славянофильской концепции так же, как и развитие ее основной линии вплоть до революции 1917 г. Л. П. Липатова приходит к убеждению, что, несмотря на существование другого, демократического течения в русской историографии гуситского движения, славянофильская точка зрения была господствующей. В то же время, отметил докладчик, при всех недостатках русской славянофильской литературы о Гусе и гуситском движении нельзя отрицать определенных ее достижений.

А. И. Митряев (Харьков) в докладе «К вопросу об оценке в современной историографии учения Яна Гуса» остановился на серьезных успехах марксистского гуситоведения в СССР, Чехословакия и других социалистических странах. Докладчик подчеркнул, что стала очевидной полная несостоятельность идеалистических концепций буржуазной историографии, представители которой не видят за внешней религиозной оболочкой социального значения учения Яна Гуса. Некоторые из современных либерально-буржуазных историков усматривают в религиозных сочинениях Гуса выражение патристических устремлений чешского народа (Булье), другие — идеологию нравственно-культурной революции (Зайбт), третьи — отражение средневековой философской мысли (Гаммерих). Положительные результаты, достигнутые некоторыми историками (Зайбт, Бетс) в решении ряда частных вопросов, не внесли существенных изменений в традиционные идеалистические представления либерально-буржуазной историографии о Гусе.

Для современной католической историографии типичен отказ ряда историков от характерных представлений о Гусе как еретике. Его пытаются изобразить правозверным католиком, в основе сочинений которого лежат не еретические

идеи Викарфа, а мысли, высказанные одним из столпов католического догматизма Фомой Аквинским. Наиболее полно эта концепция изложена в многочисленных сочинениях бенедиктинского монаха Поль де Воюта. Нетрудно заметить, что за внешне новым отношением к Гусу скрывается прежнее стремление извратить сущность его учения и отвергнуть прогрессивное значение его деятельности.

В заключение докладчик подчеркнул, что историкам-марксистам следует значительно больше внимания уделять изучению церковно-догматических воззрений Гуса с тем, чтобы покончить с монополией буржуазного гуситоведения в этом вопросе и подготовить почву для создания фундаментального обобщающего марксистского труда о Гусе.

А. И. Озолин (Саратов) поставил ряд интересных проблем, которые касались истории формирования взглядов Яна Гуса. В своем докладе «Ян Гус и Констанцский собор» он отметил, что еще до Констанцкого собора взгляды Гуса стали изменяться. Выступления Я. Гуса на этом соборе свидетельствуют о том, что он стал выразителем настроений левого крыла бюргерской оппозиции. Материалы Констанцкого собора, подчеркнул А. И. Озолин, говорят об антифеодальной сущности учения Яна Гуса. Идеи Гуса в значительной мере явились источником идеологии плебейско-крестьянской оппозиции.

Актуальность проблем, связанных с Я. Гусом, доказывается выходом в свет в 1963 г. книги чехословацкого историка М. Маховца «Будет ли реабилитирован Ян Гус», который подвергает резкой критике тенденцию римско-католической церкви превратить Яна Гуса в правоверного католика.

Решения Констанцкого собора, направленные против Гуса и гуситов, отметил в заключение А. И. Озолин,

являются ярчайшей иллюстрацией подлинно реакционной роли римско-католической церкви в истории всей феодальной Европы.

Б. М. Руколь (Москва) в докладе «Иероним Пражский — соратник Яна Гуса» осветила деятельность ученика и сподвижника Я. Гуса, воззрения которого, по ее мнению, в ряде случаев были более радикальны, чем воззрения самого Гуса. Б. М. Руколь выдвинула гипотезу о непосредственной преемственности между деятельностью Иеронима Пражского и Яна Желивского.

П. И. Резонов в своем сообщении остановился на некоторых вопросах, связанных с происхождением революционной идеологии таборитов. Он рассмотрел, как решался этот вопрос в чехословацкой буржуазной историографии, обратил особое внимание на два ее основных направления — одно, ведущее свое начало от Ф. Палацкого, и другое, — представленное главным образом школой Й. Пекаржа. Первое направление в историографии, по мнению П. И. Резонова, имеет определенные заслуги перед исторической наукой, так как его представители многое сделали для изучения и издания источников по истории гусизма, выяснения преемственности и связи таборитских общественных идей и теорий с учением Яна Гуса. Разумеется, они не могли преодолеть своей методологической ограниченности.

Представители второго направления сознательно фальсифицировали историю происхождения таборитского движения и его идеологию.

В дооктябрьский период к материалистическому пониманию вопроса о происхождении таборитской идеологии и ее связи с учением Я. Гуса ближе всего подошел Эдзек Романович Неедлы. Однако эта проблематика получила более полную разработку только в послевоенные годы. Можно смело сказать, подчеркнул П. И. Резонов, что за последние 20 лет в разработке идейного наследия Гуса, в изучении гуситского движения в целом и особенно его левого крыла — таборитов, сделано значительно больше, чем за предшествующее столетие господства буржуазной историографии.

Н. А. Гусакова (Минск) в докладе «Ян Желивский — наследник и продолжатель дела Яна Гуса» показала, что Ян Желивский выступал как страстный защитник и продолжатель его идей. Он не только воскресил революционные тенденции в учении Яна Гуса, но и развил их с большей последовательностью. Являясь идеологом плебейской оппозиции, он выступил с протестом против всех видов угнетения.

О складывании политического союза Литвы и гуситов против Тевтонского ордена рассказал в своем докладе «Литва и гуситы» М. А. Ючас.

Ян Гус, отметил Ючас, был современником Грюнвальдской битвы и с большой радостью встретил весть о победе над Тевтонским орденом.

Ючас высказал предположение, что ближайший соратник Яна Гуса Иероним Пражский, посетивший в 1413 г. Литву, а затем и Псков, возможно принял участие в тех дипломатических переговорах, которые вел великий князь литовский Витовт, стремившийся создать новый союз для борьбы с Тевтонским орденом. Хотя союз Литвы с гуситами не мог быть прочным, он помог Литве вернуть свою область Жемайтю, захваченную орденом.

Отражению гуситской темы в русской художественной прозе — анализу повести А. Алтасва (псевдоним М. В. Ямщикова) «Ян Гус из Гусинца» (1904 г.) и ее романа «Троцкий пан» (1908 г.) посвятил свой доклад Л. С. Кишкин.

Он подчеркнул, что эти повести явились ярким свидетельством правильного понимания писательницей смысла гуситского движения и показателем ее прогрессивных устремлений, обусловленных связью с революционной петербургской молодежью. М. В. Ямщикова, отметил докладчик, ввела гуситскую тему в русскую художественную литературу лишь немногим позже, чем к ней обратился в своих произведениях чешский классик Алоис Прасек.

По докладам развернулись прения.

В интересном выступлении сотрудника Института славяноведения А. И. Рогова был поставлен вопрос о необходимости более внимательно исследовать тот подъем национального самосознания, который наблюдался в XV в. среди славян вообще.

Поездка Иеронима Пражского в Псков, реальность которой была поставлена под сомнение в выступлении Б. М. Руколь, была, по мнению А. И. Рогова, вполне закономерной, так как там в эти годы наблюдался большой подъем идейной борьбы. Псковские стригольники выдвинули требование о дешевой церкви, о ненужности исповеди и т. д.

А. И. Рогов обратил внимание на то, что идеи гуситов имеют некоторые общие черты с идеологией еретических движений в древней Руси того времени.

Таким образом, А. И. Рогов считает, что тема «гуситы и Россия» должна найти в работах советских историков соответствующее отражение.

Сотрудница Московской исторической библиотеки Н. М. Пашасва в своем выступлении рассказала о знакомстве русского общества XIX в. с литературой о Я. Гусе и гуситах. Фонды Исторической библиотеки, составленные из частных собраний, позволяют говорить, что литература о гуситах, выходявшая в Чехословакии и в Германии, приобреталась видными деятелями русской культуры.

Участники конференции в Посольстве ЧССР

Образ Гуса, борца за укрепление национального самосознания своего народа, был близок широким кругам прогрессивной русской интеллигенции. В 1915 г. в русской прессе широко был отмечен 500-летний юбилей со дня смерти Я. Гуса.

Сотрудник Московского университета И. В. Созин, поддержав выступление А. И. Рогова, высказал пожелание видеть на конференциях, посвященных истории славянских стран, также специалистов по русской истории.

Г. Э. Санчук (Институт славяноведения) остановился на значении историографических обзоров по истории гусизма. Он обратил внимание на необходимость изучения работ предшественников марксистской историографии и выделения различных течений в чешской историографии непосредственно после второй мировой войны (работы И. Шусты и др. по истории кануна гусизма). По его мнению, это необходимо сделать для того, чтобы показать, что чехословацкая марксистская историография по гусизму возникла не на пустом месте.

Г. Э. Санчук отметил, что проблема гусизма, наряду с другими вопросами медиевистики, в настоящее время выдвигается в число актуальнейших научных тем в связи с большой активизацией западногерманской реванистской историографии. В связи с этим особую важность приобретает показ национального значения гуситского движения и его влияния на славянские страны.

На заключительном заседании были подведены итоги работы конференции и принято решение послать приветствие Международной конференции в Праге, посвященной Яну Гусу.

А. Виноградова, Н. Пашаева

ДИСКУССИЯ О КУЛЬТУРЕ ЯЗЫКА В СЛОВАКИИ

На страницах популярного словацкого еженедельника «Kultúrny život» в течение нескольких месяцев (май—ноябрь) 1964 г. велась дискуссия о культуре и перспективах развития словацкого литературного языка. Было опубликовано более 30 статей, писем читателей и других материалов, что уже само по себе свидетельствует о живом интересе широкой общественности к вопросам, поставленным в дискуссии.

Начало дискуссии было положено остро эмоциональным выступлением известного словацкого переводчика Я. Ференчика, который в своей статье говорил о низком уровне современной языковой культуры в Словакии, об утрате или притуплении языкового чутья у представителей интеллигенции и в связи с этим резко критиковал некоторые теоретические принципы и практическую деятельность словацких лингвистов в области культуры языка. Немало фактов, свидетельствующих о недостатках современной речевой практики (различные нарушения литературных норм, неправильное словоупотребление и произношение, чрезмерное распространение сленга, заимствованных слов и т. п.), приводилось и в других дискуссионных выступлениях. Неоднократно указыва-

лось на низкий уровень языковой культуры средств массовой коммуникации (газеты, радио, телевидение). Отмечались также недостатки сценической речи (Я. Станислав) и языка художественной литературы (М. Хорват). Много говорилось о причинах и источниках языковых ошибок (Л. Дюрович, Ш. Ондруш и др.). Участники дискуссии (как лингвисты, так и нелингвисты) предлагали принять ряд практических мер по повышению культуры языка, значительно улучшить языковое воспитание (в разных формах и разными средствами). Следует отметить, что в ходе дискуссии по этим вопросам не всегда учитывалось различие между уровнями развитости современного словацкого литературного языка и речевой практики, т. е. степенью знания норм литературного языка и владения богатым арсеналом его выразительных средств. Правы были те лингвисты (Э. Паулини и др.), которые не соглашались с выдвинутым некоторыми участниками дискуссии положением, что современный словацкий литературный язык находится в состоянии упадка.

В ходе дискуссии, наряду с вопросами практического характера, были затронуты вопросы развиваемой чешскими и словацкими лингвистами теории лите-

турного языка и языковой культуры. Мы имеем в виду теорию, разработанную еще в 30-е годы представителями Пражского лингвистического кружка¹ и базирующуюся на функциональном понимании литературного языка.

Многие критических замечаний вызвали взгляды словацких лингвистов по вопросам нормирования и кодифицирования литературного языка. Как известно, важнейшим критерием при определении литературной нормы по упомянутой теории является «узус» (общеупотребительность, обычное, частое употребление). Иначе говоря, нормы языка познаются и определяются исходя из узуса. Многие участники дискуссии (Я. Ференчик, В. Мигалик и др.) резко возражали против «святости живого разговорного узуса».

Много упреков высказывалось по поводу позиции лингвистов в отношении различных «неправильностей» и «отклонений» от нормы в речевой практике. Их позиция расценивалась как либеральная, способствующая хаосу и анархии в языке (так характеризовался, например, тезис о «беспрепятственном развитии» литературного языка, выдвинутый Ш. Пеццаром). Некоторые из выступавших (В. Мигалик, М. Хорват и др.) упрекали словацких лингвистов в отказе от оценочного подхода к языковым фактам, в отказе от научной разработки норм литературного языка. Многие читатели требовали от лингвистов, чтобы они занимали по всем этим вопросам более жесткую и непримиримую позицию, давали определенный ответ на вопрос, что является в современной языковой практике «правильным» и что «неправильным». По-видимому, в какой-то мере эти претензии обоснованы, что признавали в ходе дискуссии и лингвисты (Э. Паулини). Все же можно отметить некоторую односторонность критики: она не учитывала такой характерной черты развитого литературного языка, как вариантность, которая предполагает сосуществование и конкуренцию различных параллельных способов выражения, форм, конструкций и т. п. Не всегда учитывалась и стилистическая дифференциация литературного языка. Кроме того, следует иметь в виду, что слишком усердная и прямолинейно осуществляемая «охранительная служба» может нанести серьезный ущерб развитию литературного языка. Что касается оценочного подхода, то, по мнению Л. Дюрвича и Д. Коллара, в сущности, только теперь осуществляется действительная и полная кодификация норм словацкого литературного языка (имеется в виду пятитомный толковый словарь словацкого языка, нормативная академическая

грамматика, работа лингвистов в области терминологии).

Горячие споры разгорелись также по вопросу о словацком пуризме. Некоторые из участников дискуссии (В. Мигалик, Й. Орловский и др.) выступили за пересмотр роли пуристов в развитии словацкого литературного языка, отметив их положительный вклад в решение ряда конкретных вопросов борьбы за повышение культуры словацкого языка. За конкретно-исторический подход к оценке словацкого пуризма высказался Ш. Ондруш. Вместе с тем было отмечено, что пуризм как теория языковой культуры с его принципом «исторической чистоты» языка является несостоятельным (Ш. Пеццар).

В дискуссии затрагивались и некоторые другие вопросы: о функции литературного языка (следует учитывать не только коммуникативную, но и национально-репрезентативную), о соотношении литературного языка и диалектов (в частности, подвергалось сомнению положение о нивелировании местных диалектов под влиянием литературного языка), об изменениях в литературном языке, связанных с развитием словацкой нации в современный период.

При обсуждении перспектив развития современного словацкого литературного языка в центре полемики был вопрос о взаимоотношении словацкого и чешского языков. Этот вопрос в последние годы привлекает пристальное внимание чехословацких лингвистов. Он обсуждался на конференциях об актуальных проблемах марксистского языкознания (Либлицы, 1960)² и на конференциях о тенденциях развития словацкого языка и проблемах культуры языка (Братислава, 1962)³. На этих конференциях выдвигался и обосновывался тезис о взаимовлиянии чешского и словацкого языков, об их сближении (прежде всего в сфере словарного состава)⁴. Было отмечено, что постоянно усиливающиеся хозяйственно-экономические и культурные связи чехов и словаков, живущих в едином социалистическом государстве, создают благоприятные предпосылки для сближения наций. В этих условиях заметно усиливается взаимодействие и взаимовлияние двух национальных языков (чешского и словацкого). В этом процессе наряду с факторами экстралингвистическими большую роль играют и факторы внутриязыковые: генетическая и структурная близость обоих языков, некоторые общие закономерности их развития.

² См. «Problémy marxistické jazykovedy». Praha, 1962.

³ См. «Jazykovedné štúdie», II. Bratislava, 1963.

⁴ Ibid., p. 236.

¹ См. «Spisovná čeština a jazyková kultura». Praha, 1932.

Вопрос о взаимоотношении словацкого и чешского языков был сначала лишь косвенно затронут в связи с характеристикой недостатков современной речевой практики, т. е. в связи с вопросами культуры речи. Однако в ходе полемики он скоро превратился в один из основных вопросов дискуссии. По мнению ряда выступавших (Я. Ференчик, В. Мигалик, М. Хорват и др.) нельзя считать доказанным, что процесс сближения чешского и словацкого языков действительно происходит.

Лингвисты стремились разъяснить свою позицию по этому вопросу, показать ее обоснованность и правильность.

Как отметил Я. Штибрани, общественность еще слабо информирована о проблеме сближения языков, и это является одной из причин неверных взглядов. Нередко сам термин «сближение» трактуется неправильно: «сближение» понимается как «слияние», в то время как речь идет о конвергентном развитии двух близко родственных языков, об их взаимном влиянии и обогащении (Ш. Пециар, Д. Коллар и др.). Этот момент подчеркнул и Я. Белич, по мнению которого в настоящее время было бы неправильно полагать, что развитие чешского и словацкого языков можно направлять так, чтобы они постепенно слились в один язык. Некоторые лингвисты отмечали, что положение о сближении чешского и словацкого языков еще недостаточно научно разработано (Р. Крайчович). С критикой термина «сближение» выступил П. Ондрус, который считает, что этот термин механически переносится из социологии в лингвистику. Вместе с тем он признает наличие взаимного, двустороннего влияния чешского и словацкого языков.

Словацкие лингвисты (Ш. Пециар, Я. Штибрани, Д. Коллар, Л. Дюрович и др.), признавая, что процесс взаимовлияния, взаимообогащения («сближение») чешского и словацкого языков является фактом действительности, отмечают, что он в неодинаковой мере охватывает разные сферы языка (заметен прежде всего в области лексики). Этот процесс рассматривается ими как внутриязыковое спонтанное явление. Большинство лингвистов (Я. Штибрани, Л. Дюрович, Д. Коллар и др.) высказывалось против искусственного вмешательства в этот процесс, против его форсирования. Вместе с тем в отношении некоторых сфер языка допускается и сознательное воздействие на течение этого процесса (например, в научной терминологии). В ряде выступлений указывалось, что процесс взаимовлияния не разрушает специфичности структуры контактирующих языков, что наряду с тенденцией к сближению постоянно действует другая тенденция: «сохранять преемственность и тождественность и развиваться по своим специфическим закономерностям» (Ш. Пециар;

№ 43, стр. 6). Против упрощенного понимания взаимоотношения чешского и словацкого языков высказались и другие лингвисты. Так, М. Иванова-Шалингова отметила: «В обоих наших национальных языках существуют определенные явления, которые имеют тенденцию сближаться, но также существуют явления, которые имеют тенденцию дифференцироваться» (№ 37, стр. 10).

Дискуссия показала необходимость дальнейшего научного изучения вопроса об отношении словацкого и чешского языков как в плане общетеоретическом⁵, так и в плане исследования конкретных проявлений взаимовлияния этих языков в современный период, степени и характера интерференции в разных сферах языка. Большую помощь в этом отношении могло бы оказать сопоставительное изучение словацкого и чешского языков, настоятельная потребность которого неоднократно отмечалась в ходе дискуссии.

Общая актуальность проблемы отношения словацкого и чешского языков определяется тем, что она имеет не только лингвистический, но и важный социологический аспект. Этот вопрос волнует не только специалистов-языковедов, но и широкую общественность, так как речь идет о перспективах развития литературного языка, являющегося важным общенациональным культурным достоянием.

В связи с поднятыми в дискуссии вопросами много говорилось о роли и задачах словацкого языкознания (прежде всего словакистики). Пафос большинства выступлений сводился к тому, что лингвисты должны занимать более активную позицию в борьбе за повышение языковой культуры, оказывать направляющее воздействие на развитие литературного языка. Лингвисты в связи с этим отмечали, что нельзя преувеличивать роль языкознания. Они исходили из того, что в обществе носителей национального литературного языка лингвист выступает только как «советчик», что он не имеет «исполнительной власти». Это, конечно, не отрицает того факта, что своей кодификаторской деятельностью, основанной

⁵ Следует отметить, что проблематика развития и взаимодействия национальных языков в социалистических странах приобретает в наши дни важное теоретическое и практическое значение. Большое внимание этим вопросам уделяют советские ученые. При Академии наук СССР создан Научный совет по комплексной проблематике «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций». Этой проблематике была посвящена всесоюзная конференция (см. сб. «Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху». Алма-Ата, 1964).

на научном изучении норм литературного языка и узуса, лингвисты оказывают косвенное влияние на развитие литературного языка. Что касается вопросов культуры языка, то им словацкие лингвисты в своей работе уделяют значительное внимание. Однако дискуссия показала, что общественность ждет большей эффективности, действенности их усилий в этом направлении. Наряду с этим справедливо указывалось, что одно языкознание не может справиться с задачами повышения культуры речи, в этом деле должна участвовать вся культурная общественность.

Дискуссия, проведенная на страницах еженедельника «Kultúrny život», была посвящена важной и актуальной проблематике. Характерной ее чертой было то, что существенные вопросы культуры речи и развития литературного языка обсуждались на широком общественном форуме. Правда, далеко не всегда удавалось прийти к единому мнению. Однако, как показал весь ход обсуждения, дискуссия была необходимой и полезной.

Л. Н. Смирнов

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

16 июня 1965 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук И. С. Миллером на тему: «Исследования по истории польской общественной мысли конца XVIII—XIX веков и русско-польских революционных связей 60-х годов XIX века» (к защите представлена совокупность печатных работ, опубликованных в 1950—1964 гг.).

Старший научный сотрудник института И. С. Миллер является одним из ведущих советских специалистов по истории Польши (XVII—XIX вв.). Его монографические исследования, статьи, разделы в коллективных обобщающих трудах, публикаторская и редакторская работа по указанной проблематике давно известны в СССР и в Польской Народной Республике. Большое внимание в своих исследованиях И. С. Миллер уделял развитию польской общественной мысли в период после разделов Польши, а в последние годы также русско-польским революционным связям 60-х годов XIX в., т. е. именно той проблематике, которую он выбрал для защиты. Результаты исследовательской работы по этой теме изложены И. С. Миллером в ряде разделов I и II томов «Истории Польши», во вводных статьях и комментариях трехтомника «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», который подготовлен им совместно с И. С. Нарским, в монографии «Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г.», написанной совместно с В. А. Дьяковым, и в ряде статей, сообщений, публикаций.

Официальными оппонентами на защите выступили чл.-корр. АН СССР В. И. Шунков, действительный член АН Литовской ССР Ю. И. Жюгжда, д-р ист. наук Н. Н. Улащик. Они в целом вполне положительно оценили представленные к защите исследования. К моменту защи-

ты в Ученый совет поступили также положительные отзывы академиков М. В. Нечкиной, М. Б. Митина и польских ученых, профессоров Г. Яблоньского и С. Кеневича. После дискуссии Ученый совет принял решение присвоить И. С. Миллеру ученую степень доктора исторических наук.

В. А. Петров

* * *

9 июня 1965 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР состоялась защита докторской диссертации А. Я. Манусевичем на тему «Польские интернационалисты в Октябрьской революции». Официальными оппонентами выступили акад. И. И. Минц, д-р ист. наук Г. Н. Голиков и д-р ист. наук И. И. Костюшко. В обсуждении диссертации приняли участие директор Института истории партии при ЦК ПОРП проф. Т. Данишевский, д-р ист. наук С. А. Могилевский и кандидаты ист. наук Р. А. Ермолаева и В. Р. Копылов.

Представленный на защиту А. Я. Манусевичем труд, обобщающий его многолетние исследования, не обманул надежд научной общественности — таков был единодушный вывод, содержащийся как в письменных отзывах советских и польских научных учреждений, так и в выступлениях официальных и неофициальных оппонентов.

На основе тщательного изучения большого документального, главным образом архивного, материала, периодической печати, советской и иностранной литературы автор диссертации показал, как освободительные идеи Октябрьской революции проникли в гущу более чем 2,5-миллионной массы трудящихся коренных польских земель, заброшенных мировой войной в глубины России, как складывался и креп революционный союз российский и польского пролетариата.

Акад. И. И. Мицг подчёркнул в своем выступлении высокие достоинства историографического и источниковедческого очерка, открывающего работу, и отметил, что автор впервые в литературе внимательно проанализировал численность, состав и географическое размещение польского населения, изложил историю основных польских политических организаций в России, подробно исследовал деятельность польских социал-демократических групп между февралем и октябрём 1917 г. Не замалчивая слабых сторон их деятельности, А. Я. Манусевич убедительно показал, как практика революционной борьбы привела к тому, что вопреки некоторым заблуждениям в теории польская революционная социал-демократия шла вместе с большевиками.

По мнению Г. Н. Голикова, диссертант сумел всесторонне обосновать вывод о том, что активное участие польских интернационалистов в Октябрьской революции содействовало ее победе, способствовало обогащению польского революционного движения великим историческим опытом нашей партии, упрочило русско-польский революционный союз. Большой заслугой А. Я. Манусевича, отметил оппонент, является исследование вопросов партийного строительства групп СДКПиЛ и ППС-левицы в России.

И. И. Костюшко обратил внимание на фундаментальность и разносторонность исследования А. Я. Манусевича, который ввел в научный оборот много новых материалов, позволивших нарисовать яркую картину деятельности польских интернационалистов. Автор убедительно показал, что, сражаясь за победу пролетарской революции в России, польские интернационалисты являлись истинными патриотами, борющимися за свободу и независимость своего народа. Неоспоримым достоинством диссертации, подчеркнул И. И. Костюшко, является и то, что в ней рассказано о сотнях славных революционеров, имена которых были или несправедливо забыты или совершенно неизвестны.

Официальные оппоненты выразили также пожелания более обстоятельно осветить участие польских интернационалистов в Октябрьском вооруженном восстании, полнее раскрыть деятельность местных групп СДКПиЛ и уточнить их численность, рассказать о связях польских интернационалистов с революционными организациями военнопленных Центральных держав, уточнить отдельные формулировки и характеристики.

Принявший участие в дискуссии проф. Т. Данишевский, выразив свое полное согласие с высокой оценкой работы А. Я. Манусевича, данной в выступлениях официальных оппонентов, остановился на некоторых спорных вопросах той сложной и важной проблемы, которая иссле-

дуется в диссертации. Проф. Т. Данишевский отметил, в частности, что, по его мнению, поддерживая большевиков, польские социал-демократы объективно внесли свой положительный вклад в дело национального освобождения, однако было бы преувеличением утверждать, что в своей деятельности они правильно сочетали интернациональные и национальные задачи.

Ученый совет Института славяноведения АН СССР единогласным решением присвоил А. Я. Манусевичу ученую степень доктора исторических наук.

А. К. Ванский

* * *

16 июня 1965 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации А. Д. Марченко на тему «Содружество советских и чехословацких воинов в боях за освобождение территории СССР».

Диссертация содержит обширный материал по истории формирования чехословацкого батальона, а затем и корпуса на территории Советского Союза в годы второй мировой войны. А. Д. Марченко на конкретных примерах показал, как зарождалось боевое содружество советского и чехословацкого народов в борьбе против германского фашизма.

Официальные оппоненты по диссертации — д-р ист. наук, полковник Д. М. Прозктор и канд. ист. наук Ф. П. Петров, отметив большую политическую актуальность вопросов, разработанных в диссертации, единодушно высказались за присуждение ее автору ученой степени кандидата исторических наук.

Оппоненты подчёркнули, что А. Д. Марченко хорошо владеет советскими и чехословацкими источниками по данной теме, в том числе и материалами местных архивов.

Особенностью диссертации А. Д. Марченко, указал Д. М. Прозктор, является то, что работа над темой потребовала от автора солидного знания гражданской и военной истории и что диссертант успешно справился с этой задачей. Возражение Д. М. Прозктора вызвал лишь тезис диссертанта о причинах неудач Юго-западного и Воронежского фронтов после Сталинградской битвы. Действительная причина этих неудач, по мнению оппонента, была не в растянутых коммуникациях, недостаточности аэродромной сети, а в ошибках советского верховного командования по использованию стратегических резервов.

Ф. П. Петров отметил, что диссертант сумел хорошо показать трудности становления новой армии Чехословакии, вызванные сопротивлением реакционных сил эмигрантского буржуазного правительства, но недостаточно четко сказал,

что замысел реакционеров изолировать чехословацких воинов от влияния коммунистов провалился.

Помимо официальных оппонентов выступил генерал-майор М. П. Кутузов, который в годы второй мировой войны был начальником Отдела внешних сношений Министерства вооруженных сил СССР. Как непосредственный свидетель исследованных в диссертации событий он отметил, что диссертация производит хорошее впечатление и заслуживает положительной оценки.

Т. П. Блинова

30 июня 1965 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации Н. П. Митиной на тему «Русско-польские революционные связи в Сибири и Кругобайкальское восстание (1864—1866 гг.)».

В диссертации освещается мало изученный в историографии вопрос о революционной деятельности участников общероссийского освободительного движения 60-х годов и восстания 1863 г., сосланных в Сибирь, и о дальнейшем развитии русско-польского революционного сотрудничества. Н. П. Митина раскрывает социально-политические основы русско-польского революционного союза с учетом общественного и революционного движения в Сибири и деятельности русских и польских революционных организаций в Москве и Петербурге этого времени.

Решение вопросов, поставленных в диссертации, потребовало от автора не только изучения всей имеющейся литературы, но, что особенно важно, расширения круга источников, привлечения новых архивных материалов. Архивные документы позволили автору диссертации сделать вывод, что в Сибири в середине 60-х годов ярко проявился и получил практическое воплощение союз демократических сил Польши и России, сложившийся накануне и в ходе восстания 1863 г. Революционное движение в Сибири выходило за рамки местного значения и являлось составной частью общероссийского подъема 60-х годов XIX в., а выступление сыльных на Кругобайкальской дороге в июне 1866 г. — последней атакой на самодержавие эпохи первой революционной ситуации.

Оппоненты по диссертации Н. П. Митиной — д-р ист. наук А. Ф. Смирнов и канд. ист. наук У. А. Шустер — дали положительную оценку работе, отметили, что исследование диссертанта имеет большое значение не только для изучения русско-польского революционного союза после восстания 1863—1864 гг., но представляет большой интерес и для исследователей, работающих над проблемами истории Сибири и Польши.

Ученый совет Института славяноведения единогласно присудил Н. П. Митиной ученую степень кандидата исторических наук.

Л. А. Обушкова

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

● 22 апреля 1965 г. в группе истории культуры зарубежных славянских стран состоялось очередное заседание, на котором был обсужден и рекомендован к печати сборник «Данте и культура славянских народов» (под общей редакцией И. Ф. Балзы).

Сборник подготовлен к печати сотрудниками группы в содружестве с видными специалистами-дантологами других славянских стран в связи с 700-летним юбилеем со дня рождения Данте Алигьери.

Коллектив авторов поставил перед собой задачу дать широкую и по возможности полную картину связей национальных культур славянских народов с идейным и художественным наследием великого поэта Италии.

Сборник содержит статьи: И. Ф. Балза. Данте и национальные идеалы славянских народов; Н. Кравцов. Творчество Данте в литературах народов Югославии; К. Моравский. Данте в Польше в XV—XIX вв.; И. Букачек. Данте и чешская и словацкая нации; Г. Димов. Данте в Болгарии; Ю. Келдыш. Данте

в русской музыке; С. Балза. Брюсов и Данте.

С выходом в свет указанного сборника советский и зарубежный читатель впервые получит возможность в целостном виде представить себе развитие дантологии в славянских странах, увидеть сложные и многообразные связи культуры славянских народов с творчеством великого флорентийца.

● Вышел из печати сборник «Славянское источниковедение». Он содержит следующие статьи и материалы: С. А. Никитин. Паавий Хилендарский и современная ему южнославянская историография; Б. С. Попков. Историческая концепция Иохима Лелевеля в оценке польской шляхетско-буржуазной историографии; Г. В. Киселев. К характеристике революционного мировоззрения К. С. Калиновского («Сведения» В. Ф. Ратча как исторический источник); И. С. Миллер. Пропагандистская деятельность Н. П. Огарева в 1863 г. и Бернская типография (Новые данные из архива Бала-

шевича-Потоцкого); И. Г. Сенкевич. Из истории освободительной борьбы в Западной Македонии и Косове в 1878—1881 гг. (По новым архивным материалам).

Публикации: В. Р. Ваврик. Универсал Яна Казимира 1656 г.; А. С. Мильников. Документ «славянского семинара» П. Добровского; С. А. Виноградов, Е. П. Наумов, Г. П. Чеканова. Из переписки Вука Караджича с русскими учеными; В. Г. Карасев. Вук Караджич и Россия; Г. В. Краснов. Письма Ксенофонта Жинзифова Н. В. Гербелю; В. М. Херолина. К истории русско-сербских революционных связей 70-х годов XIX в.; А. А. Улуянн. Неопубликованные материалы по истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; И. Г. Сенкевич. Новые документы об освободительной борьбе в Западной Македонии и Косове в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в.;

К. Л. Струкова. Новые документы о положении в Ускюбском вилаете в 1903 г. (Из дописаний русских консулов).

● 16 июля 1965 г. Институт славяноведения АН СССР посетил директор Института истории партии при ЦК КПРП тов. Тадеуш Данишевский. Он сделал сообщение о некоторых проблемах изучения национального вопроса историками Народной Польши. Докладчик ответил на вопросы. Были заслушаны выступления сотрудников.

● 12 июля 1965 г. Институт славяноведения АН СССР посетил директор Института истории Лодзинского университета профессор Юзеф Дуткевич. Тов. Ю. Дуткевич прочитал лекцию на тему «Англия и польское восстание 1830 г.», которая вызвала большой интерес у сотрудников.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

ПОЗНАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

(Историческая наука в Познани)

За 20 лет Народной Польши определилось четкое направление работы познанских ученых, группирующихся вокруг Исторического института Университета им. Адама Мицкевича. С одной стороны, они продолжали традиционные исследования, а с другой, — ставили и решали новые задачи. Следует подчеркнуть, что в сфере традиционных исследований под влиянием методологии исторического материализма расширился и несколько изменился круг научных исследований. В настоящее время все чаще поднимаются проблемы, имеющие решающее значение для воссоздания и выяснения исторического процесса, все больше и больше уделяется внимания истории полового и новейшего времени, которая раньше недооценивалась.

Можно было бы выделить следующие основные темы, разрабатывающиеся познанскими историками:

1) история средневековой Польши в связи с историей славян и учетом генезиса польского общества и польского государства;

2) проблематика польско-чешского пограничья. Особое внимание этой тематике уделяет Западный институт;

3) история Великой Польши и Поморья, преимущественно в новое и новейшее время;

4) экономическая история;

5) история народов Советского Союза;

6) источниковедение и методология истории;

7) древняя история.

В области исследований по истории раннего польского государства и древних славян выделяются спитетические работы К. Тыменецкого «Польские земли в древности» (1951) и Г. Ловмянского «Начало Польши» (т. I—II, 1963, 1964), касающиеся важнейших моментов истории польских земель до образования государства. К этому типу пионерских работ о становлении государственности следует отнести также книгу Г. Лябуды «Исследования о начале польского государства» (1946).

Истории славян посвящены работы Г. Лябуды «Первое государство славян. Государство Само», «Очерки истории западных славян» (т. I—II, 1960, 1964) и Г. Ловмянского «Экономические основы формирования славянских государств» (1953). Большой размах исследований о зарождении польской государственности нашел свое выражение в издании Познанским обществом друзей науки двухтомного сборника статей, посвященного проблеме становления польского государства, под названием «Книга тысячелетия» (1962).

При активном участии познанских историков Польской Академией наук издается «Словарь славянских древностей», являющийся энциклопедией сведений по древней истории славян. В подготовке лекций под редакцией Е. Топольского коллективным трудом: «История Гнезна» все-

стороне освещается история первой столицы Польши.

Все эти работы отходят от традиции, согласно которой основное внимание концентрировалось на анализе политических вопросов, дают широкое описание древнейшей истории польских земель, рассматривают процесс образования государства, как следствие общественного и экономического развития. Одновременно значительно углубилось изучение славяно-германских, польско-германских и славяно-скандинавских отношений как в эпоху, предшествовавшую возникновению польского государства, так и в период его создания, становления и укрепления. Продолжением этих исследований являются многочисленные работы К. Тыменецкого, а также начатые по его инициативе работы о развитии польского общества в средние века. Отличительная черта этих работ — тесная связь с экономическими исследованиями. Социально-экономическая проблематика средневековой деревни довольно интенсивно изучалась. Здесь следует упомянуть о работах Г. Хлопоцкой, Э. Вельгоша, Г. Домбровского, С. Хмелевского, посвященных истории деревни (экономическое развитие, категории крестьян, феодальное землевладение).

Итогом этих многолетних исследований является находящийся в печати труд «История крестьянства».

Наряду с этим ведутся исследования по истории города, продолжающие традицию борьбы с распространяемой буржуазной наукой так называемой колониационной теорией возникновения славянских городов. Среди многих работ, посвященных этой тематике, следует назвать книгу К. Тыменецкого «Организация ремесла раннего средневековья и развития польских городов» (1955).

Средневековая тематика преобладала и в исследованиях историков государства и права Э. Войцеховского, Э. Качмарчика, К. Колячичка, М. Счанецкого, Ю. Матушевского, В. Майзеля, Б. Лесинского, Е. Валяховича и др., которые создали в Познани сильный научный центр.

Проводимые после войны исследования польско-немецких отношений характеризуются глубиной и всесторонностью. В эти исследования включились значительные группы немецких историков из ГДР, которые тесно сотрудничают с польскими историками. Это облегчает борьбу с извращениями истории польско-немецких отношений. Такое сотрудничество стало важнейшей предпосылкой успешного изучения этой проблемы в Познани. О достижениях в этой области свидетельствует ряд синтетических работ. К ним прежде всего следует отнести книгу Э. Войцеховского «Польша-Германия» (1945), Э. Качмарчика «Немецкая колонизация на Восток от Одры» (1945) и

исследования по истории Германии К. Тыменецкого (средневековье) и Я. Паевского (новая история). Проблемы истории Силезии, Поморья и Любушской земли рассматриваются в работах К. Тыменецкого, Г. Ловмянского, Г. Лябуды, К. Мыслинского, Г. Матушевской-Зюлковской, Г. Хлопоцкой, Ю. Матушевского, М. Счанецкого, Б. Миськевича; германская политика в отношении польского народа — в трудах Я. Паевского, В. Якубчика и др.

Касаясь историко-экономических исследований, напомним об инициативе Я. Рутковского, который сразу же после войны организовал предварительное изучение истории деревни на Западных землях («Сельское хозяйство на возвращенных землях»).

Новая история Поморья была предметом изучения С. Бодняка, Я. Двожачковой и Э. Бораса. С организацией Отдела истории Поморья в Институте истории ПАН (руководитель Г. Лябуда) изучение истории Поморья стало развиваться более интенсивно.

Из исследований по периоду гитлеровской оккупации Польши выделяются две большие работы: В. Русинского «Положение польских рабочих в период войны 1939—1945 гг.» (2 тома, 1945, 1949) и Я. Дересевича «Немецкая оккупация на польских землях, включенных в состав Германии», исследование Я.-К. Поспешальского, Ц. Лучака, С. Павроцкого, В. Маркевича, К. Сосновского.

Широко изучается в Познани история Великой Польши XIX и XX вв. и Народной Польши. Здесь в первую очередь следует назвать многочисленные труды Е. Вонсицкого, практически характеризующие почти всю основную проблематику исторического периода 1793—1815 гг.

Историей так называемого Великого Княжества Познанского (1815—1918) занимались прежде всего Э. Грот, В. Якубчик, Ф. Папроцкий, С. Кубяк, Л. Тжетьяковский, Э. Хеммерлинг, Я. Марчевский, Ц. Скоповский, Л. Гомолец. Наиболее ранними последовательными публикациями являются работы Э. Грота «100 лет заводам Г. Цегельского» (1946) и В. Якубчика о Е. К. Мартинковском, составленная Э. Гротом биография Гипполита Цегельского (1947), а также книга М. Квята «История раскрепощения в Великом Княжестве Познанском» (1949).

Позднее этой проблеме касались В. Якубчик, С. Павроцкий, С. Боровский, Э. Грот, Ф. Папроцкий.

Сотая годовщина январского восстания 1863 г. вызвала оживление интереса к этому периоду польской истории. Были опубликованы работы Э. Грота «1863 год в прусской Польше» и А. Чубинского о восстании 1863—1864 гг. в Калишской земле. Здесь можно вспомнить об изданной еще в 1948 г., выходящей за рамки

истории Великой Польши, работе В. Кнаповской под названием «Отголоски польского восстания 1831—1834 гг.». Что касается истории рабочего движения, которая стала изучаться только в послевоенный период, то познанские историки достигли здесь значительных результатов. Следует отметить публикации В. Якубчика, А. Чубинского, С. Кубяка, Е. Маковского, Ф. Лозовского, З. Дворецкого, В. Рогали. Среди работ А. Чубинского заслуживает внимания изданное в 1963 г. обобщающее исследование «Центролев. (Формирование и развитие демократической антисанационной оппозиции в Польше в 1926—1930 гг.)», написанный совместно с Е. Маковским труд под названием «Классовое рабочее движение в Великой Польше в период II Республики 1918—1928 гг.» (1963), а также исследование о рабочем движении в восточной части Великой Польши.

Интенсивно исследовалась познанскими историками проблематика Великопольского восстания 1918—1919 гг. В 1958 г. под редакцией К. Пиварского был издан сборник статей по истории этого восстания. Ему же была посвящена научная сессия, проходившая в Познани в связи с 40-летием восстания, материалы которой были опубликованы в специальном томе «Исследований и материалов по истории Великой Польши и Поморья» (т. V, тетр. 2, 1960). В 1962 г. был издан еще один сборник (под ред. З. Качмарчика), содержащий новые исследования о восстании. Еще раньше на специальной научной сессии рассматривались проблемы, связанные с революцией 1905—1907 гг. на территории прусской Польши. Материалы этой сессии также были опубликованы в специальном томе «Исследований и материалов по истории Великой Польши и Поморья» (т. III, тетр. 1, 1957).

Политической истории Великой Польши посвящены работы Л. Тжетяковского: «Политика польских господствующих классов в период канцлерства Каприви (1960)» и «Борьба за польский облик городов Познанщины на рубеже XIX—XX веков» (1964). Историей культуры занимались Т. Кляновский, С. Михальский, З. Грот.

Из публикаций источников, посвященных Великой Польше XIX и XX вв., следует отметить «Протоколы заседаний Польского кола 1848—1850 гг.» в обработке З. Грота (1956) и документы по истории сельских стачек на Познанщине 1919—1922 гг. (1959), подготовленные к изданию А. Чубинским и М. Скнеком. Ряд изданий источников по истории Великой Польши имеет учебный характер.

Все интенсивней ведется исследование истории Великой Польши после 1945 г. Появился уже ряд работ, в том числе коллективный труд, изданный под редакцией Ц. Лучака, «Польская рабочая

партия в Познанском воеводстве 1945—1948 гг.» (1964), работа С. Кубяка «К вопросу о развитии и деятельности ППР в Великой Польше и Любушской земле 1945—1946» (1964) и монография об аграрной реформе в Познанском воеводстве З. Патерчика. Празднование 20-й годовщины освобождения Великой Польши и Познани привело к активизации в изучении проблем, связанных с возникновением Народной Польши.

В связи с научной деятельностью Я. Рутковского, автора «Экономической истории Польши» (I том 1946, 1947, II том издан посмертно в 1950 г.), уже в межвоенный период Познань стала одним из главных центров историко-экономических исследований в стране.

В области аграрной проблематики XVI—XVIII вв. стоит упомянуть прежде всего многочисленные труды В. Русинского, в том числе о последствиях войны со Швецией в середине XVII в. (1957), о расколе великопольской деревни в XVIII в. (1953); Е. Топольского (три его книги, посвященные владениям гвезденского архиепископства, показывают экономический регресс на рубеже XVI—XVII вв., интерес к забытым в свое время проблемам аграрной техники, 1955, 1956, 1958); С. Щотки (общественное положение крестьянства, классовая борьба), работы Ю. Буршты, В. Двожачка, Г. Маевского и др. Следует обратить внимание на ценные публикации документов, относящихся к истории деревни. Сюда относятся: «Материалы по истории великопольского крестьянства во 2-й половине XVIII в.», изданные Я. Дересевичем (1957), «Инвентари шляхетских владений Калишского повета» В. Русинского (1955, 1957), инвентари некоторых поморских старост (Г. Лябуда, 1954, 1959), люстрации подлянских королевских имений в XVI в. (Е. Топольский и Е. Висневский, 1959), сандомвских имений (В. Охманский, 1963), экономические инструкции (Я. Белецкая, 1959). Публикацию о продаже крепостных подготовил Я. Дересевич (1957).

Стоит упомянуть и ценное собрание великопольских сеймовых актов XVI—XVII вв., опубликованное В. Двожачком.

В области аграрных исследований и изучения истории материальной культуры в Познани тесно сотрудничают историки и этнографы. Это сотрудничество ярко проявилось в коллективном труде «Народная культура Великой Польши» под ред. Ю. Буршты. Историки Познани приняли также активное участие в составлении и редактировании «Очерков по истории сельского хозяйства». В 1959 г. вышла под редакцией В. Русинского «История великопольской деревни».

Об успехах познанских историков в области изучения истории города, промышленности и торговли свидетельствует появление работ Ц. Лучака о ремесле

XVIII в. в Познани, Е. Вислоцкого о правовой организации ремесла в Познани в XVI—XVII вв., Я. Дересевича о великопольских мануфактурах, Е. Топольского о торговле гор. Гнезна, М. Грича о познанской торговле, С. Вашака и В. Войцеховского о демографии Познани, «Истории Щецина» (под ред. Г. Лябуды), «Истории Гнезна» (под ред. Е. Топольского, 1964), а также книги З. Кулевской-Топольской о возникновении новых городов в Великой Польше в XVI—XVIII вв. (1964). Кроме того, познанскими учеными написан ряд монографий по истории городов. К примеру можно указать на монографии о городах Коло (ред. Ю. Буршта) и Зеленая Гура (ред. Я. Восицкий). Истории Познани посвящены опубликованные в связи с 700-летием города статьи в «Пшегльнде заходнем». В 1953 г. вышла также книга Т. Рущинской и А. Славской под названием «Познань», а в 1956 г. — 3-томный сборник статей под названием «Тысячелетие Познани».

Из публикаций документов по истории городов следует отметить работу В. Майзеля «Постановления высших судов великопольских городов XV и XVI вв.» (1959), «Люстрации и описания города Познани XVI—XVIII вв.» (1960). Особого внимания заслуживает первое в стране издание городских инвентарей XVI—XVII вв. (С. Навроцкий, Е. Вислоцкий, 1961) и XVIII в. (Ю. Буршта, Ц. Лучак, 1962), расширяющие источниковедческую базу по истории города.

Познанскими историками разрабатывается также экономическая история периода феодализма и капитализма. Здесь следует упомянуть работы В. Русинского (о проблеме пустошей) и Е. Топольского (об аграрной истории Западной Европы и возникновении капитализма в Европе). В. Русинским написан также большой труд об экономическом развитии польских земель (1963) и проведен ряд исследований по экономической истории XIX и XX вв. В области аграрных исследований выделяются многочисленные работы С. Боровского, который на базе большого и разнообразного документального материала, используя методы исторического, экономического и статистического исследования, значительно расширяет наши знания в данной области. Ему принадлежат работы о механизации великопольского сельского хозяйства в XIX и XX вв. (1957, 1958), расслоении великопольской деревни 1807—1914 гг. (1962) и возникновении рынка рабочей силы в деревне Великой Польши в период великих аграрных реформ (1963). Аграрной историей эпохи капитализма занимался, кроме того, С. Навроцкий, который в работе об имении Львувек прослеживает рост капиталистических отношений в сельском хозяйстве (1962). Аграрная проблематика Западного По-

морья рассматривается в работах Е. Висневского (развитие капитализма в сельском хозяйстве) и Б. Древняка «Сезонные рабочие в Западном Поморье, 1890—1918» (1959). Интересную попытку объединения исторических и социологических методов исследования представляет собой работа Ю. Буршты под названием «Общество и корчма» (1951). Изучением истории лесного хозяйства в Польше занимается Ю. Брода. Аграрные проблемы межвоенного двадцатилетия исследуются пока довольно слабо, хотя и здесь намечаются некоторые сдвиги. Назовем работы С. Варкочевского, изучающего положение сельскохозяйственных рабочих, и Е. Маевского, который в «Истории великопольской деревни» впервые дал комплексный набросок аграрной истории Великой Польши этого периода.

Развитие исследований по истории ремесла и капиталистической промышленности в Великой Польше связано прежде всего с научной деятельностью Ц. Лучака. Результатом этих исследований были фундаментальные книги по истории великопольской промышленности в 1815—1870 (1959) и 1871—1914 гг. (1960), а также труды о великопольском ремесле периода 1793—1918 гг. Эта последняя работа является частью большого коллективного труда под редакцией З. Грота. В 1963 г. опубликована часть этого труда, посвященная политическому положению великопольских ремесленников в период после разделов (авторы Т. Филипяк, З. Грот, Ф. Папроцкий, Л. Тжетяковский, Т. Веселовский).

Удачную монографию о заводах Г. Цегельского подготовил В. Радкевич, который в своей работе сочетал исторический анализ и экономические исследования (1962). Экономическую историю Познани XIX в. разрабатывает Ц. Лучак. Историей льняной промышленности в Силезии до середины XIX в. занимался В. Русинский (1949). Экономике межвоенного периода посвящено только несколько работ и прежде всего труды С. Выкрентовича о сахарной промышленности (1962) и Г. Матеевского о положении рабочего класса в Великой Польше (1963). Над проблемами экономического положения рабочего класса в Великой Польше в 1871—1914 гг. работает В. Шульц. Необходимо также отметить работы Т. Филипяка по истории профессиональных союзов в Великой Польше до 1918 г., а также развитие исследований по истории кооперации. Интенсивно ведущиеся под руководством Ц. Лучака исследования экономической истории Народной Польши пока не дали еще значительных результатов, хотя по мере их завершения здесь можно ожидать появления новых работ.

Изучение истории народов Советского Союза в Познанском университете (зав. кафедрой Г. Ловмянский) охватывает

широкий хронологический период, включающий феодальную и капиталистическую эпохи. Исследования здесь носят в значительной мере историко-экономический характер. Следует отметить труд Г. Ловмянского по истории раннефеодальной Руси под названием «Роль норманнов в развитии славянских государств» (1957). Этому же вопросу была посвящена организованная кафедрой истории народов СССР специальная научная сессия, в которой участвовали и советские ученые. Средневековой тематике были посвящены также работы С. Касперчака о классовой структуре русского общества в «Повести временных лет» (1956) и С. Александровича — о польско-русских торговых отношениях перед нашествием татар (1958). Другое направление работы кафедры — изучение истории Литвы и Белоруссии в эпоху феодализма и капитализма. До последнего времени здесь преобладали исследования по периоду XVI—XVIII вв.; в настоящее время внимание исследователей все в большей степени занимают XIX и XX века. Среди многочисленных трудов по истории феодализма в первую очередь следует отметить работы Е. Охманского, который специализируется по истории Литвы. Изучая зарождение крупной собственности в Великом Княжестве Литовском, он написал книгу «Возникновение и развитие латифундий виленского епископства, 1387—1550» (1963), занимался также общественно-экономической историей феодальных владений (земельные владения на Кобрыньщине, 1959) и вопросами организации обороны от нашествия крымских татар в XV—XVI вв. в Великом Княжестве Литовском.

Проблемой формирования фольварочного хозяйства в связи с «волошной померой» занимался С. Касперчак. Е. Можки сконцентрировал свое внимание на вообще не разрабатывавшихся вопросах заселения Литвы и Белоруссии в XVII в. и опубликовал работу о развитии виленских цехов до конца XVII в. (1961). Исследовательский характер имеют также труды С. Александровича, из которых следует отметить «Городки Белоруссии и Литвы как центры торговли в XVI и 1-й половине XVII века» (1961). Сейчас на кафедре истории народов Советского Союза продолжают исследования по аграрной истории Белоруссии после реформы 1861 г. (С. Касперчак), белорусских городов XIX в. (С. Александрович), аграрной истории и демографии Белоруссии в XVII—XIX вв. (Е. Можки), экономической истории Восточной Белоруссии (М. Топольская). Историей великокняжеской литовской канцелярии и документации занимается М. Росман.

Источниковедческая тематика находит свое отражение в издаваемых в Poznani

«Трудах по источниковедению» и отмеченных выше публикациях. В хронологическом отношении здесь преобладают публикации средневековых документов. Характерная черта этих публикаций — тесная связь с историей культуры и идеологии. Здесь прежде всего следует отметить труды Г. Лябуды, Г. Ловмянского и Б. Кюрбусовны. Среди работ Г. Лябуды отметим «Саги и легенды как источник по истории древнейшей Польши» (1960), «Скандинавские и англосаксонские источники по истории славян» (1961), а также исследования, посвященные Ибрагим-Ибн-Якубу (1947), Поморской аналитике (1954), Хронике Галла Анонима (1960) и др. Г. Ловмянский занимался вопросами происхождения «Географа Баварского» (1951—1952). Б. Кюрбусовна — исследованием великопольской хроник (1952), великопольскими летописями XIII и XIV веков (1959) и изданием великопольских ежегодников из серии «Monumenta Poloniae Historica» (1962). Ей принадлежит также статья «Dagome Judex» (1962) и раздел по истории средневековой гвезненской культуры в «Истории Гвезна» (1964). К источниковедческой тематике относятся и исследования по так называемым вспомогательным историческим дисциплинам. Среди них широтой и новаторством отличаются работы В. Дворчака и особенно его «Генеалогия» (1959).

Следует подчеркнуть, что познанские ученые начинают проявлять интерес к вопросам методологии истории. Особенно много внимания этой проблематике уделяют Г. Лябуда, Е. Топольский и Б. Миськевич. Г. Лябуда писал о методологии исторических источников (1957), Е. Топольский совместно с А. Малевским — о методологии исторического анализа и синтеза («Исследования по методологии истории», 1960), Б. Миськевич — о методологии военной истории (1960) и технике исторических исследований («Вступление к историческим исследованиям», 1963).

Подводя итоги, следует сказать, что познанские историки, работающие в основном в Историческом институте Университета им. Адама Мицкевича, активно участвуют в развитии исторической науки в Народной Польше. Они поддерживают постоянный контакт с различными историческими центрами в Польше и за рубежом. Следует отметить их интенсивное сотрудничество с советскими историками (прежде всего с литовскими и белорусскими), а также с историками Германской Демократической Республики (в рамках Польско-немецкой комиссии, координирующей совместную разработку поставленных проблем).

Витольд Якубчик, Ежи Топольский

ДВЕ НЕДЕЛИ В ЮГОСЛАВИИ

С 17 ноября по 3 декабря 1964 г. я находилась в командировке в Югославии по приглашению дирекции Галереи фресок в Белграде. Во время пребывания в Белграде в соответствии с выработанным планом мною были прочитаны две лекции на тему: «Памятники прикладного искусства в музеях Москвы и Ленинграда». Лекции были предназначены для студентов — историков искусства, однако, на них присутствовал также профессорско-преподавательский состав и работники музеев.

20 ноября в Белградском университете на первом заседании Общества историков искусства я выступила с докладом, посвященным 200-летию Эрмитажа. 21 ноября на совместном заседании Византологического и Археологического институтов Сербской академии наук (под председательством проф. Г. А. Острогорского) состоялся мой доклад на тему: «Роль Константинополя и провинциальных центров в прикладном искусстве Византии». В обсуждении доклада приняло участие несколько специалистов, согласившихся с основными положениями доклада. Все мои выступления происходили на русском языке, который понимало большинство слушателей.

Чрезвычайно полезными были встречи с профессорско-преподавательским составом кафедры истории искусств: профессорами С. Радойчичем, В. Джуричем, И. Максимовичем и другими, а также деканом философского факультета проф. В. Корачем, директором Археологического института проф. Дж. Бошковицем, директором Византологического института проф. Г. Острогорским.

Большой интерес представляет Галерея фресок, возглавляемая одной из видных деятельниц партизанского движения Л. Нерович. Сама идея создания Галереи, ведущей огромную работу по копированию замечательных фресковых росписей, заслуживает всяческого внимания. Подобная фиксация памятников, как показал в частности трагический опыт второй мировой войны, имеет чрез-

вычайно большое значение. Галерея организует многочисленные выставки как внутри Югославии, так и далеко за ее пределами в разных странах Европы и Америки, способствуя таким образом пропаганде высоких образцов средневекового искусства Югославии.

Мне удалось побывать в Манасни, Раванице и Каленгче, в Студенице, Сопочанах, Грачанце, Пече, Дечанах, Старо-Нагоричино, Андреаше и других местах, знаменитых своими памятниками архитектуры и живописи XII—XIV вв.

Хочется отметить то большое внимание, которое уделяется в Югославии охране памятников искусства и старины, реставрационным работам и исследованию этих памятников. В каждом из этих пунктов можно приобрести брошюры или небольшие, хорошо изданные книжки обычно на четырех языках, фотографии и открытки. Особого упоминания заслуживает недавно начатое (в Белграде и Загребе) издание серии монографий, посвященных отдельным, особо выдающимся памятникам (Милешево, Сопочаны и др.). Эти монографии изданы на высоком научном и полиграфическом уровне. В них содержится большое число цветных и черно-белых воспроизведений памятников, вводный текст и резюме на английском языке, тщательно выполненные планы, схемы росписей, библиография. Их с интересом встретили специалисты и широкие круги читателей.

Заслуживает всяческого уважения почитание памяти погибших участников движения Сопротивления, партизан. Это подлинно величественные памятники, господствующие над местностью, где протекали эти давние исторические события.

Несмотря на свою кратковременность моя командировка несомненно окажется весьма полезной для дальнейшей работы. Контакты с коллегами, надеюсь, были плодотворны для обеих сторон. Хочу выразить всем им свою глубокую благодарность.

А. Банк

ХРОНИКА

● В 1965 г. в Софии вышла монография Ангела Хр. Векова «Българо-руските революционни връзки (1885—1917 г.)». В книге систематизированы уже известные и содержатся новые ценные материалы о встречах болгарских революционеров с Лениным, сотрудничестве русских и болгарских революционных деятелей, данные о деятельности видных большевиков — М. М. Литвинова, Н. А. Семашко, С. А. Тер-Петросяна (Камо), С. Г. Буачидзе и др. — в Болгарии, о помощи, которую оказывали им болгарские тес-

няки и демократическая общественность об участии болгарских революционеров в перевозке ленинской «Искры» и т. п.

● В издательстве БКП в 1965 г. вышел сборник «Героично минало». Сборник содержит воспоминания видных болгарских партийных деятелей, относящиеся к ряду важных событий истории Болгарской коммунистической партии на протяжении 1893—1944 гг. Часть из этих воспоминаний почерпнута из фондов Центрального партийного архива при ЦК БКП.

В сборнике помещены воспоминания Владимира Поптомова, Георгия Москова и др. о сентябрьском восстании 1923 г., Благоя Попова о Лейпцигском процессе 1933 г., Любена Дюгмеджиева о деятельности депутатов-коммунистов болгарского парламента в 1940—1941 гг., Цолы Драгойчевой о некоторых моментах деятельности партии в годы второй мировой войны, ряд воспоминаний участников вооруженной антифашистской борьбы 1941—1944 гг.

● Издательство БКП в 1965 г. выпустило в свет книгу Петра Цанева «Марксистско-ленинская книга през периода на фашистката диктатура 1923—1944 г. Историко-библиографски очерк». Данная работа является продолжением вышедшего в 1962 г. историко-библиографического очерка того же автора «Издаването на социалистическата книга през легалния период на БКП», охватившего период 1885—1923 гг. П. Цанев приводит интересный материал об издании марксистско-ленинской литературы в Болгарии, об изданиях на болгарском языке, вышедших в рассматриваемый период в СССР и некоторых других странах. В работе показаны специфические организационные формы, использованные БКП в ее издательской деятельности в период фашистской диктатуры. В конце каждой из глав приводятся краткие библиографические данные о вышедшей литературе. Книга снабжена научным и справочным аппаратом.

● Самоотверженная борьба Польской рабочей партии против гитлеровских захватчиков и польской реакции, ее роль в установлении в Польше народной власти и в последующем развитии страны обусловили большой научный интерес к организационному строительству и внутренней жизни партии. Именно это обстоятельство придает особую важность вышедшей в 1965 г. работе Норберта Коломейчика «Польская рабочая партия 1944—1945 (Исследование организационного развития партии)». Norbert Kolomejczyk PPR. 1944—1945 (Studia nad rozwojem organizacyjnym partii). На основе тщательного изучения материалов Центрального комитета партии, всех воеводских комитетов, повятовых и городских партийных комитетов, дополненных све-

дениями, почерпнутыми в периодической печати, автор воссоздает картину развития партии в первые полтора года ее существования. В работе тщательно прослеживается организационное развитие партии, изменение ее структуры, распространение ее деятельности на всю территорию воссоединенных польских земель.

● Жюри конкурса, объявленного к двадцатилетию освобождения Чехословакии Союзом чехословацко-советской дружбы на лучшую работу по истории культурных связей между нашими странами, присудило первую премию профессору Карлова университета в Праге Йозефу Плавцу за работу «Пражский Глагол (1861—1961) и русская музыка», опубликованную в XXVI т. «Ученых записок» Института славяноведения АН СССР.

● Президиум Чехословацкой Академии наук наградила посмертно члена-корреспондента ЧСАН, выдающегося чехословацкого историка Вацлаву Гусу медалью «За заслуги перед наукой и человечеством».

● В связи с 700-летием со дня рождения Данте Алигьери Академия наук ЧССР организовала в Либлицком замке под Прагой юбилейную сессию, на которой были заслушаны, в частности, доклады академика Йозефа Мацека «Ренессанс в Италии»; д-ра Ф. Шмагля «Некоторые проблемы европейского Возрождения»; д-ра В. Урфуса «Учение Данте о государстве и экономическая этика позднего средневековья»; д-ра Йозефа Букачка «Данте Алигьери в свете новейших исследований»; д-ра К. Стейскале «Дантово понятие формы и средневековое изобразительное искусство»; д-ра В. Дворжаковой «Данте и Люксембургская династия»; проф. д-ра Д. Свободы «Шальда о Данте»; д-ра В. Турчаного «О переводах дантовской поэзии»; чл.-корр. ЧСАН З. Ваньчуры «От Данте к Милтону» и др. По докладам развернулась оживленная дискуссия, в ходе которой отмечались также особые заслуги поэта Ярослава Врхлицкого, переводчика «Божественной комедии» и основоположника чешской дантологии.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТИХОМИРОВ

2 сентября 1965 г. умер академик Михаил Николаевич Тихомиров. Из жизни ушел один из замечательных советских историков, блестящий источниковед и археолог, автор около 300 научных работ. С его именем неразрывно

связано возрождение в 1919 г. вышел его первый научный труд «Псковский мятеж XVII века».

В годы гражданской войны и первые годы советского строительства М. Н. Тихомиров много сделал для сохранения культурных и исторических памятников. Им были созданы музеи и библиотеки в городах Дмитрове и Самаре. Перейдя в дальнейшем на преподавательскую работу, М. Н. Тихомиров в 1934 г. стал профессором Московского университета. Будучи превосходным, чутким и внимательным педагогом, Михаил Николаевич воспитал несколько поколений историков СССР и историков-славистов.

в 30-х годах изучения гражданской истории в СССР.

М. Н. Тихомиров был одним из ближайших соратников академиков Б. Д. Грекова, Ю. В. Готье, В. И. Пичеты, члена-корреспондента АН СССР С. В. Бахрушина. Вместе с ними он принимал участие в разработке научной периодизации истории, в создании общей схемы исторического развития народов СССР. Во 2-й половине 30-х годов это была самая важная задача, стоявшая перед отечественной исторической наукой.

Будучи выдающимся специалистом по истории СССР, Михаил Николаевич неизменно самым живым образом интересовался историей славянских народов, задумывался над вопросами организации в СССР достаточно широких и систематических славистических исследований. В конце 30-х — начале 40-х годов его труды по славяноведению сыграли важную роль в подъеме славяноведческой науки в нашей стране. Именно поэтому он вместе с Б. Д. Грековым, В. И. Пичетой, З. Р. Неудлы стоял у колыбели образованного в 1947 г. Института славяноведения. Интерес к славянской проблематике, разумеется, не был чем-то случайным в его научном творчестве. М. Н. Тихомиров всегда прекрасно отдавал себе отчет о тех глубоких связях, которые объединяют историческое развитие России, Украины и Белоруссии с другими славянскими странами.

М. Н. Тихомиров прошел большой творческий путь. Он родился в Москве 1 июня 1893 г. в семье служащего. В 1911 г. окончил Петербургское коммерческое училище, а в 1912 г. поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Блестяще завершив в 1917 г. университетское образование, Михаил Николаевич сразу же посвятил себя научной работе. Уже

С 1935 г. научная работа М. Н. Тихомирова связана с Академией наук СССР. Он работал в Институте истории, с 1953 по 1957 г. возглавлял Отделение исторических наук АН СССР. По его инициативе в 1956 г. была создана сыгравшая столь важную роль в общем подъеме и развитии источниковедческих и археологических исследований, в выявлении и публикации ценных исторических памятников Археологическая комиссия, бессменным председателем которой он был до конца своей жизни. Последние годы научной деятельности Михаила Николаевича были особенно тесно связаны с Институтом славяноведения АН СССР, где он работал с 1957 года. Со времени основания журнала «Советское славяноведение» он состоял членом его редколлегии.

Для М. Н. Тихомирова как историка был характерен необычайно широкий диапазон научных исследований. Он глубоко разрабатывал не только историю русского народа, но и украинского и белорусского, народов Поволжья, Средней Азии и др. С конца 30-х годов в его творчестве большое место стали занимать проблемы истории зарубежных славянских народов и прежде всего изучение их политических и культурных связей с Россией. С большим вниманием М. Н. Тихомиров относился и к изучению славяно-германской исторической проблематики. В этой области его как исследователя главным образом интересовала история героической борьбы русского народа и народов Прибалтики против германского феодального «Дрангах Остен» в XIII—XV вв.

Несмотря на столь широкий размах научных исследований (к этому нужно прибавить еще, что М. Н. Тихомиров вел огромную публикаторскую работу) все его труды отличает мастерское владение

источниками, сочетающиеся с умением на основе анализа материала давать широкие обобщения исторических явлений. Такие работы М. Н. Тихомирова, как «Исследование о Русской Правде», «Древнерусские города», «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII веков», «Средневековая Москва», «Россия в XVI веке», «Борьба русского народа с немецкими интервентами в XIII—XV вв.», его труды по истории славянской книжности и древнерусской культуры, являются не только блестящими образцами источниковедческого анализа, но представляют собой пример мастерского исторического синтеза. Как историк-славист Михаил Николаевич обессмертил себя изданием замечательнейшего памятника славянского права — «Закон судный людем» (исследование и текст). Совсем недавно по инициативе и под редакцией М. Н. Тихомирова вышла в свет «Политика Юрия Крижанича».

Но не только блестящее мастерство исследователя принесло М. Н. Тихомирову мировое признание и высокий научный авторитет. Все труды М. Н. Тихомирова проникнуты любовью к родному народу, уважением ко всему прогрессивному в истории других народов. Все это и определило широкое международное признание трудов М. Н. Тихомирова. В 1959 г. он был избран действительным членом Польской академии наук, а в 1963 г. членом Американской ассоциации историков. Советская историческая наука, советское славяноведение со смертью М. Н. Тихомирова лишились одного из крупнейших ученых. Все, кто знал М. Н. Тихомирова и будет изучать его труды, навсегда сохранят благодарную память о нем.

*В. Д. Корольков,
А. И. Рогов*

АЛЕКСАНДР БУРМОВ

3 сентября 1965 г. скончался известный болгарский историк-марксист, выдающийся знаток истории болгарского национального Возрождения и национально-освободительной борьбы в XIX в. Александр Колев Бурмов. Он родился в г. Бяла Черква 2 февраля 1911 г., учился первоначально в семинарии, затем поступил в Софийский университет, где занимался историей и филологией, а потом специализировался в Вене. В 1943 г. он занял должность доцента, а в 1946 г. — профессора Софийского университета, где заведовал кафедрой болгарской истории. В 1958 г. А. Бурмов избирается членом-корреспондентом Болгарской академии наук. Он был сотрудником Института истории БАН, ректором Высшего педагогического института в Тырнове. А. Бурмов является автором ряда прочпо вошедших в науку работ. Он занимался изучением болгарской истории периода средневековья. Особенно известны его работы: «К вопросу о происхождении праболгар», «История Болгарии во время шимпановцев». Но главной сферой его научных интересов было изучение болгарского национального Возрождения, особенно 60—70-х годов XIX в. Много труда А. Бурмов отдал делу исследования истории Болгарского революционного комитета. Еще 20 лет назад он опубликовал небольшую по размеру, но весьма существенную книгу о нем. Эта тема интересовала его и в дальнейшем. Некоторые законченные части исследования он успел опубликовать в виде статей. К сожалению, труд остался незавершенным.

А. Бурмов участвовал в работе по изданию публикации «Освобождение Болгарии от турецкого ига», проводившейся

Институтом славяноведения АН СССР совместно с Институтом истории БАН. При его активном участии создавался первый том этого издания. Автор этих строк навсегда сохранит память о живых спорах, возникавших в процессе работы, которые всегда носили научный и принципиальный характер. Прекрасное знание Бурмовым людей, участвовавших в болгарском освободительном движении и деталей этого движения, способствовало достижению высокого научного уровня материалов тома. Живой, остро на все реагирующий человек, А. Бурмов был талантливым рассказчиком, интересным лектором, увлекательным собеседником. Крупный ученый, А. Бурмов был также активным общественным деятелем. Еще в условиях фашистского режима он сотрудничал в прогрессивных изданиях под псевдонимом Ал. Болтов. В 1944 г. А. Бурмов вступил в БКП и активно участвовал в социалистическом строительстве. Он являлся членом Экспертной комиссии по утверждению в ученых степенях и званиях при Министерстве народного просвещения, членом комиссии Народного Собрания по переименованию населенных пунктов и ряда других организаций, постоянно выступал в качестве лектора в разных городах страны.

А. Бурмов был большим другом Советского Союза, он имел широкие дружеские связи не только с советскими историками-славистами, но и со специалистами по новой истории, истории СССР, филологии. Знавшие А. Бурмова навсегда сохраняют память об этом талантливом человеке.

С. А. Пикетин

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1965 г.**

Передовые

Великая победа народов	№ 3
Задача изучения великого ленинского наследия	№ 2
От редакции	№ 1

Статьи

А н и ч е н к о В. В. Вопросы разграничения белорусских и украинских памятников	№ 6
Б е р н ш т е й н С. Б. О некоторых вопросах теории чередований	№ 5
Б и р м а н М. А. В. И. Ленин и борьба революционных социал-демократов балканских стран против империалистической войны в 1914—1915 гг.	№ 2
Б у д а г о в а Л. Н. О переводах поэзии Витезлава Незвала на русский язык	№ 4
Б э л з а И. Данте и культура славянских народов	№ 4
В о р о б ь е в а Е. Д. Образование и деятельность чехословацкого Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией (1925—1927)	№ 2
В о л к о в В. К. Внешняя политика Югославии в 1935—1936 гг.	№ 1
Г е н т ц е н Ф.-Х. Предмет, развитие и содержание империалистического немецкого остфоршунга	№ 3
Г у д к о в В. П. О различиях между двумя вариантами сербско-хорватского литературного языка	№ 3
Ж и г у н о в Е. К., Р а ш к о в с к и й Е. Б. Ранние программы социалистического движения в Польше (к истории становления идеологии партии «Пролетарпат»)	№ 6
М а н у с е в и ч А. Я. Из истории борьбы за союз и дружбу между СССР и Народной Польшей	№ 3
М а р к о в Д. Ф. О некоторых чертах реализма в литературах зарубежных славянских народов конца XIX — 20-х годов XX в.	№ 3
М а р т ы н о в В. В. Проблемы славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья	№ 4
П и с а р е в Ю. А. Оккупация Сербии Австро-Венгрией и борьба сербского народа за свое освобождение в 1916—1918 гг. (до прорыва Салоникского фронта)	№ 4
П р а с о л о в С. И. Советско-чехословацкий договор 1943 г. (К истории дипломатической подготовки)	№ 1
Р а т н е р Н. Д. Австрийский пангерманизм и славянские народы Австрии	№ 4
С л а в и н Г. М. Из истории создания социалистической Югославии	№ 6
Т о п о р н и Б. П. Основные направления развития Национального собрания ЧССР после принятия Конституции 1960 г.	№ 5
Т у р о к В. М. Некоторые проблемы истории Австро-Венгрии	№ 4
Т ы х Ф. Ленинизм и польская социал-демократия	№ 2
Ф р е й д з о н В. И. Буржуазные национал-радикалы и друзья Парижской Коммуны в Хорватии	№ 5
Ч е р н и й А. И. К вопросу о рабочем контроле в болгарской промышленности (сентябрь 1944—декабрь 1947 гг.)	№ 4
Ш е р л а и м о в а С. А. К спорам о концепции революционного искусства в чешской литературе 20-х годов	№ 5
Ш л е н о в а Н. А. Двадцать лет развития социалистической промышленности Чехословакии	№ 3
Ш м е р а л ь Я. Б., В а л е в Л. Б. Историческое двадцатилетие (к истории развития социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы)	№ 1

Яблонский Г. Состояние и перспективы развития исторической науки в Польше № 4

Сообщения и публикации

Аванесов Р. И. К итогам работы над Общеславянским лингвистическим атласом (1958—1964 гг.)	№ 1
Вулетић В. Чернышевский о сербской народной поэзии	№ 5
Горина Л. В. К вопросу о подлинности Виргинской грамоты	№ 4
Гуркин В., Зубаков В. Освобождение Чехословакии от гитлеровской оккупации	№ 3
Желанов В. Н. Материалы к истории освобождения Варшавы от немецко-фашистских оккупантов	№ 1
Журавский А. И. Некоторые особенности взаимодействия древнеславянского и белорусского литературных языков	№ 2
Зайцева А. А. «Дневник» Яна Коллара (к вопросу о формировании мировоззрения поэта)	№ 6
Зеленин В. В. Участие советских людей в народно-освободительной войне Югославии	№ 6
Злыднев В. И. Из истории установления советско-болгарских культурных связей (конец 20-х — начало 30-х годов)	№ 1
Карасев В. Г. Неопубликованное письмо В. Пелагича	№ 2
Кишкин Л. С. «Прага победоносной Красной Армии — освободительнице»	№ 3
Смирнов Ю. И. Сербская баллада на Русском Севере	№ 6
Львова Е. П. Из истории русско-болгарских художественных связей конца XIX — начала XX вв.	№ 3
Носкова А. Ф. Генеральный план ОСТ	№ 3
Флорья Б. Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского	№ 2

Критика и библиография

Библиография	№ 4—6
Богуславский М. И. Stanisław Piotr Stęborowski. Geneza Centrolewu (1928—1929)	№ 3
Бэлза С. И. «Польский парнас»	№ 1
Бэлза И. Ф. Монография об Отакаре Иеремиаше	№ 3
Васильев Л. М. Новый систематический каталог Лужицкого архива культуры	№ 4
Венедиктов Г. К. Юбилейные издания «Рыбного букваря» П. Берона	№ 1
Воздвиженская Т. А. «Wissenschaft am Scheidewege»	№ 2
Вознесенский В. Д., Волков В. К., Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны)	№ 2
Волков В. К. Работы С. С. Вирюзова об освободительной миссии Советской Армии на Балканах	№ 3
Гпбианский Л. Я. Branko Petranović. Političke i pravne prilike za vreme Privremene vlade DFJ	№ 6
Горский И. К. Г. Д. Вервес. Т. Г. Шевченко і Польща	№ 4
Горский И. К. Начало ценного труда	№ 6
Грачев С. Славный боевой путь	№ 3
Григорьянц Т. Martin Broszat. 200 Jahre deutsche Polenpolitik	№ 4
Гришина Р. П. Д. Мичев. Четническото движение в България. 1924—1925	№ 2
Гришина Р. П. Трайчо Костов. Избрани статии, доклади, речи	№ 5
Демина Е. И. К. Мирчев. Българският език през вековете	№ 1
Дмитриев П. А. Новая грамматика сербско-хорватского языка	№ 6
Дьяков В. А. Zb. Świek. Przywódcy powstania styczniowego	№ 2
Ермакова М. И., Калнынь Л. Э. Siegfried Michalk. Der obersorbische Dialekt von Neustadt	№ 5
Забавнова Л. И. Лингвистический сборник в честь проф. Лера-Славинского	№ 2
Злыднев В. И. Исследование о болгарской литературной газете	№ 2
Ильина Г. Я. Vice Zaninović. August Cesarec (Život i rad)	№ 2
Калнынь Л. Э. Новые публикации по сорабистике	№ 1

Кириллюк Е. П. Шевченко и болгарская литература	№ 6
Кишкин Л. С. Вопросы чешско-русских и словацко-русских литературных связей в двух изданиях Пушкинского дома	№ 1
Козырева Л. А. Новая книга о Сметане	№ 2
Королюк В. Д. W. Hensel. Archeologia o początkach miast słowiańskich	№ 1
Королюк В. Д. Vojtech Ondrouch. Nálezy keltských, antických a byzantských mincí na Slovensku	№ 2
Костюшко И. И. Политико-воспитательная работа в 1 Польской армии	№ 3
Кравцов Н. И. Свод устного болгарского народного творчества	№ 1
Кравцов Н. Начало важного дела	№ 4
Кулинич И. М. Документы по истории Болгарии из германских архивов	№ 4
Лейкяна-Свирская В. В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г.	№ ?
Лекомцева М. И. Eugen Pauliny. Fonologický vývin slovenčiny	№ 3
Л. В. «Социально-экономическое развитие Болгарии (1944—1964)».	№ 1
Л. В. Новые труды болгарских историков об антифашистской борьбе болгарского народа в период второй мировой войны	№ 3
Л. К. Antonín Macek. Stati o kultuře, umění a literatuře	№ 2
Львова Е. П. Книга о болгарском изобразительном искусстве	№ 2
Михайлов Е. В. «Развитие мировой социалистической системы хозяйства и экономическое сотрудничество европейских социалистических стран-участниц СЭВ»	№ 2
Наумов Е. П. Новые издания памятника средневекового славянского права Недорезов А. И. V. Kotyk. O zahraniční politice socialistických států	№ 1
Нещименко Г. П. Сборник научных работ в честь академика Б. Гавранка	№ 2
Никитин С. А. Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии	№ 1
Никольский С. В. Dějiny české literatury, d. II	№ 5
Никольский С. В. Книга об Иржи Волькере	№ 2
Орехов А. М. Книги о пребывании В. И. Ленина в Польше и Чехословакии	№ 3
Парсаданова В. С. Литература о боевом содружестве советского и польского народов	№ 2
Песчаный Д. Веселин Хаджиниколов. Интернационалистическите традиции на Българската Коммунистическа партия	№ 3
Пономарева Н. П. Елена Димитрова. Христо Смирненски. Живот и творчество	№ 2
Попов Т. П. Миодраг Поповић. Вук Стеф. Караџић	№ 1
Путилов Б. Н. «Narodne epske pjesme»	№ 1
Ратнер Н. Jiří Kofalka. Všeneměcky svaz a česká otázka koncem 19 století	№ 6
Рогов А. И. Две книги о болгарской миниатюре XIV в.	№ 2
Рябова Е. И. Franc Zdravec. Miško Kranjec. 1908—1935	№ 2
Свирида И. Социологическое исследование о художниках	№ 1
Севьян Д. А. Rodoljub Colakovič. Kazivanje o jednom pokoljenju	№ 5
Семенова Л. Е., Клепикова Г. П. Вопросы истории и языкознания в «Романославике»	№ 3
Сиподс В. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений»	№ 4
Славин Г. М. Об освещении истории СССР в некоторых югославских учебниках	№ 6
Смирнов Ю. Издание по этнографии и фольклору Болгарии.	№ 2
Смирнов Ю. «Народни песни от североизточна България»	№ 1
Созин И. В. Ryszard Orłowski. Położenie i walka klasowa chłopów w Ordynacji Zamojskiej w drugiej połowie XVIII wieku	№ 4
Соловьева А. П., Кишкин Л. С. Dějiny české literatury, d. III	№ 2
Сумарокова М. М. Vlado Strugar. Jugoslavenske socijaldemokratske stranke 1914—1918	№ 1
Тптова Л. J. Dolanský. Stopami buditelů	№ 2
Усачева В. В. Словарь языка Т. Г. Шевченко	№ 1
Хренов И. А. Сборник избранных произведений В. Гомулки	№ 2
Цейтлин Р. М. О словаре старославянского языка Чехословацкой академии наук	№ 1
Цыбенко Е. З. Две книги о Болеславе Прусе	№ 3
Черниковский З. М. В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь	№ 1
Чуркина И. В. Vogo Grafenauer. Kmečí uprži na Slovenskem	№ 5
Шаблювский Е. С. В. А. Дьяков. Тарас Шевченко и его польские друзья	№ 5
Шерлаимова С. А. «Пути в сегодня»	№ 1
Шленова Н. А. Книга по экономической географии Чехословацкой Социалистической Республики	№ 1

Заметки о книгах и статьях

Агапкина Т. П. «Cyganeria i polityka. Wspomnienia krakowskie 1918—1939»	№ 5
Богданов Ю. В. Nora Krausová. Erika a roman	№ 5
Виноградов В. Миф на службе реванша	№ 5
Гришина Р. П. Отзвукът на Лайпцигския процес в българския печат . .	№ 3
Кишкин Л. С. Karel Křečič. Heroikomika v básnictví slovanů	№ 5
Копашева М. Jan Křen. Do emigrace. Buržoazní zahraniční odboj 1938—1939	№ 5
Корольков В. Д. Сборник статей по истории польско-немецких отношений	№ 6
Л. К. «Борющиеся традиции»	№ 4
Лозинский И. Творческий самоотчет критика	№ 6
Мыльников А. М. Kudělka. Spor Gelasia Dobnera o Hájkovu kroniku . .	№ 5
Носкова А. Ф. К истории гитлеровской оккупации в Польше	№ 6
Рябова Е. D. Pirjevec. Ivan Sankar in evropska literatura	№ 5
Савицкий М. Jiří Franěk. Bohumil Mathesius	№ 3
Смирнов Л. Н. Материалы конференции по вопросам развития современно-го словацкого литературного языка	№ 3
Тулъчинский М. Р. Критика западногерманского остфоршунга на страницах журнала ГДР	№ 4
Фрейденберг М. М. Из истории борьбы за национальную школу в Далмации	№ 3
Хитрова Н. И. Бравко Павићевић. Црна Гора у рату 1862 године	№ 4
Хорев В. Jerzy Ziomek. Kazimierz Brandys	№ 5
Шварцкопф Б. С. «Проблемы современной филологии»	№ 6

Научная жизнь

Боголюбова Н. К. На кафедре истории западных и южных славян МГУ . .	№ 2
Виноградова А., Пашаева Н. Научная конференция, посвященная 550-летию со дня смерти Яна Гуса	№ 6
Волков А. Р. Шестая украинская славистическая конференция	№ 2
Грацианская Н. О работе этнографов-славяноведов в Институте этнографии АН СССР	№ 4
Гудков В. П. На кафедре славянской филологии Московского университета	№ 5
Доронченков А. И. Научная работа историков-славистов Великолуцкого педагогического института	№ 3
Зеленин В. В. Научная конференция в ознаменование XX годовщины победы над фашистской Германией	№ 4
К III Всесоюзной конференции историков-славистов	№ 4
Лекмцева М. И. Конференция по индоевропейскому языкознанию	№ 2
Малов В. Н. Славяноведческая тематика в секторе истории средних веков Института истории АН СССР	№ 5
Москаленко А. Е. Научно-исследовательская работа воронежских историков-славистов в 1963—1964 гг.	№ 4
Назаров В. Д. В Институте экономики мировой социалистической системы	№ 6
Наумов Е. П. Вопросы славяноведения на общем собрании Отделения истории АН СССР	№ 2
Р. Ф. В секторе литератур стран народной демократии Института мировой литературы АН СССР	№ 4
Сапожников Г. Н. В секторе истории стран народной демократии Института истории АН СССР	№ 2
Смирнов Л. Н. Дискуссии о культуре языка в Словакии	№ 6
Созин И. В. На кафедре истории западных и южных славян МГУ	№ 6
Соколова В. К. Вопросы славистики на Международном конгрессе этнографов	№ 2
Соловьева Г. В Институте археологии АН СССР	№ 4
Шеламанова Н. Б., Рогов А. И. Общее собрание Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР	№ 3

В Институте славяноведения АН СССР

А. О. Лекции акад. Г. Ябловского	№ 3
А. С. Сектор славянских литератур	№ 2
Венедиктов Г. К. Сектор славянского языкознания	№ 1
Воздвиженская Т. А. Группа славяно-германских отношений	№ 1
Данилова Н. П. Конференция по проблеме «Генезис капитализма, национальное движение и формирование национальной культуры в славянских странах»	№ 1
Диссертации, защищенные на Ученом совете Института славяноведения АН СССР в 1964 году	№ 3

Защита диссертаций	№ 4—6
Зуева Н. В. Сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма	№ 1
Копашева М. И. Сектор истории зарубежных славянских народов в эпоху социализма	№ 2
М. К. Встреча с лекторской группой ЦК КПЧ	№ 2
М. К. Заседание Ученого совета, посвященное 20-летию освобождения Чехословакии	№ 5
Н. Ш. Гости из Чехословакии	№ 4
Обушenkова Л. А. Группа исторических связей народов СССР с зарубежными славянскими народами	№ 3
Прокoфьева Н. Группа истории культуры зарубежных славянских стран	№ 2
Сегал Д. М. В секторе структурной типологии славянских языков	№ 3
Сперанский А. И. Научные сессии	№ 1
Струкoва К. М. Сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	№ 1
Т. А. К 20-летию советско-польского договора	№ 4
Хроникальные заметки	№ 5—6
Чешико Е. В. Конференция по проблемам лингво-и этногеографии и ареальной диалектологии	№ 3

Научная жизнь за рубежом

Банк А. Две недели в Югославии	№ 6
Грозненчик И. Институт истории европейских социалистических стран Словацкой академии наук в Братиславе (проблемы и перспективы)	№ 1
Гусев В. Е., Путилов Б. Н. Конгрессы югославских фольклористов	№ 5
Джорджевич О. Исторический институт в Белграде	№ 1
К предстоящему Конгрессу по славянской археологии	№ 4
Наумов Е. П. Международный симпозиум, посвященный памяти В. Караджича	№ 1
Недорезов А. Конференция чехословацких историков, посвященная двадцатилетию страны	№ 4
Обушenkова Л. А. Летние курсы славистов в Варшаве	№ 1
Ольшанский П. Научная конференция в Варшаве	№ 4
Петранович Б. Организация и деятельность Института по изучению рабочего движения в Белграде	№ 4
Попова Т. П. Семинар славистов в Югославии	№ 1
Сладек Эд. Институт истории европейских социалистических стран ЧСАН	№ 5
Тодоров Г. Научная деятельность Института истории Болгарской академии наук	№ 2
Хроника	№ 6
Цесляк Т. Состояние и направление развития в ПНР исследовательских работ в области истории польско-советских отношений	№ 2
Ю. Р. Школа славистов в Праге	№ 1
Яблонский Г. Изучение Великой Октябрьской социалистической революции в Польше	№ 3
Якубчик В., Топольский Е. Познанский исторический центр (историческая наука в Познани)	№ 6

Некрологи

Наталья Гонсеровская-Грабовская	№ 1
Памяти Вацлава Гусы	№ 2
Тадеуш Мер-Сплавинский	№ 3
Михаил Николаевич Тихомиров	№ 6
Александр Бурмов	№ 6

CONTENTS

- G. M. Slavin*. From the history of the creation of Socialist Yugoslavia. *E. K. Zhigunov*, *E. B. Rashkovsky*. Earlier programmes of the socialist movement in Poland (Towards the history of the emergence of the «Proletariat» party ideology). *V. V. Anichenko*. The problems of the mutual differentiation of the old Byelorussian and Ukrainian texts 3

COMMUNICATIONS

- V. V. Zelenin*. The participation of the Soviet people in the Yugoslav national-liberation war. *A. A. Zaitseva*. Jan Kollar's «Diary» (Toward the study of the formation of the poet's outlook). *Ju. I. Smirnov*. Serbian ballad in the North of Russia 35

BIBLIOGRAPHY

Review-articles and reviews

- L. Ja. Gibiansky*. Branko Petranović. Politicke i pravne prilike za vreme Privremene vlade DFJ. *V. Stipols*. «Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations». *I. K. Gorsky*. The start of very important work. *E. P. Kiriliuk*. Shevchenko and the Bulgarian literature. *B. N. Putilov*. «Narodne epske pjesme». *P. A. Dmitriev*. A new grammar of Serbo-Croatian 60

Notes

- V. D. Koroliuk*. A collection of articles on the history of Polish-German relations. *A. F. Noskova*. Toward the history of the Nazi occupation of Poland.
I. Lozinsky. A creative self-evaluation of a critic. *B. S. Shvartskopf*. «The problems of modern philology» 73

Bibliographical Index

- The most important articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slavic peoples, published in the Soviet periodicals in 1965 (continued). The contents of the foreign magazines 78

SCIENTIFIC LIFE

- V. D. Nazarov*. At the Institute of the Economy of the World Socialist System. *I. V. Sozin*. The Chair of the history of the Western and Southern Slavs at the Moscow University. *A. Vinogradova*, *N. Pashayeva*. The scientific conference in memory of the 550 anniversary of Jan Hus' death. *L. N. Smirnov*. The discussion on the language culture in Slovakia. 84

At the Institute of Slavonic Studies of the USSR Academy of Sciences

- V. A. Petrov*, *A. K. Vansky*, *T. P. Blinova*, *L. A. Obushenkova*. The defence of dissertation theses. Chronicle notes 95

Scientific life abroad

- Witold Jakubczyk*, *Jerzy Topolski* (Poland). The Poznan historical centre (The science of history in Poznan). *A. Bank*. Two weeks in Yugoslavia. Chronicle.
V. D. Koroliuk, *V. I. Rogov*. M. N. Tikhomirov. *S. A. Nikitin*. A. Burmov 98
Index of article and materials published in the magazine in 1965. 107

Адрес редакции:

Москва, Г-69, Трубниковский пер., 30а, тел. Б-1-27-40

Технический редактор Т. А. Михайлова

Т-13376	Подписано к печати 18/X-1965 г.	Тираж 1000 экз.	Зак. 2883
Формат бумаги 70×109 ¹ / ₁₆ .	Печ. л. 9,8	Бум. л. 3,5	Уч.-изд. листов 11,9

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

на 1966 год

На страницах журнала найдут отражение проблемы советской и зарубежной славистики в самом широком плане. Будут публиковаться материалы по вопросам истории славянских народов, их культуры и языков. Особое внимание будет уделяться освещению проблем социалистического строительства и культурной революции в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии, национально-освободительной борьбе народов славянских стран в прошлом, особенно в годы второй мировой войны.

В журнале найдут место статьи, посвященные рабочему движению, проблемам славянского возрождения, возникновению славянских государств, а также славянскому этногенезу.

Редакция предполагает всесторонне освещать вопросы истории литературы славянских народов, их вклад в мировой литературный процесс, современное состояние литературы. Будут широко публиковаться материалы по языкознанию, представляющие общеславянский интерес.

Большое внимание редакция будет уделять освещению исторических и культурных связей славянских народов между собой и их связи с неславянскими народами.

Подписка принимается в пунктах подписки «Союзпечать», отделениях связи, городских и районных узлах связи, почтамтах, общественными распространителями печати на предприятиях, а также конторами и магазинами «Академкнига» и Центральной конторой «Академкнига» по адресу: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10.

«АКАДЕМКНИГА»